

ЛЮ ЧЖЭНЬЮНЬ ОДНО
СЛОВО СТОИТ
ТЫСЯЧИ

Лю ЧЖЭНЬЮНЬ

Одно слово стоит тысячи

«Гиперион»

2009

ББК 84(5 Кит)

Чжэньюнь Л.

Одно слово стоит тысячи / Л. Чжэньюнь — «Гиперион», 2009

ISBN 978-5-89332-296-5

Роман «Одно слово стоит тысячи» (2009) – на сегодняшний день самое известное и титулованное произведение Лю Чжэньюня, в 2011 г. оно удостоилось литературной премии имени Мао Дуня – главной литературной награды Китая. Юмористический дар писателя проявляется здесь в новой плоскости: роман и комичен, и суров одновременно, ведь над героями смеется сама жизнь, толкающая их в погоню за призрачным счастьем. Лю Чжэньюнь рисует великое китайское одиночество: на крутых виражах судьбы, в огромном море людей человеку не с кем поговорить по душам, даже с Богом. Одно слово стоит тысячи.

ББК 84(5 Кит)

ISBN 978-5-89332-296-5

© Чжэньюнь Л., 2009

© Гиперион, 2009

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	12
3	23
4	33
5	41
6	48
7	57
8	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Лю Чжэньюнь

Одно слово стоит тысячи

孔子新汉学计划

Роман издан при поддержке «Программы китаеведения имени Конфуция»
Штаб-квартиры Институтов Конфуция и при содействии Издательства «Литература и искусство Янцзы»

长江文艺出版社

Данное издание осуществлено в рамках двусторонней ПРОГРАММЫ ПЕРЕВОДА И ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, утвержденной Главным государственным управлением по делам прессы, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения КНР и Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям Российской Федерации.

ГИПЕРИОН

Для читателей старше 16 лет.

One Sentence Worth Ten Thousand – Copyright

© Flower City Publishing House, 2017

© Liu Zhenyun, 2009

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

© А. А. Родионов, составление, перевод, 2017

© О. П. Родионова, перевод, 2017

© Издательский Дом «Гиперион», 2017

中
БИБЛИОТЕКА
国
КИТАЙСКОЙ
文
ЛИТЕРАТУРЫ
学

Перевод с китайского *О. П. Родионовой*

Часть первая Покидая Яньцзинь

1

Папаша Ян Байшуня продавал доуфу¹. Народ звал его просто – «продавец доуфу Лао Ян». В летнюю пору Лао Ян, кроме доуфу, продавал еще и холодную закуску из крахмальной лапши. Продавец доуфу Лао Ян очень дружил с извозчиком Лао Ма из деревеньки Мацзячжуан. Но дружбой это только называлось, потому как Лао Ма частенько третировал Лао Яна. Не то чтобы тот избивал или ругал Лао Яна, или был с ним нечист на руку, но он всей душой презирал приятеля. Казалось бы, если ты презираешь человека, можно с ним попросту не общаться, однако извозчику Лао Ма требовался напарник для шуток. Лао Ян, говоря о друзьях, прежде всего называл извозчика Лао Ма из деревеньки Мацзячжуан. Когда же о друзьях приходилось заговаривать Лао Ма, тот ни разу не упоминал имени продавца доуфу и крахмальной лапши Лао Яна из деревеньки Яньцзячжуан. Впрочем, посторонние, не вникая во все эти тонкости, считали их хорошими друзьями.

Ян Байшуню было одиннадцать лет, когда кузнец Лао Ли из соседнего поселка решил отметить юбилей своей матери. Кузница Лао Ли называлась «Пламенная», в ней ковали ложки, ножи, топоры, мотыги, серпы, боронилки, лопаты, дверные петли и многое другое. Известно, что кузнецы в большинстве своем расторопные, а Лао Ли, напротив, был медлительным: на какой-нибудь зуб для бороны он мог убить часа два. Зато после такой кропотливой работы зуб выходил что надо. Перед закалкой на ложках, ножах, топорах, мотыгах, серпах, боронилках, лопатах, дверных петлях и прочих изделиях неизменно ставилось клеймо «Пламенная». На несколько десятков ли² окрест кузнецов больше не было, но не потому, что не находилось достойных мастеров, а потому, что времени на такое ремесло было жалко. Известно, что медлительность легко порождает занудство, а занудство легко порождает злопамятность. Пока Лао Ли занимался своим делом, в его кузницу день-деньской кто только ни заглядывал, наверняка бывало, что и говорили что-то обидное. Но на чужих Лао Ли зла не держал, плохое он помнил только со стороны матери. Мать Лао Ли была не в пример ему расторопной, и эта ее расторопность его подавляла. Когда Лао Ли было восемь лет, он втихаря съел финиковое печенье. За это мать, схватив железный черпак, так им огрела сына по голове, что у того хлынула кровь. Другой бы оправился и забыл про этот случай, а вот Лао Ли с восьми лет хранил обиду на мать. Эту обиду подогревала даже не кровавая рана, а то, что мать, подняв на него руку, вела себя после этого как ни в чем не бывало и даже отправилась с друзьями в уездный город на какое-то представление. И даже не в представлении было дело, а в том, что, повзрослев, у него с ней, как у людей с совершенно разными характерами, по любому вопросу имелись противоположные мнения. Мать Лао Ли всегда страдала глазами. В тот год, когда Лао Ли исполнилось сорок лет, умер его отец, а когда Лао Ли исполнилось сорок пять, у него ослепла мать. После этого Лао Ли стал полновластным хозяином кузницы «Пламенная». Однако своего отношения к матери он не изменил: если у той возникали какие-то потребности в еде или в одежде, он относился к этому как и прежде, когда она еще была зрячей, вот только ее разговоры он теперь игнорировал. В семьях кузнецов, как и во всех остальных, едят без особых изысков, тем не менее его ослепшая мать требовала:

¹ Доуфу – соевый творог.

² Ли – китайская мера длины, равная 500 м.

– Во рту одна преснятина, хоть бы кусочек говядинки дал пожевать.

– Подожди, – отвечал Лао Ли.

Ждать-пождать – никакой реакции. Тогда мать снова начинала ворчать:

– Тоска уже совсем заела, беги за ослом и отвези меня хоть в город проветриться.

– Подожди, – отвечал Лао Ли.

Ждать-пождать – опять никакой реакции.

И не сказать, чтобы он специально измывался над матерью, просто таким образом он хотел несколько остудить ее горячий нрав. Полжизни Лао Ли провел под ее началом и крутился как белка в колесе, так что теперь настала пора уgomониться. Кроме того, он переживал, что стоит раз дать слабину, и просьб станет еще больше. Но тем не менее, когда подошло семидесятилетие матери, Лао Ли все-таки решил устроить ей праздник.

– Мне вот-вот помирать уже, не нужно никакого праздника. В обычные дни относись капельку лучше и все, – отказалась мать, но тут же, ткнув палкой в землю, спросила: – Да и в мою ли честь ожидается торжество? Наверняка что-нибудь дурное замыслил.

– Какая же вы, мамаша, мнительная, – ответил Лао Ли.

Однако отпраздновать юбилей Лао Ли замыслил и вправду не ради своей матери. В прошлом месяце в их поселке обосновался прибывший из провинции Аньхой кузнец по фамилии Дуань и тоже открыл свою кузницу. Лао Дуань был мужчиной дородным, поэтому кузницу свою он назвал «Толстяк Дуань». Будь Лао Дуань по характеру расторопным, Лао Ли бы и не волновался, но кто же знал, что тот окажется таким же медлительным и на один зубец боронилки у него тоже будет уходить часа два! Поэтому Лао Ли решил отпраздновать юбилей матери, так сказать, в пику Лао Дуаню. Он хотел, чтобы тот понял простую истину: пришлому дракону не растоптать змею в ее норе. Разумеется, простой люд всех этих тонкостей узреть не мог. Все знали, что раньше Лао Ли не уважал свою мать, однако его неожиданный поступок расценили как раскаяние, поэтому в праздничный день с подарками отправились на посиделки. Лао Ян и Лао Ма оба водили дружбу с кузнецом Ли, поэтому и они пожаловали с подношениями. Лао Ян, который спозаранку отправился торговать доуфу, ушел далеко и к началу банкета немного опоздал. А вот Лао Ма, чья деревенька находилась совсем рядом с поселком Лао Ли, подоспел вовремя. Лао Ли, полагая, что продавец доуфу Лао Ян и извозчик Лао Ма хорошие друзья, оставил рядом с Лао Ма свободное местечко. Самому Лао Ли показалось, что он поступил весьма предупредительно, но кто бы мог подумать, что Лао Ма вдруг развыступается:

– Только не это, лучше определи-ка его в другое место.

– Так вы же оба – такие шутники, так всегда веселитесь, – заикнулся было Лао Ли.

Но тут Лао Ма спросил:

– Выпивка-то сегодня будет?

– По три бутылки на стол, трезвым никто не уйдет.

– То-то и оно. Вот если бы мы не выпивали, я бы с ним и пошутил, а так, он когда напиивается, сразу начинает в душу лезть. Причем ему от этого услада, а мне лишь досада. И такое уже не раз случалось, – добавил Лао Ма.

Тогда-то Лао Ли и просек, что друзья они вовсе не задушевные. Или, лучше сказать, Лао Ян перед Лао Ма держал свою душу нараспашку, а вот Лао Ма от Лао Яна свою душу воротил. В общем, пришлось Лао Яна пересадить за другой стол, к перекупщику скота Лао Ду. До этого Лао Ян послал в дом к Лао Ли своего сына, чтобы тот помог натаскать воду, и так случилось, что Ян Байшунь весь этот разговор слышал. На следующий день после гулянки продавец доуфу Лао Ян жаловался дома, что у Лао Ли ему не понравилось и на подарок он потратился зря. Но дело было отнюдь не в угощении, а в том, что он не мог нормально пообщаться за столом. Перекупщик скота Лао Ду оказался плешивым, вонючим, да еще и с перхотью. Лао Ян полагал, что его посадили к Лао Ду из-за того, что он подошел позже. Тогда Ян Байшунь возьми да расскажи Лао Яну про подслушанный вчера разговор. Выслушав сына, продавец доуфу Лао Ян

сначала отвесил ему хорошего подзатыльника, а затем отругал: «Лао Ма вовсе не имел в виду ничего плохого. Ты все переиначил!»

Пока Ян Байшунь поскуливал, Лао Ян, обхватив руками голову, присел на корточки у порога и долго-долго молчал. Целых полмесяца после этого он избегал Лао Ма, дома даже не произносил его имени. Но спустя полмесяца Лао Ян снова стал с ним общаться, шутить и, если случалась какая-нибудь проблема, шел к Лао Ма за советом.

В торговле ценится умение зазывать покупателей, однако Лао Ян, продавая свой доуфу, кричать не любил. Зазывные кричалки делятся на простые и сложные. В простых зазывных кричалках товары называются своими именами, скажем: «Продается доуфу...» или: «Доуфу из деревни Янцзячжуан...» Ну а сложные зазывные кричалки произносятся нараспев, в них тот же доуфу будет превозноситься до небес: «Доуфу-то доуфу, но разве это доуфу? Это хоть и доуфу, но не такой доуфу...» А какой же? В сладких речах зазывал этот доуфу превращался в нефрит и агат. Но Лао Ян красноречием не отличался, да и мелодий выводить не мог, а простые выкрики ему были не по душе. Он уже пробовал, выходило у него как-то примитивно: «Доуфу с пылу с жару, без всяких-яких...» Зато Лао Ян умел бить в барабан. Он мастерски владел колотушкой, выбивая из барабана то сверху, то сбоку самые диковинные звуки. Поэтому он придумал нечто новенькое в своем роде, и, продавая доуфу, вместо зазывных криков бил в барабан. Народ тотчас оценил его оригинальность. Теперь, услышав характерные удары барабана, всякий знал, что к ним пришел продавец доуфу Лао Ян из деревни Янцзячжуан. Помимо хождения по деревням, в базарные дни Лао Ян выставлял свой товар в поселке. Там он наряду с доуфу предлагал еще и закуску из крахмальной лапши. Бывало, нарежет тесачком лапши, положит ее в пиалу, приправит зеленым лучком, кошачьей мятой да кунжутной пастой, а как продаст, начинает крошить по новой. По левую руку от лотка Лао Яна продавал лепешки с ослиатиной Лао Кун из деревеньки Кунцзячжуан, а справа торговал острым овощным супом, а заодно и резаным табаком Лао Доу из деревеньки Доуцзячжуан. Лао Ян, расхаживая по деревням, предлагал свой товар под звуки барабана, и на рынке он делал то же самое. Барабан у лотка Лао Яна не умолкал с утра до самого вечера. Сначала всем это казалось забавным, но спустя месяц его соседи, Лао Кун и Лао Доу, уже просто не выдержали. Сначала свое слово сказал Лао Кун:

– То «бум-бум-бум», то «тра-та-та», Лао Ян, у меня из-за твоего барабана мозги стали что твоя закуска. У нас тут простая торговля, а не военный парад, к чему столько шума?

Ну а вспыльчивый Лао Доу подошел к Лао Яну мрачнее тучи и без всяких слов растоптал его барабан.

Спустя сорок лет Лао Яна хватил инсульт, и он слег от паралича, а хозяином семейной лавки стал его старший сын Ян Байе. У других при инсульте теряется память, речь становится совершенно бессвязной и отрывистой, а у Лао Яна парализовало только туловище, с головой и речью у него все было нормально. До паралича он говорил кое-как, легко путал одно с другим, а то и вовсе все сгребал в одну кучу. Зато после паралича его сознание, наоборот, прояснилось: он и говорить стал бойко, и рассказы у него всегда выходили связные, не подкопаешься. Болезнь приковала его к постели, и теперь ему чуть что приходилось обращаться за помощью. Это, конечно, доставляло Лао Яну неудобства. Теперь, едва кто-нибудь заходил к нему в комнату, он тотчас начинал лебезить и заискивать, пока у него не спрашивали, чего ему нужно. Будучи здоровым, он частенько мог и соврать, но теперь, парализованный, выворачивал свою душу наизнанку. Понимая, что обильное питье спровоцирует его мочевой пузырь, Лао Ян вообще старался после обеда не пить.

За прошедшие сорок лет кто-то из друзей Лао Яна уже помер, кто-то с головой погрузился в свои проблемы, так что никто к нему больному и не приходил. А тут на Праздник

середины осени³ к Лао Яну с двумя пакетиками лакомств появился Лао Дуань, который в давние времена торговал на рынке луком. Лао Ян, к которому уже долгое время никто из старых друзей не заходил, взял Лао Дуаня за руку и расплакался. Но едва в комнату зашли домашние, он тотчас успокоился.

Потом Лао Дуань стал спрашивать:

– А ты не считал, скольких наших стариков с рынка можешь вспомнить?

Лао Ян соображал хоть и неплохо, но спустя сорок лет большую часть старых приятелей уже подзабыл. Загибая пальцы, он смог вспомнить лишь пятерых, остальных ему вспомнить не удалось. Однако он помнил Лао Куна, что продавал лепешки с ослиатиной, и Лао Доу, что торговал острым овощным супом и резаным табаком. Поэтому он тут же перевел разговор на Лао Куна и Лао Доу:

– Лао Кун – человек деликатный, а Лао Доу – тот огонь, как-то раз взял и растоптал мой барабан. Но я этого так не оставил: подошел к его лотку и так пнул, что весь его суп оказался на земле.

– А помнишь холостильщика Лао Дуна из деревеньки Дунцзячжуан? Он еще, кроме того, что холостил скот, лудил кастрюли.

Лао Ян, нахмутив брови, задумался, но холостильщика и лудильщика Лао Дуна так и не вспомнил. Тогда Лао Дуань стал спрашивать дальше:

– А Лао Вэя из деревеньки Вэйцзячжуан? Его лавка была на самом западном краю, он еще имбирь продавал, все время улыбался про себя и радовался непонятно чему.

Но и Лао Вэя, что продавал имбирь и улыбался про себя, Лао Ян вспомнить не мог.

– Ну а извозчика Лао Ма из деревеньки Мацзячжуан ты все-таки помнишь?

Тут Лао Ян вздохнул:

– Его я, конечно же, помню. Он уже больше двух лет как помер.

Лао Дуань усмехнулся:

– Ты им тогда просто грезил, никто другой тебя не интересовал. И как ты понять не мог, что тот, кого ты считал своим другом, за спиной над тобой насмеялся?

Лао Ян тут же решил сменить тему:

– Сколько уж лет прошло, а ты все помнишь.

– Да я говорю не конкретно про тот случай, а вообще. Ведь ты всю жизнь пробегал за человеком, которому на тебя было наплевать, зато тех, кто хотел с тобой подружиться, ты не замечал. Все, кто торговал на рынке, не знали, куда деваться от твоего барабана, и только мне он нравился. Я даже покупал у тебя лишнюю чашку закуски, только чтобы послушать твой барабан. Порой мне так хотелось с тобой поговорить, но я тебя нисколько не интересовал.

Лао Ян попробовал убедить его в обратном, но Лао Дуань лишь досадливо хлопнул в ладоши:

– Вот погляди, ты и сейчас не воспринимаешь меня как друга. А я, собственно, пришел к тебе, чтобы задать один вопрос.

– Какой? – оживился Лао Ян.

– Вот прожил ты сознательную жизнь, остался ли у тебя кто-нибудь из друзей? Раньше ты об этом и не думал, ну а сейчас, прикованный к постели, что скажешь?

Тут до Лао Яна дошло, что спустя сорок лет находящийся в здравии Лао Дуань пришел к нему, немощному, просто чтобы отомстить. И тогда Лао Ян презрительно плюнул в его сторону: «Эх, Лао Дуань, а ведь я с самого начала раскусил твою подлую душонку!»

Лао Дуань, усмехнувшись, ушел восвояси. Лао Ян лежал и продолжал костерить Лао Дуаня, пока к нему в комнату не вошел старший сын Ян Байе. Ян Байе был старшим братом Ян Байшуня, ему уже давно перевалило за пятьдесят. В детстве его считали неумехой и ему

³ Отмечается в полнолуние пятнадцатого числа восьмого месяца по лунному календарю.

часто доставалось от Лао Яна. Но через сорок с лишним лет, когда Лао Ян слег от паралича, а хозяином в доме стал Ян Байе, Лао Ян из кожи вон лез, только чтобы ничем не досадить ему. Ян Байе вслед за Лао Дуанем принялся его пытаться:

– Ведь Лао Ма был извозчиком, ты продавал свой доуфу, по сути, каждый из вас занимался своим делом. Этот Лао Ма тебя и за человека-то не считал, на кой он тебе тогда сдался? Можешь хоть мне объяснить?

Немощный Лао Ян мог сердиться на Лао Дуаня, но только не на Ян Байе. Его вопрос требовал конкретного ответа. Лао Ян перестал бухтеть и вздохнул:

– Могу. Иначе я бы плевать на него хотел.

– Ты сам использовал его в своих интересах или у него против тебя был какой-то козырь?

– Ни то и ни другое. Коли так, можно было бы просто с ним порвать и все. Помнится, я запал на него уже при первой нашей встрече.

– А что тогда произошло? – поинтересовался Ян Байе.

– В первый раз я встретился с ним на рынке, где продавали скот. Лао Ма пришел покупать лошадь, а я – продавать осла, и мы с ним разговорились. Тут выяснилось, что по любому вопросу он намного дальновиднее и прозорливее меня. В итоге осла я своего так и не продал, заговорился. – Лао Ян покачал головой: – С таким и про дела забудешь. – И добавил: – Потом чуть что я бежал к нему за советом.

– Что ж, дело ясное, значит, свой интерес у тебя имелся, раз ты без его советов обойтись не мог, – сказал Ян Байе. – Единственное, мне непонятно, почему он с тобой общался, если презирал?

– Ему все равно было не сыскать таких же прозорливых и дальновидных, как он сам. Лао Ма ведь всю жизнь без друзей прожил.

Лао Ян вздохнул:

– Не следовало Лао Ма быть извозчиком.

– А кем следовало? – спросил Ян Байе.

– Слепой Лао Цзя, который гадал ему по лицу, сказал, что Лао Ма уготовлен путь повстанцев Чэнь Шэна и У Гуана⁴. Однако Лао Ма было далеко до храбрецов – едва темнело, он и носа во двор не высывал. Ежели так разобраться, то вся его работа только коту под хвост. Ведь без ночных поездок столько выгоды упустил!

Лао Ян все больше распалялся:

– Да если меня презирал такой трус, то и я, черт побери, его презирал! Он меня всю жизнь за человека не считал, так и я его тоже!

Ян Байе кивал, понимая, что эти двое обречены были стать друзьями. Пока вспоминали Лао Ма, подошло время обедать. Поскольку в тот день отмечали Праздник середины осени, на обед их ждали лепешки и жаркое из мяса и овощей. Больше всего на свете Лао Ян любил печеные лепешки, да только после шестидесяти, когда половина зубов у него выпала, лепешки ему уже так просто не поддавались. Но их можно было размачивать в горячем томленном вареве, в котором упаривались, давая обильный сок, мясо и овощи, и тогда лепешки просто таяли во рту. В молодые годы Лао Ян по праздникам всегда ел печеные лепешки. Когда же он слег с параличом, то с его пристрастием к лепешкам считаться как-то перестали. Сегодня Ян Байе распорядился приготовить на обед лепешки и жаркое еще прежде, чем завел с отцом разговор про Лао Ма, однако бывший продавец доуфу и закусок Лао Ян посчитал, что лепешки ему дали не иначе как в награду за его правдивый рассказ. Поедая свой обед, Лао Ян даже пропотел от удовольствия. Он поднимал свое лицо и сквозь идущий от тарелки пар довольно улыбался Ян Байе: мол, всегда буду говорить тебе только правду.

⁴ Чэнь Шэн (?-208 гг. до н. э.) и У Гуан (?-208 гг. до н. э.) – полководцы, возглавившие народное восстание против династии Цинь (221–206 гг. до н. э.).

2

До того как Ян Байшуню исполнилось шестнадцать, ему казалось, что его лучший в мире друг – это цирюльник Лао Пай. Но с тех пор как он с ним познакомился, они толком и не разговаривали. Когда Ян Байшуню было шестнадцать, Лао Паю уже перевалило за тридцать. Семья Лао Пая проживала в деревеньке Пайцзячжуан, а семья Ян Байшуня – в деревеньке Янцзячжуан, между ними было тридцать ли, да к тому же путь этот пролегал через реку Хуанхэ, так что за год они пересекались от силы раза два. Ян Байшунь никогда не бывал в деревеньке Пайцзячжуан, Лао Пай сам приходил брить головы в Янцзячжуан. Тем не менее, когда Ян Байшуню уже стукнуло семьдесят, он частенько вспоминал Лао Пая.

Ремесло цирюльника Лао Пай ни от кого не наследовал. Его дед плел циновки, а заодно продавал обувь. Отец покупал и продавал ослов; круглый год с кошелкой через плечо и плеткой в руках он то и дело направлялся за ослами за Великую стену во Внутреннюю Монголию. Путь от Яньцзиня, что находился в провинции Хэнань, до Внутренней Монголии занимал месяц, еще полтора месяца уходило на обратную дорогу с ослами. За год отец Лао Пая мог совершить четыре-пять таких ходок. Когда Лао Пай подрос, он сначала вместе с отцом ходил покупать ослов, чтобы перенять опыт. Через два года его отец помер от лихорадки, и Лао Паю пришлось обходиться без него. Он присоединился к другим перекупщикам, с которыми раз за разом ходил во Внутреннюю Монголию. Несмотря на свою молодость, Лао Пай был очень хватким и за год зарабатывал больше, чем в свое время отец. Когда ему исполнилось восемнадцать, он обзавелся семьей, что тоже показательно. Из-за походов за ослами он часто отлучался из дома, его не было по восемь-девять месяцев в году, и это, само собой, приводило к связям на стороне. У других скупщиков тоже имелись любовницы в чужих краях: у кого в провинции Шаньси, у кого в северной части провинции Шэньси, у кого во Внутренней Монголии – смотря где именно они останавливались. Но поскольку связи эти были несерьезными, честных отношений никто ни от кого не ждал. Любовницам сообщались вымышленные имена и фамилии, про родные края никто из мужчин также не распространялся. Лао Пай на тот момент был совсем еще зеленый, поэтому, когда во Внутренней Монголии он обзавелся любовницей по имени Сэцэн Гэрэл, уже в первую встречу, забыв обо всем, выложил пылливой девушке всю правду: кто он, откуда и как его зовут. Сэцэн Гэрэл была замужем, но когда ее муж уходил на выпас скота, она заводила себе любовника: во-первых, для удовольствия, а во-вторых, хоть для грошового, но заработка, который могла потратить лично на себя. У Сэцэн Гэрэл был не один любовник, к ней также приходил хэбэец, который во Внутренней Монголии скупал ослов, но все, что он рассказал про себя, было неправдой. Как-то осенью любовные связи Сэцэн Гэрэл с хэбэйцем раскрылись. Муж Сэцэн Гэрэл, вернувшись после трехмесячной отлучки из дома, вдруг обнаружил, что жена беременна. Монголы спокойно относятся к связям жен на стороне, они каждый день заряжаются мясом, и избыточный жар отбивает у них всякий интерес к постельным делам. Но беременность жены взбесила мужа. Ведь придется растить ребенка, возложив на себя чужие обязанности. Поэтому все любовники четко помнят: удовольствие удовольствием, но про «опасные дни» забывать не стоит. Если день «опасный», то на пике удовольствия следует сдержаться. Но Сэцэн Гэрэл так увлеклась, что забыла обо всем на свете, поэтому в «опасный» день позволила хэбэйцу разрядиться по полной. Разрядиться-то он разрядился, а вот муж Сэцэн Гэрэл рассердился и почувствовал себя обманутым. Он взял плетку и отделал Сэцэн Гэрэл так, что та призналась не только в своих связях с хэбэйцем, но и с хэнаньцем Лао Паем. Тогда монгол отшвырнул от себя жену и, захватив забойный нож, отправился в путь. В провинции Хэбэй он не нашел того, кого искал, зато в провинции Хэнань, в уезде Яньцзинь, в деревеньке Пайцзячжуан он нашел Лао Пая и, что называется, припер его к стенке. В итоге стороны договорились о том, что монголу в качестве компенсации

будет выплачено тридцать даянов⁵ плюс путевые расходы на дорогу в оба конца – в общем, еле-еле его выпроводили. Монгол ушел, но история на этом не закончилась. Жена Лао Пая, Лао Цай, за три дня предприняла три попытки повеситься. И хотя каждый раз ее удавалось спасти, Лао Цай за прошедшие три дня переменялась до неузнаваемости. Если раньше Лао Цай боялась Лао Пая, то сейчас Лао Пай стал бояться Лао Цай.

– И как нам теперь жить? – спрашивала Лао Цай.

– Отныне я во всем буду тебя слушаться, – отвечал Лао Пай.

– Тогда отныне забудь про свою сестру, – отрезала Лао Цай.

Лао Пай несколько ошалел от того, что из-за его любовных похощений должна страдать его сестра. После смерти матери его с шести лет растила старшая сестра. Они очень дорожили друг другом, но вот Лао Цай была с ней не в ладах. Лао Пай, пытаясь понять логику жены, понуро пообещал:

– Она все равно уже замужем. Так тому и быть, я про нее забуду.

Лао Цай продолжала гнуть свою линию:

– А как насчет походов во Внутреннюю Монголию?

– Как ты скажешь, так и будет, – отвечал Лао Пай.

– В таком случае с этого момента чтобы я ничего не слышала про скупку ослов.

Тогда Лао Пай забросил кошелку с плеткой и больше никогда не занимался торговлей ослами. Только теперь он понял, что тот монгол проделал к нему в провинцию Хэнань такой неблизкий путь вовсе не затем, чтобы схватиться насмерть или чтобы сорвать солидный куш, а затем, чтобы лишить его покоя на всю оставшуюся жизнь. Этот монгол хоть и необразованный, но дело знал, и метод его оказался коварным. Но досаднее всего было то, что Сэцэн Гэрэл забеременела не от Лао Пая, ему вообще пришлось отдуваться за какого-то хэбэйца. Перестав торговать ослами, Лао Пай пошел в ученики к цирюльнику Лао Фэну из деревеньки Фэнцзячжуан. Ремесло это было нехитрое, за три года вполне можно освоить. Лао Пай оставил Лао Фэна уже через два с половиной года и, вооружившись инструментами цирюльника, стал ходить по окрестным деревням самостоятельно. Так незаметно пролетело семь-восемь лет, да только Лао Пай за это время стал совершенно неразговорчив. Мастер Лао Фэн во время работы любил поболтать с клиентами, считалось, что он больше всех знал о том, что творилось в округе. А вот Лао Пай, тот брил молчком и за все время работы не произносил ни слова. Все говорили об этом отличии ученика от своего мастера. Лао Пай хоть и работал молча, тем не менее то и дело тяжело вздыхал. Пока он брил клиенту голову, мог вздохнуть так раз пять. Однажды Лао Пай приехал работать к богачу Лао Мэну из деревеньки Мэнцзячжуан. У того во владении находилось пятьдесят цинов⁶ земли, за которой следили двадцать с лишним работников. Пока Лао Пай побрил головы всем работникам да самому Лао Мэну, солнце уже зашло. У Лао Мэна был приятель, торговец солью Лао Чу из уезда Лонин, что на западе провинции Хэнань. В тот вечер он как раз возвращался с товаром из провинции Шаньдун. Путь его лежал через уезд Яньцзинь, и он решил заглянуть в деревеньку Мэнцзячжуан к Лао Мэну. Лао Чу тоже требовалось постричь волосы, поэтому он обратился к Лао Паю. Приступив к работе, Лао Пай то и дело стал тяжело вздыхать. Едва он успел обрить Лао Чу наполовину, как тот, взвившись, стал тыкать в Лао Пая пальцем:

– Твою мать, подумаешь, работы у него чуть-чуть прибавилось, почему ты знаешь, что я не буду тебе платить? Все вздохи да ахи, ишь какой несчастный!

Лао Пай так и замер с бритвой в руках, лицо и уши у него покраснели, все слова вылетели из головы, так что пришлось за него вступиться богачу Лао Мэну:

⁵ Даян – серебряный юань – китайская денежная единица, имевшая хождение в 1910-1940-х гг.

⁶ Цин – китайская мера земельной площади, равная примерно 7 га.

– Братец, – обратился он к Лао Чу, – он вздыхает без всякой задней мысли, к тебе это никак не относится, просто дурная привычка.

Лао Чу зыркнул на Лао Пая, после чего уселся обратно и дал ему завершить дело. Уйдя на работу, Лао Пай молчал на протяжении целого дня, и возвратясь домой, тоже продолжал молчать. Всеми домашними делами заправляла его жена Лао Цай, Лао Пай ни в чем ей не перечил, а за малейший промах Лао Цай начинала на него орать. По первости Лао Пай еще пытался огрызаться, но Лао Цай тотчас напоминала ему про монголку и ее отродье, на что Лао Паю уже ответить было нечего. Когда люди ругаются с глазу на глаз, это не так страшно, куда обиднее, если разборки становятся всеобщим достоянием и передаются как анекдот. Но даже когда такие анекдоты доходили до ушей Лао Пая, он делал вид, что ничего не слышит. В общем, все в округе знали, что Лао Пай боится своей жены.

Эти летом Лао Пай отправился на промысел в деревню Суцзячжуан. Деревня эта была большая, дворов на четыреста-пятьсот, так что Лао Пай выручал здесь самую большую прибыль, собирая клиентов сразу с тридцати-сорока дворов. А с тридцати-сорока дворов получалось больше сотни небритых мужских голов. Лао Пай работал два дня подряд и только к полудню третьего дня закончил брить всех желающих. Отправившись со своим коромыслом в обратный путь, он на берегу Хуанхэ встретился с забойщиком Лао Цзэном из деревеньки Цзэнцзячжуан. Лао Цзэн направлялся забивать свинью в деревеньку Чжоуцзячжуан. Лао Пай и Лао Цзэн оба работали на стороне, а потому частенько встречались в пути и с удовольствием общались. Вот и сейчас мужчины остановились и присели на перекур под ивами у реки. Пока курили, поделились последними новостями. Тут Лао Пай, заметив, что Лао Цзэн уже оброс, предложил:

– У меня еще осталась горячая вода, давай побрею тебя прямо здесь.

Лао Цзэн пощупал свои волосы:

– Обриться мне и вправду не мешало бы, но в Чжоуцзячжуане меня ждет Лао Чжоу, я должен забить его свинью. – Но, подумав, он все-таки согласился: – А хотя давай. Пока ты будешь меня брить, скотина поживет лишнюю минутку.

Тогда Лао Пай прямо на берегу организовал рабочее место, обернул шею Лао Цзэна полотенцем и вымыл ему голову. Подождав, когда стечет вода, Лао Пай поерошил ему волосы и взялся за бритву. И тут Лао Цзэн спросил:

– Лао Пай, мы ведь с тобой близкие друзья?

Лао Пай замер:

– Понятное дело.

– Пока мы тут с тобой наедине, я задам тебе один вопрос, а ты хочешь – отвечай, а нет – так и не надо.

– Ну, спрашивай.

– Во всей округе говорят, что ты боишься своей жены, но как по мне, так зря ты это делаешь.

Лицо Лао Пая пошло пятнами:

– Бабы есть бабы, с ними лучше не спорить, а то хуже будет.

– Я знаю, что несколько лет назад она тебя из-за одного промаха прищучила. Но я все-таки осмелюсь сказать, что короткая боль лучше длительной. А иначе тебе вовек воли не видать.

Лао Пай тяжело вздохнул:

– Да это я понимаю. Я бы уже давно ей устроил, да только коротко не получится.

– Почему? – спросил Лао Цзэн.

– Если к тебе претензий нет, тогда справиться с женой – плевое дело. Но она уже вкусила всю сладость своего положения, и теперь к ней не подобраться.

Лао Пай снова вздохнул:

– Да и пусть будет долгая боль, к тому же у нас ребенок. Вся проблема в том, что она может позволить себе быть такой несговорчивой.

– Доведись такое в моем доме, я бы попросту избил ее. Сразу бы стала как шелковая.

– Это было бы просто, если бы у нее никого не было, но у нее есть свой защитник.

– Кто?

– Братец ее родимый.

Старшего брата Лао Цай, что держал в поселке лавку с лекарственными травами, Лао Цзэн знал. Звали его Цай Баолинь, на левой щеке у него висела большая бородавка. Он отличался бойким языком и никому никогда не уступал, постоянно доказывая свою правоту, такому, как говорится, палец в рот не клади.

– Едва мы повздорим, как жена тут же бежит искать защиты у старшего брата, а тот потом вызывает меня на разговор. Из одной проблемы он выудит десять, и по каждому вопросу у него имеются свои доводы. Вот и считай, если я с его сестрицей живу уже больше десяти лет, сколько накопилось таких разборок и доводов. Говорить я не мастак, по этой части мне его не переплюнуть.

Тяжело вздохнув, Лао Пай продолжил:

– Все толкуют о пользе разговоров, но по мне, так все эти рассуждения приводят только к новым проблемам. – Помолчав, он добавил: – По правде говоря, я боюсь даже не этих разговоров, а того, что в один прекрасный день я их не выдержу, всплыву и кого-нибудь просто зарежу. Вот скажи мне, Лао Цзэн, можно ли убить человека просто из-за слов?

Забойщика Лао Цзэна даже пот прошиб от такого вопроса:

– Лао Пай, лучше брей меня, я и так уже сказал больше, чем надо.

Ян Байшунь познакомился с Лао Паем в тринадцать лет. До Лао Пая он водил дружбу с Ли Чжаньци. Когда Ян Байшуню было тринадцать, а Ли Чжаньци четырнадцать, они вместе изучали «Луньюй»⁷ в сельской частной школе у Лао Вана. Обычно люди становятся хорошими друзьями, если находят общий язык или помогают друг другу. А эти двое стали хорошими друзьями потому, что им нравился один и тот же человек – Ло Чанли из деревеньки Лоцзячжуан, который занимался изготовлением уксуса. Мало того, что Ло Чанли не выдался ростом, он был еще и рябой. Производство уксуса передавалось в их семье по наследству, этим промыслом занимались и дед, и отец Ло Чанли. Уксусная лавка семейства Ло была небольшой, в день они готовили по два чана уксуса. И дед, и отец Ло Чанли брали эти два чана и таскались по деревням, зазывая покупателей: «Уксус... уксус из деревни Лоцзячжуан...» И хотя торговля у них считалась мелкой, а в зазывных кричалках отсутствовала всякая изюминка, прокормить семью им все-таки удавалось. Однако, когда пришел черед Ло Чанли, у него к этому делу возникла неприязнь. Он не то чтобы терпеть не мог уксус, просто ему пришлось по душе другое занятие: если в чьей-то семье появлялся покойник, он с удовольствием вызывался на роль похоронного крикуна. Так что, если говорить о кричалках, ему нравилось кричать на похоронах, а не в качестве продавца уксуса. При этом именно первое шло в ущерб второму, а не наоборот. Ну а поскольку к изготовлению уксуса он не испытывал никакого интереса, от его уксуса осталось лишь название. Если у других он выходил кислым, то у Ло Чанли – горьким, словно вода после мытья котлов. Если нормальный уксус мог храниться месяц, то уксус Ло Чанли уже через десять дней покрывался грибком. Причем если до этого он был горьким, то в заплесневелом виде приобретал нужную кислинку. Ло Чанли плевать хотел на свой уксус, зато на похоронах кричал самозабвенно. У Ло Чанли была тонкая, как у петуха, шея. Обычно у обладателей таких шей и голосок тонкий, но голос Ло Чанли, наоборот, был невероятно сильным, к тому же он не боялся выступать на публике. Чем масштабнее было мероприятие, тем сильнее он выклады-

⁷ Дословно «Суждения и беседы» – один из основополагающих памятников конфуцианства, изречения Конфуция, записанные его учениками.

вался. Обычно народ носит темную одежду, а на похороны одевается в белое. Заметив людей в белом, Ло Чанли вытягивал свою шею и начинал протяжно голосить:

– Пожаловали гости! Сыну покойного заступить на свое место!

После этого выкрика ослепительно-белый сын покойного падал ниц и начинал громко рыдать. Пока он рыдал, Ло Чанли отдавал следующее распоряжение:

– Выйти с приношением посетителям из Хоулуцю. – Тут же он выкрикивал: – Просим приготовиться гостей из Чжанбаньцзао⁸.

Пока посетители из Хоулуцю преклоняли колени и воздавали положенные почести, за ними уже выстраивались в очередь гости из Чжанбаньцзао. Ло Чанли четко отдавал распоряжения, и посетители с приношениями группами продвигались вперед. У него была хорошая память: попадись ты ему в многотысячной толпе, он тебя тотчас вычислит и окликнет, так что пока выполнялись многочисленные похоронные церемонии, Ло Чанли никого не упускал из виду. От момента смерти и до погребения проходило семь дней, и все семь дней он без передышки выкрикивал распоряжения, не давая своему горлу ни минуты отдыха. В народе Ло Чанли знали не как «продавца уксуса Лао Ло», а как «похоронного крикуна Лао Ло». Если где-то в округе намечались похороны, то непременно обращались к Ло Чанли. Так что когда в какой-то семье появлялся покойник, Ян Байшунь и Ли Чжаньци непременно спешили туда. Но если другие приходили, чтобы почтить память покойного, то Ян Байшунь и Ли Чжаньци интересовались исключительно Ло Чанли. Однако откуда же на каждый день в мирное время набраться покойникам? До тех пор, пока никто не умирал, Ло Чанли снова брался за изготовление уксуса, и тогда дни для Ян Байшуна и Ли Чжаньци казались пустыми, и только разговоры про Ло Чанли хоть как-то их воодушевляли.

– Глотка у него луженая, слышать можно дальше, чем за пять ли.

– А помнишь прошлых посетителей из деревеньки Сюйцзячжуан, как возникла путаница из-за того, что они не знали правил? Лао Ло тогда так разволновался, что аж весь покраснел.

– Ведь он совсем небольшого росточка, но как так получается, что на похоронах он всегда становится выше?

– Когда он в прошлый раз приходил к нам продавать уксус, я хотел с ним пообщаться и даже уже подошел, но побоялся.

– Что-то долго в нашей округе никто не помирал.

Если во время такого обоюдно интересного разговора кому-то из товарищей требовалось отойти по нужде, другой, не имея такой потребности, подхватывался и шел за компанию, лишь бы только продолжить разговор о Ло Чанли. В ту осень, когда Ян Байшуню исполнилось тринадцать, в их семье пропал баран. А до барана пропала еще и свинья. Ян Байшунь, за день до того промокший под ливнем, слег с лихорадкой, поэтому, когда остальные домочадцы отправились на поиски свиньи, его оставили присматривать за домом. Пока он бредил и его бросало то в жар, то в холод, к нему прибежал запыхавшийся Ли Чжаньци:

– Давай бегом, покойник появился!

Ян Байшунь оступело спросил:

– Что? Какой покойник?

– Помер Лао Ван из деревеньки Ванцзячжуан, бежим смотреть на Ло Чанли!

Услышав три заветных слога «ло-чан-ли», Ян Байшунь вмиг очухался, болезнь его отступила, и лихорадку как рукой сняло. Ян Байшунь выбрался из-под одеял, и они с Ли Чжаньци что было мочи побежали в деревеньку Ванцзячжуан, которая находилась от них в пятнадцати ли. Прибежав туда, они убедились, что там действительно появился покойник, однако в роли похоронного крикуна выступал не Ло Чанли, а некий хромоногий Нью Вэньхай из деревеньки Ньюцзячжуан. В те времена уезд Яньцзинь в месте переправы через Хуанхэ делился на

⁸ Хоулуцю и Чжанбаньцзао – села в уезде Яньцзинь провинции Хэнань.

Восточный и Западный Яньцзинь. Поэтому относительно похоронных крикунов даже сложилось выражение «Ло с Востока и Нью с Запада». Так что если покойник объявлялся в восточной части уезда, обращались к Ло Чанли, а если в западной – к Нью Вэньхаю. Однако деревенька Ванцзячжуан стояла прямо на границе, поэтому конкретно в этом месте существовала неразбериха с приглашением крикунов: одни звали к себе Ло Чанли, другие – Нью Вэньхая. Вот и сейчас семья Лао Вана позвала в крикуны Нью Вэньхая. И это стало для Ли Чжаньци и Ян Байшуня неприятным сюрпризом.

– Они тут совсем, что ли, больные? Мы так долго ждали этого покойника, а они вместо Ло Чанли зачем-то позвали Нью Вэньхая, – возмутился Ли Чжаньци.

– У него такой противный голос, к тому же он не разбирается во всех этих похоронных тонкостях. Он ведь все запрет! – вторил ему Ян Байшунь.

Их потрясение было столь велико, что Ян Байшуня снова начало лихорадить. Ли Чжаньци решил остаться, чтобы выявить разницу между Нью Вэньхаем и Ло Чанли, а заодно посмотреть, насколько сильно опозорится Нью Вэньхай. Ян Байшунь, у которого снова начался жар, не стал дожидаться церемонии, а, трясаясь как осиновый лист, побежал в обратный путь. Когда он вернулся домой, все домашние тоже уже вернулись, свинью они нашли, но пока Ян Байшунь бегал в Ванцзячжуан, чтобы полюбоваться на Ло Чанли, у них пропал баран. Если в пропаже свиньи, кроме самой свиньи, никто виноват не был, то в вечерней пропаже барана винить следовало Ян Байшуня. Ян Байшунь от такого потрясения снова миг выздоровел. Продавец доуфу Лао Ян, ни слова не говоря, вытащил из штанов свой ремень. Братья Ян Байшуня – старший Ян Байе и младший Ян Байли – зажали свои рты, чтобы не рассмеяться.

– Мы ведь оставили тебя на хозяйстве, куда тебя понесло? – спросил Лао Ян.

Ян Байшунь не посмел признаться, что бегал в деревню Ванцзячжуан, чтобы поглазеть на Ло Чанли, вместо этого он соврал:

– Я тоже пошел искать свинью.

Лао Ян наотмашь ударил его ремнем по голове:

– А вот Ли Боцзян только что мне рассказал, что ты вместе с Ли Чжаньци бегал в деревню Ванцзячжуан, чтобы поглазеть на Ло Чанли!

Ли Боцзян был отцом Ли Чжаньци. Обиднее всего, что Ян Байшунь так и не поглаздел на Ло Чанли – он увидел лишь Нью Вэньхая. Не в силах все это объяснить, он лишь сказал:

– Па, у меня сильный жар.

Лао Ян снова огрел его ремнем по голове:

– Жар, говоришь? А где это видано, чтобы в таком состоянии нарезали по тридцать ли? По мне, так нет у тебя никакого жара!

Он снова стегнул его ремнем. На голове Ян Байшуня уже образовалось семь-восемь кровавых отметин.

– Хорошо, па, – сказал он, – нет у меня жара, я пойду искать барана!

В ответ на это Лао Ян бросил к ногам Ян Байшуня веревку:

– Когда найдешь, приведешь и привяжешь, а не найдешь, так и сам не возвращайся! – Тут же, зыркнув на Ян Байе и Ян Байли, заметил: – Не в баране дело, а в твоём вранье! – И снова стал распаляться: – Надо же, как сложно исполнить мое поручение, зато за Ло Чанли ты готов бежать в любом состоянии. Кто твой отец? – Выкатив глаза, он обвел всех взглядом: – Кто, в конце концов, в этом доме хозяин?

Едва продавец доуфу Лао Ян перевел разговор на другую тему, Ян Байшунь поскорее поднял веревку и вышел за порог искать по горам и долам барана. Он искал его весь вечер, но так и не нашел, зато наткнулся на нескольких бегавших по отдельности горных волков. Кто его знает, куда мог подеваться этот слепой на один глаз баран. Так же, как извозчик Лао Ма, Ян Байшунь боялся темноты. В ту пору, когда Ян Байшуню было тринадцать лет, по соседству с деревнями еще бродили волки. Так что Ян Байшунь предпочел той же дорогой вернуться

назад. С двух сторон от тропинки высились колосья посевов, то и дело в них раздавалось уханье филинов, и тогда Ян Байшуня от ужаса прошибал пот. Но когда он уже добрался до деревни и оказался у ворот дома, зайти внутрь он не осмелился. В глазах продавца доуфу Лао Яна он совершил серьезный проступок. Вот если бы случилось еще что-то в этом роде, но серьезнее... Ян Байшунь не уследил за бараном, а его братья Ян Байе и Ян Байли могли бы потерять осла, и тогда бы Лао Ян забыл про барана и переключился на осла, но как устроить, чтобы братья потеряли осла? Ян Байшунь смотрел на светящиеся окна дома, внутри мелькали чьи-то тени, в отсеке, где готовили доуфу, ходил по кругу ослик, то и дело фыркая, он крутил жернов, который перемалывал бобы. Вскоре свет погас, теперь Ян Байшунь слышал лишь фыркание ослика да скрежет жернова, но зайти в дом по-прежнему не решался. Тут он вспомнил про Ли Чжаньци и пошел к нему. С одной стороны, он хотел попроситься к нему на ночевку, а с другой – разузнать, чем же отличается Ню Вэньхай от Ло Чанли. Однако, подойдя к дому Ли Чжаньци, он заметил, что свет в его окнах тоже погас – скорее всего, Ли Чжаньци уже спал. Зато отец Ли Чжаньци, Ли Боцзян, сидел во дворе у костра из конопляных стеблей и плел корзину, что-то напевая себе под нос. Ян Байшунь уже выучил, что если отец Ли Чжаньци напевает какую-нибудь мелодию, значит, его сыну точно от него досталось. Так что Ян Байшуню пришлось отправиться на околицу, где находилось гумно. Там он решил забиться в кучу соломы и скоротать ночь. Дорогой поднялся такой сильный ветер, что кроны тополей вокруг выли, словно волки. Благо вылезло яркое полукружье луны, и небо просветлело. Ян Байшуня снова стало лихорадить, вдобавок ко всему у него свело живот от голода. С большим трудом он провалился в сон и забылся в беспокойном бреду. Неизвестно, сколько прошло времени, когда его вдруг кто-то растолкал. Ян Байшунь, вздрогнув, очнулся и увидел перед собой черный силуэт. От страха его разом прошиб пот.

– Ты кто? – спросил он.

Черный силуэт наклонился к нему.

– Не бойся, я цирюльник Лао Пай из деревни Пайцзячжуан, просто проходил мимо.

Наконец в лунном свете Ян Байшунь смог разглядеть лицо пришельца. Раньше Лао Пай уже приходил к ним в деревню брить головы, Ян Байшунь его видел и даже брился у него, однако разговаривать с ним никогда не разговаривал. Лао Пай стал его расспрашивать:

– Как тебя зовут? Почему ты ночуешь здесь?

Этот вопрос окончательно смягчил Ян Байшуня, и пусть до этого они ни разу не разговаривали, теперь Ян Байшунь проникся к нему словно к родному. Как на духу он выложил про себя все: кто он, как заболел, как бегал в деревню Ванцзячжуан, чтобы поглядеть на Ло Чанли, но того там не оказалось; как пропал баран и Ян Байшуня за это побил отец, как пошел искать барана и не нашел, из-за чего не решился вернуться домой. После этого Ян Байшунь подставил Лао Паю свою голову и показал кровавые ссадины. Лао Пай, выслушав его, тяжело вздохнул:

– Я понял, что не в баране дело, тут много чего приплелось. – Он протянул руку и погладил Ян Байшуня по голове: – Не холодно тебе здесь спать?

– Я, дядюшка, не холода боюсь, а волков.

Лао Пай вздохнул снова:

– Вообще-то, это не мое дело, но кто-то же направил меня сюда? – Он взял Ян Байшуня за руку: – Идем, отведу тебя в теплое место.

Впервые в своей жизни Ян Байшунь почувствовал тепло человеческой руки. Вдвоем они покинули деревню Янцзячжуан, их силуэты, высокий и низкий, удалялись все дальше. Ян Байшунь пытался завести разговор:

– Дядюшка, а вы не боитесь ночью встретить волка?

В ответ Лао Пай выдернул из-за пояса тесак; его лезвие холодно сверкнуло в лунном свете.

– Я к этому готов.

Ян Байшунь засмеялся. Все так же держа Ян Байшуня за руку, Лао Пай привел его в соседний поселок; они дошли до его восточной окраины и постучались в ворота харчевни, хозяина которой звали Лао Сунь. Долгое время никто на их стук не отзывался. Лао Пай постучал снова. Наконец внутри зажегся свет, и они услышали недовольный голос Лао Суня:

– Что еще за черепашие отродье свалилось на мою голову в такое время?

Но открыв ворота и увидев на пороге Лао Пая, он улыбнулся. Лао Пай частенько заходил в харчевню Лао Суня и не раз его брил. Лао Сунь, кроме того что брился у Лао Пая, любил проходить у него такую процедуру, как чистка слезных каналов, которые Лао Пай прочищал ему при помощи конского волоса. Они прошли в харчевню, печь в которой уже давно остыла. Лао Сунь заново развел огонь, вымыл руки и приготовил две чашки лапши с бараниной. Ставя перед гостями горячее, с пылу с жару угощение, он сказал:

– Мяса не пожалел, на троих бы хватило.

Лао Пай, выбивая свою трубку, показал Ян Байшуню на лапшу:

– Кушай.

Ян Байшунь за раз умял целую чашку лапши, отчего весь покрылся испариной. Где-то снаружи заголосил петух. Ян Байшунь расплакался, слезы капали в его пустую чашку.

– Дядюшка...

Лао Пай жестом остановил его. Даже спустя несколько десятилетий Ян Байшунь все еще помнил ту чашку лапши. Однако позже он узнал, что, делая этот широкий жест, Лао Пай старался вовсе не для него. За день до этого Лао Пай ходил брить головы в деревню Гунцзячжуан. Деревня эта считалась большой, на двести дворов, однако у Лао Пая клиентов там было не много, всего три семейства. Здесь располагалась вотчина цирюльника Лао Цзана из деревни Цзанцзячжуан. Но три семейства тоже давали прибыль, к тому же деревня Гунцзячжуан находилась совсем близко от деревни Пайцзячжуан, всего в каких-то пяти ли. Так что Лао Пай не досадовал, что работы здесь было мало, и примерно раз в месяц заглядывал в эту деревню. В прошлый раз, когда он туда наведалься, было ясно, однако к полудню, когда он уже заканчивал работу, погода вдруг испортилась. Стал накрапывать пусть небольшой, но докучливый дождь. Лао Пай глянул на тучи: ничего хорошего в ближайшее время они не предвещали. Клиент Лао Пая, Лао Гун, стал его уговаривать:

– Пообедай у нас, а потом пойдешь, а то промокнешь, заболеешь еще.

– Да здесь ходу-то всего ничего, пять ли – и дома, – ответил Лао Пай.

Он одолжил у Лао Гуна дождевик и, накрывшись им, побежал в свою деревню. На входе в деревню стоял коровник, приблизившись к нему, Лао Пай заметил под его карнизом прятавшегося от дождя подростка. Лао Пай думал пройти мимо, но тот вдруг окликнул его: «Дядя!» Лао Пай остановился, внимательно посмотрел на подростка и узнал в нем Чуньшэна – старшего сына своей старшей сестры. Шестнадцать лет назад его сестра вышла замуж и обосновалась в деревне Юаньцзячжуан, что находилась в двадцати двух ли от их родной деревни. Чуньшэну уже исполнилось пятнадцать лет. С утра пораньше он отправился в уездный город продавать ткань, а продав, пошел обратно домой. Когда он проходил через деревню Пайцзячжуан, его застал дождь, поэтому он решил переждать его под карнизом. С тех пор как десять лет тому назад с Лао Паем приключился «монгольский инцидент», его жена, Лао Цай, запретила ему поддерживать всякие отношения с сестрой, и Лао Пай ее послушался. Иной раз, пользуясь своими отлучками по работе, он втихоря все-таки заходил в деревню Юаньцзячжуан, чтобы проведать сестру. А тут, случайно увидав Чуньшэна в своей собственной деревне, Лао Пай растерялся, не зная, как ему поступить. Будь то в любой другой день, Лао Пай перекинулся бы с Чуньшэном парой фраз и распрощался. Но сейчас на улице шел дождь, поэтому увидеть родного племянника и пройти мимо было для Лао Пая просто невысказимо. Тогда, собравшись с духом, он повел Чуньшэна к себе домой. Лао Цай как раз в это время занималась стряпней, сегодня она делала яичные лепешки. Обычно они питались скромнее, но сегодня в их семье,

где было трое детей, две девочки и мальчик, младшей дочери, которую звали Мэйдо, справляли день рождения. Так что когда Лао Пай решил в дождь бежать домой, он в том числе думал и про Мэйдо. Лао Цай не любила сестру Лао Пая, соответственно, его племянник ее тоже раздражал. Увидев, что Лао Пай появился с племянником, Лао Цай пошла на уловки и стала делать лепешки заметно тоньше. Простодушный Чуньшэн посчитал, что раз он оказался в гостях у родного дяди, то вести себя можно как дома. К тому же не каждый день ему выпадало счастье полакомиться лепешками, поэтому за столом он не стеснялся и съел одиннадцать лепешек. Когда они отобедали, дождь уже закончился, и Чуньшэн, вытерев рот, ушел восвояси. Лао Цай сразу стала отчитывать мужа, что его племянник мало того что свалился как снег на голову, так еще и съел за раз десять с лишним лепешек.

– Когда в доме лепешек не готовили, он почему-то не приходил, а тут за двадцать с лишним ли почуял. Разве это не вредительство с его стороны? Он, значит, съел десять с лишним лепешек и сытый отвалился, а бедняжка Мэйдо осталась голодной.

Мэйдо, слушая мать, жалобно расплакалась. Лао Пай, в общем-то, был согласен, что племянник забыл про всякие приличия. Это вовсе не означало, что он должен был совсем отказываться от лепешек, но ведь он потерял им счет. Пусть бы он съел хотя бы девять лепешек, чтобы в памяти осталось слово «несколько»; съешь он десять лепешек, говорили бы уже «десяток», но съев одиннадцать, Чуньшэн предоставил Лао Цай полное право говорить про «десять с лишним» лепешек. Лао Пай удивлялся, что его племянник думал только о себе, забыв, что тем самым подставляет своего дядю, также ему было странно, что Чуньшэн не подумал о разнице между девятью и одиннадцатью лепешками. Если бы Лао Цай выказывала свое недовольство исключительно по поводу племянника и съеденных им лепешек, то Лао Пай и слова бы не сказал против. Но та от племянника перешла на сестру Лао Пая. Вообще-то, за все десять лет, с тех пор как Лао Пай разорвал открытые отношения со своей сестрой, Лао Цай и Лао Пай никогда про нее не разговаривали. Но вся эта ситуация с лепешками весьма зацепила Лао Цай. Если бы она, вспомнив сестру Лао Пая, просто поворчала, Лао Пай бы все снес молча, однако Лао Цай, распаляясь все сильнее, назвала его сестру «потаскухой». Когда сестра Лао Пая еще ходила в девушках, по деревне прошел слух, что она спуталась с бродячим торговцем. Даже если это так и было, ну так что с того? С тех пор прошло уже семнадцать лет. Но Лао Цай не унималась и от сестры Лао Пая перешла к его «монгольскому выродку», и в конце концов заключила, что все их семейство – это сборище подонков. И даже эти ее слова Лао Пай бы стерпел. Но Лао Цай пошла еще дальше и наконец, войдя в раж, вдруг выпалила:

– Раз уж вы с сестрой одного поля ягоды, то на кой вам вообще пару искать понадобилось? Творили бы свои гнусные делишки вместе, и делу край!

Последняя фраза переполнила чашу терпения Лао Пая, и он залепил жене хорошую пощечину. После этой пощечины дело приняло серьезный оборот. Про день рождения Мэйдо тотчас все забыли. Еще больше положение обострило то, что Лао Цай вместо создания нового витка ссоры, трясая задом, ушла к родителям. А на следующее утро она подослала к Лао Паю своего старшего брата. Тот вошел в дом, уселся и начал обрабатывать Лао Пая насчет того, кто прав, кто виноват. Лао Пай боялся этих словесных баталий, поскольку у брата Лао Цай имелся не только свой особый взгляд на вещи, но и хорошо подвешенный язык. Лао Пай с Лао Цай повздорили, можно сказать, из-за лепешек, но ее брат оставил лепешки в покое и стал спрашивать с Лао Пая сразу за несколько десятков лет, начав аж с его родителей. Родители Лао Пая по молодости тоже часто ссорились. Отец был человеком прямым, а вот мать его, по мнению брата Лао Цай, «всегда считала правой только себя». А что это означает? Это означает «отсутствие всякой логики». И вообще, если бы мать Лао Пая не умерла так рано, то семейство Цай ни за что бы не отдало свою дочь в их семью. Потом брат Лао Цай стал перечислять все многочисленные ссоры, которые пережила его сестра, будучи замужем за Лао Паем. Сам Лао Пай уже давно забыл как эти ссоры, так и их причины, зато брат Лао Цай помнил каждую из

них в мельчайших подробностях. Он стал выуживать такие мелочи и лезть в такие дебри, что у Лао Пая стала раскалываться голова. Под конец он уже не испытывал к брату Лао Цай ничего, кроме большого уважения к силе его памяти. В итоге брат Лао Цай свел разговор к тому, что уподобил Лао Пая его матери, у которой «отсутствовала всякая логика», причем сделал он это настолько аргументированно, что Лао Пай даже растерялся. И только к полудню брат Лао Цай наконец вернулся к лепешкам. Но, вернувшись к лепешкам, он стал говорить не о них, а о том, как сестра Лао Пая спуталась по молодости с бродячим торговцем, и о том, что он сам натворил в Монголии. И если про то, что там было у его сестры с тем торговцем, наверняка никто не знал, то похождения Лао Пая в Монголии – правда. Иначе со стороны Лао Цай было бы неправильно из-за какой-то лепешки раздувать скандал до такого размера. Но поскольку это правда, Лао Пай разозлился, причем злился он не на других, а на самого себя. Если бы жена бранила его зазря, то его поступок с пощечиной еще можно было простить, но бросаться на людей из-за злобы на себя – неправильно. Когда брат подытожил свои логические изыскания, в комнате уже пора было зажигать свет. Логика брата Лао Цай казалась настолько железной, что Лао Пай стал сомневаться в своей правоте. Он даже забеспокоился, что еще немного, и он даст себя одурачить. Тем не менее Лао Пай сделал вид, что признает свою вину и готов извиниться и перед Лао Цай, и перед ее братом. Однако Лао Цай не соглашалась на простое извинение, а потребовала ответить пощечиной. Лао Пай подставил ей свою щеку, и на этом инцидент был исчерпан.

Брат Лао Цай, довольный, откланялся, и все посчитали, что буря, как это уже не раз случалось, миновала. Однако когда Лао Пай отправился спать, его обуяли досадные мысли. Он силился сообразить, как можно было собрать в кучу совершенно не связанные друг с другом вещи и свести разговор от какой-то лепешки к «потаскухе», а потом еще к Монголии и к его родителям? К тому же, если его сестру называли потаскухой совершенно безосновательно, то зачем брат Лао Цай вообще приплел это дело, почему не ограничился только проступком Лао Пая в Монголии? К чему было навешивать на это дело еще и другое? Вдруг Лао Пай вспомнил, что пощечину жене он залепил не после того, как Лао Цай назвала его сестру потаскухой, а после заявления о том, что Лао Паю надо спариваться с его гнусной сестрой. Но как так вышло, что брат Лао Цай обошел стороной этот скользкий момент и все переиначил? Казалось бы, Лао Пай залепил пощечину жене, та залепила такую же пощечину в ответ, но эти пощечины, по сути своей, все-таки отличались. Лао Цай, вместо того чтобы лечь спать, пошла по гостям и, скорее всего, сейчас пересказывала этот анекдот соседям. Сердце Лао Пая вмиг закипело яростью. Он слез с кровати, взял тесак и отправился на расправу. Убивать он собрался не Лао Цай, а ее брата, ушедшего домой. Ему требовалось расправиться даже не столько с братом Лао Цай, сколько с его логикой, и даже не столько с его логикой, сколько с его изворотливостью, ведь именно из-за нее Лао Пай представал совершенно в другом свете. Он понимал, что в будущем ему никак не избежать новых перебранок с женой. Но если каждый раз их ссоры, наподобие той, что произошла сегодня из-за каких-то лепешек, будут переиначиваться братом Лао Цай, то Лао Пай точно сойдет с ума. Если тебя просто убивают, то это еще ничего, но если тебя дурачат – вот это обидно. Когда Лао Пай связался с монголкой, ему потом из-за ее ребенка пришлось отдуваться за какого-то хэбэйца. Однако отдуваться за кого-то все-таки не так обидно, как отдуваться за самого себя.

Итак, разъяренный, он выступил в путь. По дороге, проходя через деревню Янцзячжуан, он наткнулся на Ян Байшуня. Рассказ мальчика о том, что выпало на его долю за один день, начиная с того, как он хотел посмотреть на Ло Чанли, и заканчивая поиском барана, остудил пыл Лао Пая. Этот больной тринадцатилетний пацан из-за своей мечты увидеть кумира и из-за пропажи барана оказался на улице. Лао Паю все-таки было уже за тридцать, так неужели из-за каких-то лепешек он и вправду готов убить человека? Ведь у него все-таки трое детей. Как ни крути, а все в этом мире меж собою связано. Лао Пай тяжело вздохнул и повел Ян Байшуня

в село, но постучался он уже не в дом брата своей жены, а в харчевню Лао Суня. Вот так, сам того не зная, Ян Байшунь спас жизнь совершенно неизвестного ему человека. Этот человек держал в поселке лавку с лекарственными травами. На левой щеке у него висела бородавка, он был любителем доказывать свою правоту, и звали его Цай Баолинь.

3

С десяти до пятнадцати лет Ян Байшунь изучал «Луньюй» в поселковой частной школе у Лао Вана. Полное имя Лао Вана было Ван Мэнси, а второе имя – Цзымэй. Отец Лао Вана работал в уездном центре бондарем, а кроме того, паял жестяные чайники. С западной стороны к лавке старика Лао Вана примыкал ломбард под названием «Гармония». Этот ломбард держал хозяин по фамилии Сюн. Отец Лао Сюна был родом из провинции Шаньси. Пятьдесят лет назад он на милостыню, которую просил всю дорогу, добрался до Яньцзиня. В этом уездном центре он сначала торговал овощами, а потом стал чинить на улице обувь. Но даже обзаведясь семьей, он никак не мог избавиться от привычки попрошайничать. В канун Нового года, когда дома лепили пельмени, он все равно посылал своих детей на улицу просить милостыню. Но от скупердяйства есть свой прок, и в итоге отец Лао Сюна открыл ломбардную лавку. Для него наступили хорошие времена. Поначалу он скупал одежду, керосиновые лампы, посуду, но поскольку в шаньсийцах есть предпринимательская жилка, когда дело оказалось в руках у Лао Сюна, ему уже стали закладывать дома и земли, так что денежки лились к нему ежедневным серебряным потоком. Тогда Лао Сюн задумал расширить свое помещение. В северо-восточном торце внутреннего двора Лао Сюна как раз располагалась бондарная лавка Лао Вана, которая придавала всему дворику Лао Сюна трапециевидную форму. И вот Лао Сюн пошел уговаривать отца Лао Вана, чтобы тот уступил ему свое помещение, взамен он предлагал тому купить другое место, чтобы там устроить новую лавку. При этом вместо нынешних трех комнат он предлагал сразу пять. При таком раскладе можно было бы предоставлять не только бондарские, но и другие услуги. Для семейства Лао Вана это было весьма дельное предложение, однако отец Лао Вана уперся и ни в какую не соглашался. Он предпочитал остаться в прежнем трехкомнатном помещении, не желая куда-либо переезжать и заниматься чем-то еще. Он не хотел уступать свою лавку вовсе не потому, что был в ссоре с семейством Лао Сюна, просто у отца Лао Вана в решении дел имелся свой оригинальный подход: что бы ему ни подвернулось, он не рассматривал это с точки зрения своей выгоды. Но если выгода вырисовывалась для другого, он тотчас чувствовал себя обделенным. Лао Сюн, видя, что наткнулся на глухую стену, которую ничем не пробьешь, бросил свою затею.

С восточной стороны от бондарной лавки Лао Вана находился зерновой склад под названием «Процветание», хозяина которого звали Лао Лянь. После того как осенью семейство Ванов залатало свою крышу, карниз над их домом чуть удлинился, и теперь во время дождя вода стекала прямо на западную стену дома Лао Ляня. Но заметим, что карниз его дома также не отличался аккуратностью, а потому уже десять с лишним лет точно так же намокала восточная стена дома Ванов. И поскольку северо-западные ветры дули чаще, чем юго-восточные, семейство Лянь пострадавшей стороной считало именно себя. Из-за этого карниза между соседями даже разгорелся скандал. Хозяин зернового склада Лао Лянь отличался от хозяина ломбарда Лао Сюна. Лао Сюн по природе своей был деликатным, если возникала проблема, старался ее мирно обсудить, а Лао Лянь был человеком вспыльчивым и с неудобствами мириться не собирался. В вечер, когда они поссорились, он послал своих рабочих забраться на крышу дома Ванов, и те не только сорвали оттуда карниз, но еще и разобрали черепицу, оголив полкомнаты. С той поры между ними тянулась судебная тяжба. Отец Лао Вана не разбирался в судебных тонкостях, он просто старался действовать назло Лао Ляню. Тяжба длилась два года, и отец Лао Вана забросил свой промысел. Лао Лянь тратился на бесконечные судебные издержки, отец Лао Вана тоже старался не отставать. Однако разве ему было угнаться за семейством Ляней? Через их зерновой склад ежедневно проходило до нескольких десятков даней⁹

⁹ Дань – китайская мера объема сыпучих тел, равная 100 л.

зерна. К тому же начальник уезда Яньцзинь, Лао Ху, к делам относился безалаберно и за два года тяжбы так и не вынес никакого решения. Так что к этому времени пришлось отцу Лао Вана со своей трехкомнатной лавкой расстаться. В свою очередь хозяин ломбарда Лао Сюн потратился на то, чтобы эту трехкомнатную лавку у него выкупить. Отец Лао Вана арендовал однокомнатное помещение на восточной окраине уездного центра и возобновил свой промысел. Теперь он не питал никакой ненависти к судившемуся с ним хозяину зернового склада «Процветание» Лао Ляню, но зато всей душой ненавидел купившего его лавку хозяина ломбарда «Гармония» Лао Сюна. Он считал, что хотя судебная тяжба и велась от лица Лао Ляня, за его спиной наверняка стоял Лао Сюн. Но доказывать что-либо Лао Сюну в данный момент было бесполезно. Тогда отец Лао Вана выбрал другую стратегию. В тот год, когда Лао Вану исполнилось двенадцать, его послали в Кайфэн на учебу. Отец Лао Вана лелеял надежду, что через десять лет упорных занятий его сын станет чиновником, устроится на службу в родной уездный центр и уж тогда поговорит как надо и с семейством Сюнов, и с семейством Ляней. Как говорится, отомстить никогда не поздно. Однако, дабы брошенные в землю зерна проросли и дали урожай, требовался не один месяц. Поэтому, чтобы дожидаться, когда Лао Ван вырастет да еще и станет чиновником, требовалось большое терпение. Такое терпение у отца Лао Вана имелось, но вот как простому бондарю с его скромными доходами было справиться с затратами на обучение? Он крепился семь лет, но в результате обессилел так, что начал харкать кровью и работать больше не мог. Три месяца он провалялся в постели и когда почувал, что жить ему осталось недолго, решил отправить кого-нибудь в Кайфэн за сыном. Однако тут Лао Ван со своим тюком нарисовался сам. Он вернулся не потому, что услышал о болезни отца, а потому, что в Кайфэне его избивали. Причем избивали сильно: в уездный центр Яньцзиня он явился с разбитой физиономией и еле держался на ногах. На вопросы, кто его побил и за что, он не отвечал. Лишь сказал, что отныне будет бондарем и ни за что не вернется в Кайфэн. Видя такое дело, отец Лао Вана и вовсе слег, а через три дня преставился. Перед смертью он тяжело вздохнул:

– Все с самого начала пошло не так.

Предположив, что отец намекает на свои разборки с семействами Сюнов и Ляней, Лао Ван переспросил:

– Не следовало с ними судиться?

Отец посмотрел на расквашенную физиономию сына и сказал:

– Не следовало отправлять тебя на учебу. Лучше бы стал каким-нибудь бандитом. Тогда бы и тебя никто не тронул, и за семью бы давно отомстил.

Но уже было поздно. Тем не менее, отучившись семь лет в Кайфэне, Лао Ван по меркам Яньцзиня считался вполне образованным человеком. К примеру, тот же Лао Цао, который составлял письменные жалобы в уездном управлении, отучился всего шесть лет. После смерти отца Лао Ван в бондари не пошел, а вместо этого стал скитаться по деревням и зарабатывать на жизнь преподаванием. Это длилось десять с лишним лет. Худощавый, с аккуратным пробором и в длинном халате, он выглядел как образованный человек. Однако его косноязычие и даже некоторое заикание никак не располагали к преподаванию. Вполне возможно, что внутри него имелся целый кладезь знаний, однако вытащить их из него было так же сложно, как сваренные в чайнике пельмени. Когда он начал давать частные уроки на дому, первые несколько лет, куда бы он ни подался, не проходило и трех месяцев, как его выставляли за порог.

– Лао Ван, а ты точно образованный? – спрашивали люди.

Лао Ван, краснея, отвечал:

– Принесите мне бумагу и кисть, и я вам что-нибудь напишу.

– Раз так, почему же ты не можешь все это рассказать?

Лао Ван вздыхал:

– Как бы вам объяснить? Много болтают пустословы, а мудрецы молчаливы.

Однако, как бы он ни мудрствовал, даже если ему приходилось биться десять дней кряду, он все равно никак не мог донести до своих учеников хотя бы такую фразу из «Луньюя»: «Если народ в пределах четырех морей будет испытывать лишения, то ты навечно лишишься благословения Неба»¹⁰. Не в силах объяснить это изречение, он то и дело срывал зло на учениках: «Из гнилой древесины хорошей вещи не вырежешь. Это мудрецы про вас так говорили».

После почти восьми лет скитаний Лао Ван наконец-то нашел пристанище в доме сельского помещика Лао Фаня. К этому времени Лао Ван уже обзавелся семьей, да и внешне возмужал. Когда Лао Фань приглашал его к себе, другие говорили, что он совершает ошибку, ведь помимо Лао Вана были и другие учителя, что скитались по округе, например тот же Лао Юэ из деревеньки Юэцзячжуан или Лао Чэнь из деревеньки Чэньцзячжуан – любой из них был более ловок на язык. Тем не менее Лао Фань пригласил к себе не Лао Юэ и не Лао Чэня, а Лао Вана. Соседи считали это заблуждением с его стороны, но Лао Фань ни капельки не заблуждался. Дело в том, что один из его сыновей, Фань Циньчэнь, немного медленно соображал – вроде не дурак, но и не одаренный. Произнесет, к примеру, кто-нибудь за столом шутку, все тут же засмеются, а он один не реагирует. Зато когда уже все поели, он вдруг начинает смеяться. Косноязычный Лао Ван и тугодум Фань Циньчэнь весьма подходили друг другу, поэтому Лао Фань и пригласил Лао Вана.

Частная школа Лао Вана расположилась в коровнике Лао Фаня. Раньше здесь были стойла, но когда сюда принесли несколько столов, получилась учебная комната. Лао Ван самостоятельно сделал на дощечке горизонтальную надпись «Кабинет высаживания персиков»¹¹ и повесил ее над входом в коровник. Дощечка выглядела внушительно, поскольку раньше служила перегородкой от кормушки. Фань Циньчэнь, пусть и был тугодумом, но любил развлекаться, поэтому сидеть один на один с учителем ему казалось занятием скучным, учиться в таких условиях он не соглашался ни в какую. Тогда Лао Фань придумал организовать при своем доме частную школу и позвать в нее ребят из других семей. Никакого вознаграждения за это не требовалось, разве что давать сухой паек для самих ребят. И из всей округи к нему повалили дети. Продавец доуфу Лао Ян из деревни Янцзячжуан сначала не планировал учить сыновей грамоте, но прослышав, что в частной школе Лао Фаня никакой платы, кроме пайка, не требуют, посчитал это выгодным делом и послал туда сразу двух своих сыновей: среднего Ян Байшуня и младшего Ян Байли. Сначала он думал отдать туда еще и старшего Ян Байе, но поскольку тот был уже совсем взрослым, ему исполнилось пятнадцать лет, Лао Ян оставил его в помощниках при себе. Поскольку Лао Ван объяснял непонятно, большая часть учеников его не любила. В любом случае к нему ходили вольнослушатели, которые к тому же не хотели его слушать, для них это был просто повод отлынивать от домашнего хозяйства и беззаботно проводить здесь время. Те же Ян Байшунь и Ли Чжаньци, хоть и присутствовали на уроках, на деле без конца мечтали, чтобы где-нибудь появился покойник и они могли послушать похоронного крикуна Ло Чанли. Сам же Лао Ван был человеком добросовестным. Ему не давало покоя, насколько его ученики далеки от верного толкования «Луньюя». Очень часто он на полуслове прекращал всякие объяснения и говорил: «Все равно объяснять вам без толку».

К примеру, они проходили изречение «Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно?»¹² Ребята решили, что Конфуций просто радуется другу, прибывшему издалека. «Да какой там радуется, – принимался объяснять Лао Ван, – мудрец, наоборот, готов плакать. Если у тебя друг живет рядом, то на душе не копится слов, и приезжающий издалека разве не станет лишним? Но если рядом нет друга, то придется считать другом чужака, прибывшего издалека. Но это еще вопрос, друг ли он на самом деле. Так что это изречение на самом

¹⁰ «Луньюй», глава XX «Яо юэ». Здесь и далее пер. Л. С. Переломова.

¹¹ Персик в данном случае обозначает талантливого ученика.

¹² «Луньюй», глава I «Сюэ эр».

деле завуалированное ругательство». После такого объяснения ученики единогласно объявляли Конфуция выродком, а Лао Ван наедине с собой проливал горькие слезы. Из-за отсутствия взаимопонимания с учителем среди учеников наблюдалась постоянная текучка. Старые ученики уходили от Лао Вана из-за непонимания, но и новые приходили к нему по той же причине. Поскольку ученики в этой школе то и дело сменяли друг друга, повсюду в окрестных деревнях, будь то среди родственников или знакомых, непременно обнаруживались подопечные Лао Вана. Так что через несколько лет его «персики и сливы»¹³ расплодились не на шутку.

Кроме преподавания было у Лао Вана одно пристрастие: дважды в месяц, пятнадцатого и тридцатого числа по лунному календарю, в полуденный час ему нравилось побродить в одиночестве. Он шел, отмеряя большие шаги, не останавливаясь и ни с кем не здороваясь. Иногда он выбирал широкую дорогу, а иногда шагал прямо через дикое поле. И пусть там не было никакой тропинки, он сам себе ее прокладывал. Будь то летом или зимою, он всегда ходил до тех пор, пока не вспотеет. Поначалу никто никакого смысла в эти его прогулки не вкладывал, однако их методичное повторение из месяца в месяц, из года в год стало всех настораживать. Если же пятнадцатого или тридцатого числа случалась непогода, то Лао Ван, оставаясь дома, невероятно от этого страдал. Лао Фань сначала не обращал на его прогулки никакого внимания, но несколько лет спустя они его заинтересовали. Как-то раз, вернувшись со сбора податей, Лао Фань прямо у ворот застал Лао Вана, который уже накидывал куртку и собирался выйти на свою прогулку. Лао Фань спрыгнул с лошади и, вспомнив, что по лунному календарю было akurat пятнадцатое число, взял и спросил его прямо в лоб:

– Лао Ван, что ты там все выхаживаешь вот уже который год?

– Не могу рассказать вам, хозяин. Да даже если бы мог, складного рассказа все равно бы не вышло.

Ну раз такое дело, Лао Фань от него и отстал. Потом на Праздник начала лета¹⁴ Лао Фань угощал у себя Лао Вана и среди разговора снова вспомнил про его прогулки. Лао Ван, который уже изрядно выпил, упал на угол стола и слезно запричитал:

– Я вспоминаю одного человека. За полмесяца во мне столько всего копится, что только после долгой ходьбы наступает разрядка.

Лао Фань его понял и спросил:

– Этот человек жив или уже умер? Надеюсь, это не твой отец. Помнится, тяжело ему приходилось платить за твое обучение.

Лао Ван покачал головой:

– Да нет, не он. Из-за него бы я не ходил.

– Ну а если этот человек жив, так найди его, и делу край!

Лао Ван снова покачал головой:

– Не смогу я его найти, не смогу. Как-то раз я за свои поиски уже чуть жизнью не заплатил.

Лао Фань очень удивился такому ответу, но дальше приставать не стал, а лишь сказал:

– Я только беспокоюсь, что в самый полдень в поле бродит всякая нечисть, берегись злых духов.

– Кто плывет по реке, тот забывает о расстоянии¹⁵. – Сделав паузу, он добавил: – Да и не боюсь я встречи со злым духом, если понадобится ему, пойду с ним.

Было совершенно очевидно, что он пьян, поэтому Лао Фань в ответ только покачал головой. Однако Лао Ван ходил не просто так, он досконально помнил свой путь, более того, он считал свои шаги. Спроси его, к примеру, какое расстояние до какой-нибудь лавки, и он тот-

¹³ «Персики и сливы» здесь означает «ученики и последователи».

¹⁴ Приходится на пятый день пятого месяца по лунному календарю и знаменует начало лета.

¹⁵ Цитата из знаменитого стихотворения Тао Юаньмина (IV–V вв.) «Персиковый источник».

час ответит: «Одна тысяча восемьсот пятьдесят два шага». Или: «Сколько до деревни Хуцзячжуан?» – «Шестнадцать тысяч тридцать шесть шагов». Или: «Сколько до села Фэнбаньцзао?» – «Сто двадцать четыре тысячи двадцать два шага».

Жену Лао Вана звали Инь Пин. Инь Пин хоть и была неграмотной, помогала Лао Вану в частной школе: ежедневно проверяла посещаемость и готовила к уроку письменные принадлежности. Не в пример мужу, Инь Пин любила потрепаться. Но на школьные знания ее красноречие не распространялось, ограничиваясь лишь соседскими пересудами. На уроках она не сидела: едва Лао Ван начинал занятие, она уходила куда-нибудь поболтать. И если уж кого встречала, то говорила, не умолкая, обо всем подряд, что всплывало в ее памяти. Спустя два месяца после своего переезда в поселок она уже со всеми хоть раз, но успела пообщаться. А спустя три месяца добрая половина местных жителей не знала, куда от нее деваться. Народ просил Лао Вана:

– Лао Ван, ведь ты – образованный человек, но жена у тебя такая балаболка, хоть ты бы убедил ее, что нельзя так.

Лао Ван только вздыхал:

– Убеждения помогают лишь тогда, когда в чьих-то словах имеется хоть какой-то смысл, пусть и непонятный другим, но если человек просто несет всякую ересь, в чем его можно убедить?

Поэтому поведение Инь Пин Лао Ван полностью игнорировал, позволяя ей вести себя по-прежнему. Дома Лао Ван вообще пропускал болтовню Инь Пин мимо ушей. Каждый из них занимался своим делом и они прекрасно сосуществовали. Кроме того, что Инь Пин без умолку болтала, она еще любила во всем искать халюву. Если ей выпадал подходящий случай, она радовалась, если же нет – чувствовала себя обделенной. К примеру, если она покупала у кого-то на рынке лук, то в придачу непременно выторговывала две головки чеснока. Или, покупая два чи¹⁶ ткани, заодно уносила две катушки ниток. А летом и осенью она любила пошарить по полям. Ладно бы, если она шла на убранное поле, но она метила туда, где урожай еще не убрали. Там она мимоходом хватала что попадалось под руку и совала себе в штаны. А поскольку ближе всего к южным воротам школы, через которые она выходила, располагалось поле Лао Фаня, его владения она обчищала чаще всего. Как-то раз, когда Лао Фань заглянул в недавно построенный сарай на заднем дворе, к нему подошел управляющий Лао Ли и сказал:

– Хозяин, уволил бы ты этого Лао Вана.

– Почему?

– Ребятя все равно не понимает его объяснений.

– Не понимает – научится, а если бы понимала, так зачем учиться?

– Лао Ван тут ни при чем.

– О ком тогда речь?

– О его жене. Любит она шарить по полям, это же воровство.

Лао Фань только отмахнулся:

– Это же бабий народ, что с него взять. – И тут же добавил: – Ворует, так и шут с ней, у меня пятьдесят цинов земли, неужели я одну воровку не прокормлю?

Этот разговор слышал Лао Сун, который ухаживал за скотиной. Ребенок Лао Суна тоже ходил к Лао Вану изучать «Луньюй», так что Лао Сун все услышанное передал Лао Вану. Но он никак не ожидал, что тот в ответ заплачет:

– Вот оно, подтверждение моего понимания фразы: «Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно?» Именно тот случай.

Ян Байшунь изучал «Луньюй» только до пятнадцати лет, потом Лао Ван покинул дом Лао Фаня, и частная школа закрылась. Лао Ван ушел вовсе не потому, что его уволили, и не потому,

¹⁶ Чи – китайская мера длины, примерно 30 см.

что ученики не понимали его объяснений, и даже не потому, что его жена, воруя чужое добро, испортила ему репутацию, а ушел он из-за того, что произошло несчастье с его ребенком. У Лао Вана с Инь Пин было четверо детей: трое мальчиков и одна девочка. Несмотря на свою ученость, имена своим детям Лао Ван выбрал самые простецкие. Старшего сына звали Дахо¹⁷, среднего – Эрхо¹⁸, а младшего – Саньхо¹⁹, ну а дочь он назвал Дэнчжань²⁰. И Дахо, и Эрхо, и Саньхо были покладистыми, а вот Дэнчжань – вырвиглаз. Если у других детей были вполне нормальные забавы: перевернуть все в доме вверх дном или полазить по деревьям, то Дэнчжань такие вещи вообще не интересовали. Зато у нее была страсть к домашним животным. При этом она тянулась не к кошечкам и собачкам, а к крупной домашней скотине – шестилетнюю кроху тянуло к мулам и лошадям. Конюх Лао Сун никого так не боялся, как Дэнчжань. Заготавливает он, бывало, вечером корм для скота, глядь, а Дэнчжань уже сидит верхом на какой-нибудь лошади в стойле и понукает: «Но! Поехали искать твою мамочку!» Лошадь недовольно ржала и взбрыкивала, но девочку это нисколько не пугало. Дахо, Эрхо и Саньхо никаких хлопот Лао Вану не причиняли, самое худшее из того, что они делали – как и все остальные его ученики, ничего не смыслили в «Луньюе». Зато девчушка была для него настоящей головной болью. Из-за постоянных шалостей Дэнчжань Лао Сун то и дело бегал жаловаться к Лао Вану. Но тот лишь отмахивался: «Лао Сун, можешь ничего не говорить, просто считай ее за детеныша скотины». Как-то в восьмом месяце по лунному календарю Лао Сун заготавливал для скотины корм и, не рассчитав силы, так саданул вилами по промывочному чану, что тот раскололся. Впрочем, этот чан был в ходу уже лет пятнадцать и, можно сказать, послужил хорошо. Лао Сун все честно рассказал хозяину Лао Фаню, тот его тоже ругать не стал, а просто отправил купить новый. Поскольку в хозяйстве Лао Фаня скота прибавилось, то новый промывочный чан Лао Сун выбрал побольше, в целый чжан²¹ в диаметре. Когда он вернулся с покупкой назад, то больше всего обновке обрадовалась Дэнчжань. Она забралась с ногами на толстый бортик наполненного водой чана и, подперев руки в боки, стала нарезать по нему круги. Лао Сун уже настолько привык к ее выходкам, что лишь вздыхал да качал головой, не обращая на нее особого внимания. Вскоре он и вовсе запряг скотину и отправился боронить поле. Когда же вечером он вернулся домой, то нашел Дэнчжань в чане. Вода по-прежнему доходила до его краев, а на поверхности колыхалось тельце девочки. Вытащить он ее вытащил, но было уже поздно – она захлебнулась и утонула. Лао Сун в отчаянии взметнул свои вилы и, разбив ими новый чан, уселся на чурку, к которой привязывали ослон, и заплакал. Прибежавшая Инь Пин, увидав свое дитя, без лишних слов схватила вилы, собираясь тут же на месте прикончить Лао Суна. Но Лао Ван притянул ее к себе и, глядя на лежавшую на земле дочь, беспристрастно сказал:

– Лао Сун не виноват, виновато дитя. – И добавил: – Числа не было ее проказам, сил уже никаких не оставалось, значит, туда ей и дорога.

В ту пору, когда Ян Байшуню было пятнадцать, детей в семьях было пруд пруди, поэтому потеря ребенка значила не много. Та же Инь Пин посердилась на Лао Суна дня два, а потом тот принес ей два доу²² риса, и на том дело замаяли.

Спустя месяц началась дождливая пора, из двадцати с лишним учеников в школу к Лао Вану стало приходиться всего лишь по пять-шесть. Тогда Лао Ван, вместо того чтобы давать новый материал, заставил своих подопечных писать сочинение на тему «Не беспокойся о том,

¹⁷ Дословно – «большой парень».

¹⁸ Дословно – «средний парень».

¹⁹ Дословно – «младший парень».

²⁰ Дословно – «фонарик».

²¹ Чжан – китайская мера длины, равная примерно 3,33 м.

²² Доу – китайская мера для сыпучих и жидких тел, равная 10 л.

что люди тебя не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей»²³, а сам устался на дождь за окном. Размышляя о том о сем, он решил, что после обеда вместо сочинения и новой темы заставит ребят упражняться по прописям. С этой мыслью он пошел за Инь Пин, но ее поблизости не оказалось, видимо, как всегда побежала к кому-нибудь сплетничать. Тогда Лао Ван сам сходил домой за образцами каллиграфии. Они лежали под корзинкой для шитья Инь Пин. Взяв листы, он подошел к подоконнику, чтобы взять свою тушечницу. Лао Ван решил, что пока его ученики будут оттачивать свой почерк, сам он напишет по памяти отрывок из поэмы Сыма Сянжу²⁴ «Там, где длинны ворота». Лао Вану нравились оттуда такие две строчки: «День уже в сумерках желтых, надежды мои прерываются – да, оборвались; печально одна отдаю себя зале пустой»²⁵. И вдруг, подойдя к подоконнику, он заметил на нем кусочек лунного пряника²⁶, который оставила там погибшая Дэнчжань еще месяц назад, пятнадцатого числа восьмого лунного месяца, и на котором виднелись следы от ее зубок. Этот пряник Лао Ван купил в уездном центре, когда ездил туда закупать учебники. За одну и ту же цену в городе выбор лунных пряников был гораздо шире. Помнится, когда Лао Ван привез этот пряник, Дэнчжань тут же его стащила, за что Лао Ван поймал ее и хорошенько выпорол. Он не особо убивался, когда девочка умерла, а тут увидел на прянике следы от ее зубок, и что-то в его душе всколыхнулось и пронзило сердце нестерпимой болью. Отставив тушечницу в сторону, он побрел в сторону сарая. В это время Лао Сун, стоя под дождем в бамбуковой шляпе, нарезал солому скоту. Прошел месяц, и гибель Дэнчжань в памяти Лао Суна уже подзабылась, поэтому он решил, что Лао Ван пришел к нему, чтобы поговорить о хулиганских выходках сына. Сына Лао Суна звали Гоушэн, он также принадлежал к числу «гнилой древесины, из которой хорошей вещи не вырежешь». Но Лао Ван вместо разговора о Гоушэне приблизился к уже третьему за последний месяц промывочному чану и разрыдался горючими слезами. Начав рыдать, он никак не мог остановиться и прорыдал часов шесть кряду, напугав и хозяина Лао Фаня, и всех его приказчиков.

Выплакавшись, Лао Ван вернулся к своей обычной жизни: когда нужно было идти в школу разъяснять «Луньюй» – шел разъяснять «Луньюй», когда наступало время обеда – шел домой обедать, когда хотел написать по памяти отрывок из поэмы «Там, где длинны ворота» – писал этот отрывок, но вот говорить с тех самых пор он стал значительно меньше. Пока его ученики читали текст, сам он одиноко вставал перед окном, уставившись вдаль. Спустя три месяца на улице пошел снег, а когда он закончился, Лао Ван явился к хозяину Лао Фаню. Лао Фань в это время сидел в комнате и мыл ноги. Увидав Лао Вана, который выглядел как-то странно, он тут же поинтересовался, что произошло.

– Хозяин, я ухожу, – ответил Лао Ван.

Лао Фань удивился и, не окончив процедуру, вытащил из таза мокрые ноги:

– Как так уходишь? Что-то не так?

– Все так, лишь со мною не так – скучаю по Дэнчжань.

Лао Фань, смекнув, в чем дело, стал его уговаривать:

– Забудь, уже почти полгода прошло.

– Я бы рад забыть, хозяин, да только сердцу не прикажешь. Пока дочка была жива, я и злился на нее, и руку на нее поднимал, а вот сейчас ее нет, и я что ни день, то думаю о ней, только и мечтаю, чтобы увидеть. Днем это не получается, зато по ночам снится. Приходит ко

²³ «Луньюй», глава I «Сюэ эр».

²⁴ Сыма Сянжу, второе имя Чанцин (179–118 гг. до н. э.) – придворный поэт, крупнейший мастер прозо-поэтического жанра «фу», для которого было характерно детальное описание событий, дворцовой обстановки, пиров, императорской охоты и т. д.

²⁵ Пер. В. М. Алексеева.

²⁶ Традиционное лакомство на Праздник середины осени, который отмечается пятнадцатого числа восьмого месяца по лунному календарю.

мне всегда такая послушная, остановится перед кроватью и говорит: «Па, на улице холодно, давай-ка подоткну тебе одеяльце».

Лао Фань пытался его убедить:

– Лао Ван, нужно потерпеть.

– Я бы рад потерпеть, но не могу, хозяин. Сердце огнем горит, если дальше буду терпеть – с ума сойду.

– Значит, надо еще раз сходить к сараю и выплакаться.

– Да я уже пробовал, не получается.

Тогда Лао Фань, словно опомнившись, предложил:

– А ты по полю походи. Походишь, и тебе сразу полегчает.

– Уже ходил. Раньше ходил раз в полмесяца, а теперь каждый день хожу, и все без толку.

Лао Фань понимающе кивнул и, вздохнув, сказал:

– Но куда же ты пойдешь? Отец твой в молодости спустил все деньги на судебную тяжбу, не оставил тебе никакого пристанища, так что считай, что здесь твой дом. Ведь все эти годы я тебя никогда за чужака не считал.

– Хозяин, я тоже считаю это место своим домом, но последние три месяца я ни о чем другом, кроме смерти, не думаю.

Лао Фань удивился, но удерживать Лао Вана перестал:

– Коли надумал – иди, но только я за тебя переживать буду. Куда ты пойдешь со всем своим семейством?

– Дочка во сне указывает мне идти на запад.

– Но ведь на западе ты ее все равно не найдешь.

– Я и не собираюсь ее искать. Там, где я перестану по ней убиваться, там мы и прикнемся.

На следующее утро Лао Ван вместе с Инь Пин и тремя сыновьями покинули дом Лао Фаня. Лао Ван держался уже три месяца, а тут, выйдя за ворота, увидел два вяза и расплакался. Шесть лет назад, когда он только пришел к Лао Фаню, они были совсем тоненькими, а теперь уже стали толщиной с руку.

От людей Ян Байшунь узнал, что Лао Ван, покинув дом Лао Фаня, вместе с женой и детьми отправился на запад. Он шел и шел, делая в пути остановки: доберется до какого-нибудь места, почувствует, что сердце еще беспокойно, и идет дальше. Он продвигался от Яньцзиня до Синьсяна, от Синьсяна до Цзяоцзо, от Цзяоцзо до Лояна, от Лояна до Саньмэнься, но боль его не отпускала. Спустя три месяца он покинул пределы провинции Хэнань и вдоль Лунхайской железной дороги добрался аж до Баоцзи, что в провинции Шэньси. В этом городе его душа неожиданно просветлела и печаль ушла, поэтому он решил обосноваться именно там. Лао Ван не стал возвращаться к преподаванию, да и никто его об этом и не просил. Отцовский промысел бондаря и лудильщика он тоже вспоминать не стал, а вместо этого принялся делать фигурные леденцы на палочке. Насколько Лао Ван был плох как учитель, настолько же он был хорош как леденечник: фигурки в его исполнении выходили точь-в-точь как живые; если петух – так вылитый петух, если мышь – так вылитая мышь. А если у него было особенно хорошее настроение, то Лао Ван раскладывал свой стол во всю длину и начинал ваять горы Хуаншань. На эти горы он повсюду насаживал фигурки обезьян: одни, хватаясь за дерево, срывали фрукты, другие дрались с сородичами, третьи искали в чьей-нибудь голове вошек, были даже такие, которые просили у людей милостыню. Если же Лао Ван был пьян, то он принимался за фигурки людей. На одном дыхании он мог сделать какую-нибудь луноликую красавицу. На вид той красавице было лет восемнадцать: стройная, пышногрудая, она, вместо того чтобы улыбаться, казалось, вот-вот заплачет. Народ потешался:

– Лао Ван, это у тебя девочка на выданье?

Лао Ван качал головой:

- Нет, это уже замужня.
- А откуда она?
- Из Кайфэна.
- А почему она не смеется, а плачет, словно у нее горе какое?
- Она и должна плакать, а не будет плакать, так помрет с горя.

Одним словом – пьяная брехня. Лао Ван к этому времени не только сильно раздобрел, но и полысел. Напивался он не часто, так что сделанные им фигурки людей можно было по пальцам пересчитать, тем не менее во всем Баоцзи знали, что хэнанец Лао Ван с конного рынка, чья лавка находится у ворот Чжуцюэмэнь, умеет делать «кайфэнскую невестку».

После ухода Лао Вана от Лао Фаня ученики из «Кабинета высаживания персиков» разбрелись кто куда. Ян Байшунь и Ян Байли тоже покинули школу при доме Лао Фаня и вернулись в свою деревню Янцзячжуан. Ян Байшунь изучал у Лао Вана «Луньюй» пять лет, он попал в эту школу, когда ему было десять, а сейчас ему уже исполнилось пятнадцать. Он-то думал, что будет учиться у Лао Вана еще несколько лет, ведь «Луньюй» он все равно пока не усвоил, но кто же знал, что Лао Ван возьмет и уйдет. День-деньской они строили учителю всякие козни; как-то раз зимой, когда Ян Байшуню было двенадцать лет, он вместе с Ли Чжаньци втихаря проник в уличный туалет Лао Вана, взял его ночной горшок и проделал в днище дырку. В итоге, когда Лао Ван стал справлять нужду, он обмочил свою кровать. Сейчас же, когда Лао Ван их покинул, ученики поняли, сколько они потеряли. Для Ян Байшуна самым большим плюсом при Лао Ване была возможность филонить, теперь же ему пришлось возвращаться домой, чтобы готовить доуфу со своим отцом. Ян Байшунь терпеть не мог это занятие. Он не то чтобы питал отвращение к самому доуфу, просто он совсем не ладил с Лао Яном, а не ладил он с ним вовсе не потому, что таил на него злобу после того случая, когда из-за какого-то барана Лао Ян выпорол его и выгнал из дома, а потому, что, как и извозчик Лао Ма, Ян Байшунь презирал Лао Яна. Его душа была отдана похоронному крикуну Ло Чанли из деревеньки Лоцзячжуан. Он даже хотел сбежать от Лао Яна к Ло Чанли, однако загвоздка состояла в том, что Ян Байшуню не все нравилось в Ло Чанли. Тот нравился ему лишь как похоронный крикун, но не как изготовитель уксуса, который у него уже через десять дней покрывался грибком. Однако жил Ло Чанли именно за счет этого промысла, роль крикуна была для него не более чем увлечением. Ради нее он не мог забросить свое дело. Ведь уксус нужен по три раза на день, а где в один день набраться трем покойникам? Так что Ян Байшунь оказался в затруднительном положении.

Младший брат Ян Байшуна, Ян Байли, также терпеть не мог продавца доуфу Лао Яна. Ему нравился слепой Лао Цзя из деревеньки Цзяцзячжуан, который играл на трехструнке. Слепой Лао Цзя был не совсем слепым – слепым у него был лишь один глаз, другим он все видел. Кроме игры на трехструнке, слепой Лао Цзя, пусть одним глазом, но умел гадать по лицу. За несколько десятков лет через него прошло несметное количество людей. Каких только судеб он не видел. Но к словам Лао Цзя особо не прислушивались, поэтому чем больше он занимался гаданием, тем сильнее убивался по этому поводу. На его взгляд, все люди проживали свою жизнь совершенно не так и каждый день занимались совершенно не тем, что было предназначено им судьбой, чем напоминали безумных белок в колесе. Выходило, что Лао Цзя всегда оспаривал выбранный ими путь и указывал другую дорогу. В отличие от Ян Байшуна, которому Ло Чанли нравился лишь как похоронный крикун, но не как изготовитель уксуса, слепой Лао Цзя нравился Ян Байли и как музыкант, и как гадатель. Поэтому Ян Байли втайне от продавца доуфу Лао Яна сбежал в деревеньку Цзяцзячжуан к слепому Лао Цзя, чтобы попроситься к нему в ученики. Слепой Лао Цзя, прикрыв глаза, пощупал руки Ян Байли и вынес вердикт:

- Пальцы слишком грубые, игрой на трехструнке себя не прокормишь.
- Тогда научите меня предсказывать судьбу, – попросил Ян Байли.

В ответ слепой Лао Цзя открыл один глаз и посмотрел на Ян Байли.

– Ты своей-то судьбы не ведаешь, что же ты будешь предсказывать другим?

– А какая у меня судьба?

Слепой Лао Цзя снова прикрыл глаза:

– На дальнюю перспективу – судьба рабочей лошадки, будешь каждый день покрывать по несколько сотен ли, и все из-за одного говоруна. Если же говорить о скором будущем, то все, кого бы ты ни встретил, будут тебя костерить.

Так что наставника Ян Байли не обрел, зато получил зловещее предсказание. Про себя он ругался на слепого Лао Цзя: «Если каждый день покрывать по несколько сотен ли, так и слохнуть недолго!» Обиженный на дурацкое предсказание, Ян Байли возвратился в родную деревню.

4

Когда Ян Байшуню было шестнадцать, новым начальником уезда Яньцзинь назначили Сяо Ханя. До Сяо Ханя начальником уезда был краснолицый хунанец из Маяна Лао Ху, которого выдвинули еще при маньчжурах. Отец Лао Ху занимался в Маяне китайской традиционной медициной, всю свою жизнь он излечивал или же залечивал людей. Если другие врачи китайской медицины, поставив диагноз, тут же выписывали рецепт, то отец Лао Ху, прощупав больному пульс, по десять раз думал, прежде чем вывести очередной иероглиф в рецепте. Когда пациент уходил, отца Лао Ху спрашивали:

– Послушай, тебе рецепт написать тяжелее, чем разродиться, неужели ты не определил болезнь?

– Болезнь-то определить легко, сложно проникнуть в человеческое сердце.

– Но ведь мы лечим болезни, какое тебе дело до человеческого сердца?

В ответ отец Лао Ху вздыхал:

– А как же без этого? – Помолчав, добавлял: – Болезни одинаковы, да только люди разные.

Если разным людям выписать одно и то же лекарство, вряд ли оно всем поможет. – Вздохнув, он подытоживал: – Как раз от этого зависит, будет ли исход болезни успешным или печальным.

Когда Лао Ху выдержал экзамены и его распределили на чиновничью службу, в день отъезда в уезд Яньцзинь его вышел провожать весь Маян. Под оглушающие звуки гонгов и барабанов наряженный Лао Ху сел на коня. Все вокруг захлопали в ладоши, а отец Лао Ху придержал его коня и сказал:

– Сынок, все пришли тебя поздравить, один лишь я плачу.

– Чего плакать? Не на казнь же меня везут!

– Ты такой порядочный, тебе бы книги читать, а попадешь в эту чиновничью среду шакалов и волков, боюсь, не видать тебе ничего хорошего. Не через год, так через пять лет, если не посадят, так снимут и пошлют обратно.

– Другие, получая такую должность, считают это за счастье, а ты тут пристал со своими похоронными речами.

– Я вообще не это хотел сказать.

– А что же, в конце концов?

– Если в один прекрасный день тебя все-таки снимут с чиновничьей должности, ни в коем случае не расстраивайся, а возвращайся в Маян перенимать мое дело. Лучше быть мудрым врачом, чем мудрым министром.

Но случилось так, что, приехав в уезд Яньцзинь, Лао Ху продержался на своей должности тридцать пять лет. В этом смысле отец его недооценил. Столь длительный срок объяснялся вовсе не тем, что Лао Ху разбирался в тонкостях чиновничьей службы, он вообще ничего не смыслил в чиновничьих хитростях и при этом пребывал в полном неведении относительно своего невежества. Можно сказать, что он удержался на своей должности благодаря случайному везению. Работа чиновника немыслима без проведения приемов в честь приезжающих и отбывающих гостей, без праздничных подношений вышестоящим. Однако, став начальником, Лао Ху никаких приемов не устраивал, никаких подарков вышестоящим не делал. Уезд Яньцзинь находился в подчинении округа Синьсян, начальника округа звали Лао Чжу. Этот Лао Чжу славился своей алчностью, поэтому на праздники все другие чиновники делали ему подношения, и лишь Лао Ху был исключением. Приняв подарки, Лао Чжу любил рассказывать, какой он неподкупный, и Лао Ху, единственный из десяти подчиненных, кто не делал никаких подношений, стал для Лао Чжу своего рода оправданием. На банкетах Лао Чжу говорил своему начальству и коллегам:

– Все обвиняют меня в алчности, а вы спросите того же Лао Ху из Яньцзиня, дал ли он мне за все это время хоть грошик.

Но важнее подношений были превозношения, когда прилюдно перечислялись заслуги и добродетели начальника. Однако Лао Ху и в этом ничего не смыслил. Не говоря уже о неумении превозносить, Лао Ху и в обычном разговоре всегда был сам себе на уме. Заступая на должность в чужой области, другие чиновники старались подстроить свой говор под окружающих, а Лао Ху первые десять лет пребывания в Яньцзине продолжал говорить на своем хунаньско-маянском наречии. Пробормочет что-нибудь, и никто его не понимает: ни Лао Чжу, ни коллеги, ни тем более простой люд. Бывало, обращаются к нему на судебном заседании жалобщик с ответчиком, он им «бряк-бряк» что-то свое, а те, как в тумане, ничего разобрать не могут. Из-за такого банального непонимания все судебные дела рассыпались на части. Зато именно по этой самой причине в уезде Яньцзинь царил порядок. Если речь не шла об убийстве или поджоге, то яньцзиньцы жалоб старались не подавать. Если не подавать в суд, то ущерб будет небольшим, а вот если дело решится в суде абы как, то пострадавшие могут и разориться. Все спорные вопросы народ теперь решал сам, поэтому Яньцзинь казался островком всеобщего благоденствия. А поскольку жалобщиков было мало, у Лао Ху имелось свободное время, в которое он любил столярничать. Днем, разбирая судебные дела, Лао Ху был не в духе, зато с наступлением вечера он зажигал в канцелярии свет, снимал официальное платье, переодевался во что-нибудь поудобнее и принимался мастерить столы да стулья, сундуки да ящики. Так что если в других канцеляриях пахло казенщиной и сыростью, то в яньцзиньской управе – стружками и лаком. Местные сыщики и приказчики, облачившись в униформу, исполняли роль сыщиков и приказчиков, а снимая ее, превращались в подмастерьев Лао Ху. Именно в этом кроется причина того, что в наши дни уезд Яньцзинь славится своими резчиками по дереву. Собственно говоря, сначала приказчики противились заниматься столярными работами, но Лао Ху, который не лебезил перед начальством, запарывал все дела, а также не разбирался в чиновничьей кухне, этим своим невежеством невольно расположил их к себе. Он даже не подозревал, сколько ходатайств скрывалось за какой-то одной обидой, предоставляя тем самым своим подчиненным поле для деятельности. Поэтому те с радостью шли к нему в подмастерья. Когда областной правитель Лао Чжу пожаловал с инспекторской проверкой в Яньцзинь, учуяв в уездной канцелярии специфический запах, только покачал головой и усмехнулся. Ну а поскольку уезд Яньцзинь представлялся островком всеобщего благоденствия, Лао Ху пробыл его начальником тридцать пять лет. И только когда Лао Ху исполнилось шестьдесят, что предписывало выход в отставку, он ушел на заслуженный отдых. Все те, кто прибыл в Хэнань вместе с ним, будь то его коллеги, начальники уездов или правители округов, за эти тридцать пять лет, как и сулил отец Лао Ху, в большинстве своем или попали за решетку, или были казнены, или же просто смещены с должности. Окружного правителя Лао Чжу посадили в тюрьму, когда Лао Ху исполнилось пятьдесят. Тогда-то все стали перемывать ему кости: «Все говорят о порядочности Лао Ху из Яньцзиня, но кто же знал, что этот выродец окажется самым дальновидным». Однако, выйдя в отставку, Лао Ху на родину не возвратился, а остался в уезде Яньцзинь. На родину он не возвратился вовсе не потому, что ему было некуда возвращаться, а потому, что, прожив в Яньцзине тридцать пять лет, он привык к местным условиям. В Яньцзине почва солончаковая, поэтому вода здесь соленая и горькая, с большим содержанием щелочи и селитры. От такой воды передергивает не только людей, но и скотину. Именно в этом кроется причина того, что жители Яньцзиня любят мотать головой. Мотая головой, они вовсе не выражают своего недовольства кем-то или чем-то, просто это вошло у них в привычку. Когда Лао Ху только-только приехал в уезд Яньцзинь, его что ни день поносило от этой горькой водицы, поэтому мотать головой он тоже выучился. Но прошло несколько лет, и поноса как не бывало. Зато когда он через эти несколько лет вернулся навестить родных в Маян, что в провинции Хунань, из-за тамошней пресной воды, бедной щелочью и селитрой, его что ни

день стали мучать запоры. Семь дней без каши человек как-нибудь проживет, а проживи он семь дней без какашек – и ему крышка. Так что Лао Ху и там начал мотать головой. Поэтому после ухода на пенсию ему ничего не оставалось, как признать своей родиной место службы и остаться в Яньцзине. Прямо посреди уездного центра Яньцзиня протекала речка Цзиньхэ. Лао Ху на свои сбережения, сделанные за тридцать пять лет, купил у моста усадьбу, где мог полностью отдаваться столярному делу. Сперва, занимаясь любимой работой, Лао Ху отдыхал и душой, и телом, однако спустя месяц он загрустил. Пока Лао Ху находился при должности, он столярничал лишь в свободное время, поэтому делал только предметы мебели, сундуки да ящики. Между тем в столярно-плотницком ремесле имеется разделение на строительных, тележных и мебельных мастеров. Из трех видов столярно-плотницкого ремесла самым легким считается изготовление мебели. Выучиться на тележного мастера, который изготавливает те же спицы для колес, уже сложнее, а значит, стать строительным мастером и делать консоли, карнизы да резные балки с расписными стропилами сложнее вдвойне. Лао Ху никак не хотел мириться с тем, что его умений хватало лишь на изготовление мебели. Но, с другой стороны, в таком почтенном возрасте ему при всем желании было уже не по силам с самых азов осваивать ремесло тележного и строительного плотника. Поэтому Лао Ху ничего не оставалось, как продолжать делать предметы домашнего обихода. Пока Лао Ху находился при должности, он изготавливал мебель точь-в-точь такую же, как у других мастеров. Но теперь, когда столярное ремесло стало его основным занятием, ему захотелось стать новатором в своей области и создавать уникальные в своем роде вещицы, а с этим возникали свои трудности. Другими словами, делать не так, как все, – это еще полбеда, а вот переплюнуть самого себя – это уже задача посложнее. Целый день он «грузил» себя невеселыми мыслями, а ночью с фонарем в руках начинал внимательно подбирать подходящие кусочки древесины. Он занимался этим вплоть до первого крика петухов, так и не приступая к основной работе. В такие минуты он часто вздыхал, мотая головой: «Все думают, что трудно быть чиновником, но вот знал бы кто-нибудь, что быть столяром гораздо труднее». Жители уездного центра, которые среди ночи переправлялись через реку Цзиньхэ, замечая под мостом свет в доме Лао Ху, в свою очередь тоже вздыхали: «Лао Ху еще не ложился» или: «Лао Ху в своих плотницких думах».

После того как Лао Ху вышел в отставку и стал столяром, место начальника уезда перешло к Сяо Ханю. Сяо Хань был выпускником Яньцзинского университета²⁷, ему едва перевалило за тридцать; у него был совсем крошечный рот, размером с земляной орех, а еще он зачесывал назад волосы. Такой ротик, как у Сяо Ханя, часто встречался у женщин, среди мужчин это было редкостью. Сяо Хань приехал из города Таншань провинции Хэбэй и говорил на таншаньском наречии. С точки зрения яньцзиньцев, им что хунаньско-маянское наречие, что хэбэйско-таншаньское, все одно – понять сложно. Если уж сравнивать эти наречия между собой, то таншаньский говор Сяо Ханя был куда понятнее маянского говора Лао Ху. Но именно по этой самой причине в Яньцзине появились проблемы. Едва приехав в Яньцзинь, Сяо Хань осерчал. Однако его гнев не был вызван местными нравами и обычаями. Тридцать пять лет под началом Лао Ху не прошли для города даром: здесь не подбирали оброненные на дороге вещи и не запирали на ночь двери. Превращение управы в столярную мастерскую, насквозь пропахшую стружкой и лаком, его также не волновало. Но дело было в том, что Сяо Хань с самого рождения отличался говорливостью, его крошечный ротик не закрывался ни на минуту. Он предпочитал провести день без еды, но только не молча. Помимо разрешения судебных тяжб, он любил общаться с народом. А поскольку с каждым разом к его таншаньскому наречию народ привыкал все больше, и Сяо Хань все больше входил во вкус. Став начальником уезда Яньцзинь, Сяо Хань получил возможность выступать публично в любое время. Однако уже после нескольких таких выступлений он окончательно разочаровался в местных жителях. Сами слова

²⁷ Престижное столичное учебное заведение.

они понимали, но вот их смысла не улавливали. Дабы восполнить этот пробел, Сяо Хань вознамерился действовать через «народную школу». Он планировал выступать перед учениками школы, чтобы те потом несли его мысли в народ. Но на тот момент в самом уездном центре, кроме разбросанных за городом нескольких частных заведений, не было ни одной школы. Лао Ху, управлявший уездом тридцать пять лет, думал лишь о своих столах да стульях, сундуках да ящиках, а про школы он как-то совсем позабыл. Строить школу с нуля оказалось задачей непростой. На это требовались деньги, но откуда их можно было взять в совсем небогатом уезде? Впрочем, даже если бы такие деньги и нашлись, меньше чем за год школу все равно не построишь. Сяо Хань, который ждать не мог, решил действовать, используя подручные средства. В уездном центре имелась католическая церковь, вмещавшая около трехсот прихожан. Ее настоятелем был один итальянец, настоящее имя которого звучало как Хименес Серени-Бенцони. По-китайски его звали Чжань Шаньпу, но жители обращались к нему просто Лао Чжань. Сяо Хань послал своих людей приклеить на двери его церкви объявление, что отныне церковь становится школой. Лао Чжань тотчас побежал в уездную управу к Сяо Ханю:

– Начальник, я вовсе не против вашей «народной школы». Но если вы упраздните церковь, то Всевышний это не одобрит.

Сяо Хань на это выдал:

– Со Всевышним я все вчера обсудил, и он все одобрил.

– Начальник, нельзя так шутить. Если вы так поступите, я пожалуюсь на вас в христианскую миссию Кайфэна.

В те времена католическая церковь в Китае обладала очень мощным влиянием, и начальству приходилось с ней считаться. Лао Чжань решил, что его слова припугнут Сяо Ханя, но тот вдруг хлопнул себя по ляжке и сказал:

– Господин Чжань, я чего хочешь испугаюсь, но только не суда. Давайте же, действуйте, быстрее поедете, быстрее вернетесь, а я вас в управе подожду.

Кто же мог подумать, что его заявление обнажит слабое место Лао Чжаня? Религиозная община Яньцзиня действительно подчинялась христианской миссии Кайфэна, но у Лао Чжаня с тамошним главой не сложились отношения. Глава кайфэнской миссии был шведом, настоящее имя которого звучало как Роджер Густафсон, но местные звали его просто Лао Лэй. Трения между Лао Чжанем и Лао Лэем возникли вовсе не из-за личной неприязни друг к другу, а на почве религии. В жизни можно решить любые конфликты, но когда начинаются споры о символе веры, то тут уж борьба не на жизнь, а на смерть. Из-за расхождений на религиозной почве, широкое распространение католичества вовсе не входило в планы Лао Лэя. У Лао Лэя уже давно зародилась мысль ликвидировать яньцзиньскую общину и объединить ее с другой миссией. Когда Лао Чжань пригрозил Сяо Ханю судом, то брякнул это просто так, он ведь не предполагал, что Сяо Хань его не испугается. Уже на следующее утро над входом в церковь вместо таблички с надписью «Небо помогает Востоку» появилась другая – с надписью «Яньцзиньская новая школа». Только тогда Лао Чжань просек, насколько Сяо Хань опасен. Оказывается, его действия, направленные против церкви, не были сиюминутным импульсом, он давно уже раскусил слабое место Лао Чжаня.

Итак, школа появилась, и теперь Сяо Хань стал зазывать в нее учителей со всего уезда. Отбирая учителей, Сяо Хань ориентировался на два параметра: эрудицию и ораторские способности. Ораторские способности подразумевали не искусство говорить, а искусство уходить от разговора. В итоге отбор прошли десять с лишним наставников, которые все как один оказались молчунами. Такой выбор вовсе не означал, что Сяо Ханю нравились косноязычные люди, просто он не хотел, чтобы они были столь же говорливы, как он сам. Ведь если они будут пересказывать его слова, им понадобится вовремя останавливаться, дабы не уходить в дебри личной интерпретации. Набрал наставников, Сяо Хань принялся искать по всему уезду учеников. И здесь у него также имелись свои критерии. Сяо Ханю не нужны были ребята, которые до

этого вообще не ходили в школу. От поступающих требовался опыт пятилетнего обучения в какой-нибудь из частных школ. Поскольку целью Сяо Ханя все-таки было взрастить ораторов, он не хотел тратить время на преподавание базовых знаний. Ведь его могли понять лишь те, кто уже проучился пять лет. Отбор проходил как среди юношей, так и среди девушек. Основывая свою школу, Сяо Хань думал о преобразованиях в чиновничьей сфере. Предполагалось, что в будущем все отделы уездного ведомства будут возглавлять выпускники «Яньцзиньской новой школы». Поскольку Яньцзинь был уездом небогатым, он не мог взять на себя финансирование школы, и за обучение детей требовалось раскошелиться их родителям. И пусть условия Сяо Ханя были несколько абсурдными, но зачисление в ученики этой школы в будущем сулило чиновничью должность, поэтому многие местные богачи позабывали своих чад из частных школ и перевели их в «Яньцзиньскую новую школу». Поначалу все происходящее не имело никакого отношения к продавцу доуфу Лао Яну из деревни Яньцзячжуан. Ведь в свое время он отдал Ян Байшуня и Ян Байли изучать «Луньюй» в частную школу Лао Вана только потому, что учеба там была дармовой, если не сказать дерьмовой. Но в школе Сяо Ханя за обучение требовалось платить, так что на таких условиях Лао Ян никогда бы не отправил Ян Байшуня и Ян Байли на учебу в уездный центр. В любом случае в его планы совершенно не входило, чтобы сразу двое его сыновей в будущем стали работать в уездной управе. Оставаясь дома готовить доуфу, они продолжали быть его учениками, а сделайся они какими-нибудь управленцами, так отца и вовсе уважать перестанут. Однако за пять первых дней после открытия новой школы Сяо Ханя Лао Ян вдруг изменил свои намерения. Но до этого он дошел не сам, его надоумил извозчик Лао Ма. Когда Лао Ма решил перестроить дома флигель, он пригласил к себе Лао Яна, чтобы тот приготовил для строителей свой доуфу. Когда доуфу был готов, уже наступил вечер. Лао Ма надеялся, что, уморившись за день, Лао Ян отправится отдыхать домой, к тому же между их деревнями было всего пятнадцать ли ходу. Однако Лао Ян, вывалившись из кухни, захотел еще поговорить по душам. А Лао Ма ничто так не пугало в отношениях с Лао Яном, как такие вот разговоры по душам, поскольку ничего общего у него с ним не было. Тем более что каждый такой разговор заканчивался одинаково. С тех пор как они познакомились, Лао Ма успел подкинуть Лао Яну не меньше ста разных идей, а вот от Лао Яна он слышал одну только ересь. Лао Ян был мастак отпускать грубые шутки, а вот на тонкие рассуждения его не хватало. Но больше всего напрягало то, что Лао Ян на людях так преподносил свою дружбу с Лао Ма, что казалось, они оба умные и ни в чем друг другу не уступают. К тому же сегодня Лао Ма утомился и хотел пораньше лечь спать, а перед сном у него имелась привычка немножечко играть на свирели. Эта привычка появилась после того, как он стал извозчиком. Вообще-то, работа извозчика ему совершенно не нравилась. Чего он только не перепробовал, чтобы сменить ремесло: был и укладчиком на стройке, и черепичником, и кузнецом, и каменщиком, но, не найдя занятия по душе, снова вернулся в извозчики. На этом месте он уже работал несколько десятков лет. Вернувшись в извозчики, он увлекся игрой на тростниковой свирели. Пока другие возницы подбирали к своей скотине словесные ключики, Лао Ма выводил мелодии на свирели. Окружающие думали, что Лао Ма таким образом выражает свою радость, а Лао Ма на самом деле просто пытался забыться. Если у других извозчиков скотина слушалась кнута, то у Лао Ма скотина слушалась лишь свирели своего хозяина, и никакой кнут не мог заставить ее двинуться с места. Со временем Лао Ма пристрастился играть на свирели еще и перед сном – точно так же некоторые не засыпают, пока не сделают два глотка водки. Со свирелью выходила похожая ситуация; только если скот она взбадривала, то Лао Ма, наоборот, убаюкивала. Вот так одна и та же свирель служила ему для разных нужд. Обычно Лао Ма не ложился рано, но нахлопотавшись за этот день, он так устал, что мечтал только, как бы поскорее выпроводить Лао Яна, поиграть на свирели и уснуть. Случись Лао Яну задержаться в обычный день, Лао Ма бы запросто ему сказал: «Какие еще могут быть разговоры? Я устал». Но поскольку Лао Ян целый день в поте лица готовил для него доуфу, Лао Ма ничего не оставалось, как сесть с ним

во дворе под софорой и выслушивать его болтовню. Лао Яна несло на своей волне от одного к другому, но Лао Ма все пропускал мимо ушей. Потом непонятно как, но разговор вдруг зашел про новую школу Сяо Ханя. Лао Ян, развивая эту тему, все больше кипятился:

– Что это еще за школа? За нее еще и платить надо? А ежели нет денег, так вешаться прикажете?

Он так распалился, словно перед ним сидел и спорил сам Сяо Хань. Лао Ма по-прежнему оставался безучастным, однако он понимал, что если Лао Яна не заткнуть прямо сейчас, тот будет еще долго лить из пустого в порожнее. А лучшим способом заткнуть его было сказать что-нибудь незаурядное, чтобы тот, не в силах тут же переварить новую информацию, отправился бы переваривать ее домой, оставив Лао Ма в покое. Поэтому Лао Ма взял и рубанул:

– Неверно ты рассуждаешь.

– Это почему? – удивился Лао Ян.

– Мои дети уже выросли, а иначе я бы точно послал их в новую школу. Ведь разве обучение в этой школе в будущем не сулит место в уездной управе?

– Так о том и речь. Я не хочу, чтобы они попали в управу, пусть лучше вместе со мной делают доуфу.

Тогда Лао Ма стал втолковывать Лао Яну:

– Разве я уже не говорил, что крысиная жадность не дает тебе разглядеть что-то дальше собственного носа? А теперь я спрошу тебя: знаешь ли ты бывшего начальника уезда Лао Ху?

– Того самого столяришку? Который еще путал все судебные дела?

– Сейчас речь не про Лао Ху – чиновника, а про Лао Ху – столяра. Уйдя со службы, он занялся изготовлением мебели, сделает вещицу – продаст, и по новой. Казалось бы, один и тот же столик, но у других столяров он уходит за пятьдесят юаней, а у него – за семьдесят. Последний раз за сделанный им большой квадратный стол на восемь персон хозяин зернового склада «Источник изобилия» Лао Ли выложил аж сто двадцать юаней. А все почему?

Лао Ян растерялся:

– Потому что он отменный столяр?

– Может ли самоучка быть отменным столяром? Нет, все потому, что раньше он был начальником уезда. – Сделав паузу, он добавил: – В мире есть тысячи столяров, но среди них лишь один Лао Ху занимал пост начальника уезда. – Помолчав, он снова заговорил: – Сам по себе стол на восемь персон не ахти какое чудо, но в сочетании с именем бывшего начальника уезда этот стол тотчас превращается в уникальную вещь. – Лао Ма снова сделал паузу и заключил: – Так что, купив этот стол, Лао Ли выставляет напоказ не столько предмет мебели, сколько свою связь с начальником уезда. – Наконец он подытожил: – Если кто-то из твоих сыновей попадет на службу в уездную управу, это отнюдь не станет помехой для изготовления доуфу. Разве после возвращения сына к семейному промыслу твой доуфу не будет ждать та же участь, что и стол на восемь персон, который изготовил Лао Ху?

После такой убедительной речи Лао Ян словно прозрел: извозчик Лао Ма был намного дальновиднее, чем он. Вообще-то, Лао Ма говорил все это для отвода глаз, просто чтобы заткнуть Лао Яна, но Лао Ян уже так привык к его полезным советам, что принял все за чистую монету. Поэтому уже не ради учебы детей и не ради их будущего, а ради своего доуфу Лао Ян все-таки определился в пользу «Яньцзиньской новой школы» Сяо Ханя. Но поскольку обучение в ней было платным, Лао Ян решил послать туда только одного из своих сыновей. Так или иначе, будущая работа сына в уездной управе должна была сослужить добрую службу их семейному промыслу. Если бы перед Ян Байшунем и Ян Байли не замаячила радужная чиновничья перспектива, то никто из них не захотел бы ехать в «Яньцзиньскую новую школу», чтобы подвергать себя повторным страданиям, которые они уже испытали в частной школе Лао Вана. Но тут речь шла о чиновничьей службе в уездной управе, хотя такой гарантии никто и не давал. И все же при благоприятном раскладе человек автоматически попадал в круг избранных

мира сего. Но важнее всего было то, что это давало возможность покинуть дом, разом избавившись и от доуфу, и от отца. Лелея эту мечту, Ян Байшунь прежде хотел сбежать к похоронному крикуну Ло Чанли, а Ян Байли – к слепому гадателю Лао Цзя. И хотя эти пути для них теперь оказались перекрыты, перед ними открылся новый путь, суливший службу в уездной управе. В конце концов, служба в управе могла раз и навсегда избавить их и от отца, и от его доуфу. Таким образом, можно сказать, что как Лао Ян, так и его сыновья грезили «Яньцзиньской новой школой» именно из-за доуфу. Поэтому если раньше, обучаясь в частной школе, оба брата лезли из кожи вон, чтобы только досадить учителю, то теперь они вдруг оба загорелись желанием попасть в «Яньцзиньскую новую школу». Но решение о том, кого именно туда послать, должен был принять Лао Ян. И тут впервые в своей жизни оба сына стали наперебой стараться угодить ему. Лао Ян, хоть и готовил доуфу, есть его не любил, ему нравилось что-нибудь из того, на что не приходилось тратиться, к примеру вороньи яйца. Так что теперь Ян Байшунь просыпался ни свет ни заря и отправлялся к реке, где выбирал штук семь вязов, с которых собирал для Лао Яна вороньи яйца. А едва спускались сумерки, к Лао Яну с тазиком горячей воды спешил Ян Байли:

– Папа, ты целый день мотался со своим доуфу, скорее разувайся, попаришь ноги.

В такие минуты продавец доуфу Лао Ян снова восхищался советами Лао Ма, хотя, приняв решение вместо обоих сыновей послать учиться одного, он и сам оказался не промах. Ведь пошли он их обоих, они восприняли бы это как должное, а так они попали в зависимое положение. Но кого же ему стоило выбрать? Продавец доуфу Лао Ян снова озадачился; тогда он опять поспешил за советом к Лао Ма в деревеньку Мацзячжуан. Лао Ма, помнится, ляпнул свой совет просто так, чтобы поскорее избавиться от общества Лао Яна, он и не думал, что тот все примет всерьез и начнет к нему приставать пуще прежнего. Понимая, что сам дал ему такой повод, Лао Ма, делать нечего, был вынужден вести Лао Яна дальше в эти непролазные дебри. Пойди Лао Ма на попятную, ему самому лишь хуже будет, потому как Лао Ян от него уже не отстанет. Поэтому Лао Ма спросил:

– Кто из них умнее, а кто глупее?

Лао Ян, погладив щетину, ответил:

– Если выбирать по уму, то средний умнее. Младший у меня – дуб дубом.

Средним был Ян Байшунь, а младшим – Ян Байли. Тут Лао Яна словно осенило и, хлопнув себя по ляжке, он выпалил:

– Раз средний умнее, так, стало бы, его и послать.

Лао Ма на это покачал головой:

– Посылать надо как раз тупого.

Лао Ян удивился:

– Как так? Разве в учебе не нужен ум?

– Ум в учебе, конечно, нужен, но в твоём случае на роль ученика подойдет все-таки тот, что тупее. Человек – что птица, если с головой у него все в порядке, то, едва у него окрепнут крылья, он сам улетит из гнезда. Если же мозгов у него нет, то его придется выталкивать насильно, а он еще и назад возвратится. – Помолчав, Лао Ма добавил: – К тому же вспомним, для чего ты прочишь его в ученики, а потом в чиновники? Для того, чтобы он вернулся и продавал доуфу. Умного доуфу не удержит, а вот тупой сам к нему прилетит.

Лао Ян прозрел и в который раз подивился мудрости Лао Ма. Но у него родился еще один вопрос:

– Но если я отправлю младшего, то что я отвечу среднему?

– Когда нужно выбрать одного из двух, следует тянуть жребий.

– А вдруг жребий выпадет среднему, а не младшему?

Тут Лао Ма даже плюнул:

– Я смотрю, не младший сын у тебя тупой, а ты сам.

Лао Яна снова осенило. Когда Лао Ян вернулся от Лао Ма, сыновья стали тянуть жребий. Дело было вечером, в чашку положили две бумажки. Лао Ян взял чашку в руки, как следует помотал ее и перевернул на стол вверх дном. Наконец, убрав чашку, он произнес:

– Тяните. Что вытянете, то и получите. И на меня никому жаловаться не придется.

Ян Байшунь и Ян Байли несколько оробели. Оробев, они не решались сделать выбор вперед другого, а потому развели церемонии. Ян Байшунь предложил:

– Давай, братец, тяни первый.

Но Ян Байли запрятал руки в рукава.

– Ты ведь старший, ты и тяни. А если откажешься, то хоть отруби мне руку, все равно не полезу первым.

Пришлось Ян Байшуню тянуть первому. Он взял бумажку и развернул. Там было написано «не едет». Из этого следовало, что на второй бумажке было написано «едет». Ян Байли отвесил Ян Байшуню поклон и сказал:

– Так, значит, старший брат мне уступает.

Таким образом Ян Байшунь остался дома готовить доуфу с Лао Яном, а Ян Байли отправился в уездный центр в «Яньцзиньскую новую школу».

5

В феврале Ян Байшунь стал готовить доуфу вместе со своим отцом Лао Яном, но уже спустя месяц устроил бунт. Он взбунтовался не только из-за того, что терпеть не мог Лао Яна и его доуфу, но еще из-за того, что узнал правду о том, как его младший брат попал в «Янцзиньскую новую школу». Готовить доуфу вместе с Лао Яном остался еще и старший брат Ян Байшуня, Ян Байе. Как-то рано утром братья вышли из дома, чтобы отправиться со своим товаром по разным деревням. Старший, Ян Байе, пошел на восток, а Ян Байшунь отправился на запад. Вообще-то, вместе с Ян Байшунем должен был пойти Лао Ян, по дороге тот хотел, с одной стороны, рассказать о том, как правильно продавать доуфу, а с другой – обучить Ян Байшуня игре на барабане. Ведь, продавая доуфу, Лао Ян не просто беспорядочно колошматил по своему барабану, а выводил определенные ритмы, причем свои для каждого вида доуфу. У них в ассортименте были зрелый доуфу, нежный доуфу, пласты из доуфу, соломка из доуфу, а иногда еще и бобовая гуща – и на каждый товар имелся свой ритм. Так что, услышав барабанный бой, народ сразу понимал, что именно принес им сегодня продавец доуфу Лао Ян. Чтобы хоть мало-мальски освоить его мастерство барабанного боя, следовало потратить не меньше месяца, а то и двух. Однако Ян Байшуню не нравилось бить в барабан, он хотел зазывать покупателей на манер похоронного крикуна Ло Чанли. Лао Ян же терпеть не мог зазывных криков и горой стоял за барабан, и на этой почве они каждый день ссорились. Через полмесяца, выйдя из себя, Лао Ян стал отчитывать сына:

– Ты всего два дня как продаешь доуфу, а уже порядки надумал менять, вот изменник! – Тут же, отложив барабан в сторону, он сказал: – Я ведь не то чтобы против зазывных криков, не в этом дело, но ты попробуй крикнуть хоть пару раз.

Услышав, что отец не против, Ян Байшунь возрадовался. Побоявшись реакции окружающих, он вышел за деревню, встал лицом к полю, вытянул шею и, подражая Ло Чанли, закричал:

– Продается доуфу... Янцзячжуанский доуфу... Зрелый доуфу, нежный доуфу, пласты из доуфу, соломка из доуфу, а также бобовая гуща...

Его выкрики напоминали верещание резаного петуха. Лао Ян даже прыснул со смеху. Ян Байшунь и сам понял, что его выкрики сильно отличаются от траурных выкриков Ло Чанли. Голос Ло Чанли был похож на рев тигра в лесистых горах, в нем звучали строгость, величие и порядок. Но почему же у Ян Байшуня голос звучал так, словно он что-то украл? Сначала он решил, что ему просто не дано зазывать покупателей, но спустя несколько дней он понял, что характер крика зависит от сути происходящего: ведь у одного крикуна имелось лишь несколько цзиней²⁸ доуфу, а у другого – настоящий покойник. Вот если бы, продавая доуфу, можно было зазывать покупателей таким же голосом, как на похоронах, тогда – другое дело. Однако такая мысль не обрадовала Ян Байшуня, лучше было остаться при барабане Лао Яна. Ведь барабанный ритм хотя бы берег глотку.

Итак, Лао Ян в этот день должен был идти продавать доуфу вместе с Ян Байшунем, но накануне, поехав на своем ишаке в деревню Цюцзячжуан за соей, он на обратном пути попал под ливень. Самому Лао Яну от этого ничего не сделалось: встал с утречка как огурчик, а вот ишак его носом захлопал да стал дрожать как осиновый лист. Лао Ян матюгнулся на него пару раз и потащил в поселок к ветеринару Лао Цаю. Этот Лао Цай был не кто иной, как Цай Баолинь – шурин цирюльника Лао Пая. Цай Баолинь подбирал лекарства людям, а заодно осматривал скотину. Так Ян Байшунь, оставшись без провожатого, в одиночестве побрел продавать доуфу на запад от деревни. Он миновал уже несколько деревень, время от времени ударяя в барабан. Ритмы он отбивал нечеткие, можно сказать, беспорядочные, да и душа у него не лежала про-

²⁸ Цзинь – китайская мера веса, равная 0,5 кг.

давать доуфу, поэтому вместо барабанного боя выходило черт-те что. Все вокруг понимали, что мимо проходит продавец доуфу из деревни Янцзячжуан, но никто не мог понять, какой именно товар он сегодня предлагает. В итоге, обойдя к полудню деревень восемь, Ян Байшунь смог продать лишь несколько цзиней зрелого доуфу и несколько цзиней пластов из доуфу. При этом нежный доуфу, соломка из доуфу и бобовая гуща остались в полной неприкосновенности. Ян Байшунь присел у деревеньки Сецзячжуан, перекусил лепешкой и отправился дальше, пока не дошел до деревни Мацзячжуан. Там ему с торговлей тоже не повезло; он протарабанил там полдня, но за все время продал лишь три цзиня бобовой гущи. И тут ему встретился кожевник Лао Люй из деревни Мацзячжуан, который с тазиком клея проходил мимо. Увидав Ян Байшуня, он остановился.

– Эй, парень, что-то ты больно скоро коробейником заделался.

Ян Байшунь, признав Лао Люя, правдиво ответил:

– Сегодня – исключение, отец повел ишака к сельскому ветеринару. – Указывая на тележку с поклажей, он спросил: – Что вы, дедушка, сегодня брать будете?

Но Лао Люй продолжал выяснять свое:

– А ведь у тебя вроде младший брат был? Вы еще вместе ходили в частную школу, чем он сейчас занимается?

– Отправился на учебу в уездный центр.

– Вы же братья, почему он отправился на учебу, а ты остался продавать доуфу?

Ян Байшунь, зелень зеленая, взял и выложил Лао Люю все подробности о том, как они дома тянули жребий. Он никак не ожидал, что Лао Люй, выслушав его, усмехнется, отставит в сторону тазик с клеем и скажет в ответ:

– А ты, парень, оказывается, плохо мозгами шевелишь, раз остался продавать доуфу.

Ян Байшунь понял, что Лао Люй на что-то намекает, и спросил:

– Дедушка, а что вам известно?

Лао Люй огляделся по сторонам и, убедившись, что вокруг ни души, во всех подробностях поведал Ян Байшуню о том, как продавец доуфу Лао Ян обсуждал с извозчиком Лао Ма тонкости жеребьевки. Все это время Ян Байшунь считал, что ему просто не повезло со жребием, по которому ему предписывалось всю свою жизнь готовить доуфу. А тут оказалось, что Лао Ян, Лао Ма и Ян Байли совместно обстряпали дельце, заготовив для жеребьевки бумажки с одинаковой надписью: «не едет». Когда Ян Байли попросил Ян Байшуня тянуть жребий первым, Ян Байшунь, естественно, вытянул «не едет». Оставшуюся бумажку Ян Байли уже не раскрывал, а потому стал тем, кто «едет».

Кожевник Лао Люй рассказал все это Ян Байшуню не потому, что терпеть не мог продавца доуфу Лао Яна, а потому, что у него имелись старые счеты с извозчиком Лао Ма из деревни Мацзячжуан. Лао Люй содержал кожевную лавку, в которой, кроме того, что дубил кожу, еще и предлагал товары из нее. Он изготавливал овчинные тулупы, брюки на овчинной подбивке, меховые сапоги, а еще плетки, седла, узду и другие вещи из коровьей, ослиной и лошадиной шкур. Говоря о старых счетах, следует заметить, что Лао Люй и Лао Ма меж собой никогда не дрались и не ругались, обманывать тоже никто никого не обманывал. Но оказалось, что среди двух с лишним тысяч жителей деревни Мацзячжуан самыми умными были лишь двое: извозчик Лао Ма и кожевник Лао Люй. Однако каждый из этих умников был сам себе на уме, так что они стали соперниками. На людях они величали друг друга братьями, Лао Ма покупал у Лао Люя плетки и узду, а в позапрошлом году даже купил у него овчинный тулуп; Лао Люй, в свою очередь, делал ему скидки. Но за спиной они то и дело вставляли друг другу палки в колеса. Вот и сегодня, встретив Ян Байшуня, Лао Люй взял и воспользовался удобным случаем.

По правде говоря, историю про жеребьевку в семействе Янов разболтал вовсе не Лао Ма. Это сделал сам Лао Ян, когда в прошлый раз приходил в деревню Мацзячжуан продавать

доуфу. Тем самым он хотел подчеркнуть свою дружбу с Лао Ма, показать, что он с ним на короткой ноге. Лао Люй же, пересказывая эту историю, хотел досадить вовсе не Лао Яну, а Лао Ма. Ян Байшунь, узнав правду, испытал настоящий шок, но злился он не на извозчика Лао Ма, а на своего отца, Лао Яна. Он и раньше-то не считал его за порядочного человека, но не думал, что тот окажется настолько гнилым. Ян Байшунь разом опрокинул свою тележку вверх дном, так что весь его товар оказался на земле, превратившись в сплошную бобовую гущу. Лао Люй так испугался, что поспешил удалиться. Ян Байшунь, который ненавидел Лао Яна, теперь возненавидел и своего брата Ян Байли. Как-то раз позапрошлым летом, когда они оба еще изучали «Луньюй» в сельской частной школе Лао Вана, тому понадобилось съездить в уездный центр на ярмарку. Дав ученикам задание, Лао Ван оставил присматривать за ними свою жену Инь Пин. Но едва Лао Ван ступил за порог, Инь Пин последовала его примеру и ушла чесать язык по соседям. Перед уходом она закрыла классную комнату на наружный засов. Однако это ни для кого не стало преградой. Поскольку классная комната была устроена на месте бывшего коровника, в его задней стене имелось несколько проемов, откуда раньше вычищали навоз. Так что ученики все как один повылазили наружу и побежали купаться на речку. Пока все плескались около берега, Ян Байли решил выпендриться и, размахивая руками, отправился вброд на середину реки. Вдруг послышался всплеск, и он, провалившись в яму, ушел с головой под воду. Остальные мальчишки, испугавшись, стали выбираться на берег и убегать. Лишь Ян Байшунь, который и плавать-то нормально не умел, бросился в воду спасать родного брата. Вытаскивая Ян Байли из речки, он и сам чуть не утонул. И вот сейчас тот отплатил ему черной неблагодарностью, устроив за его спиной такие козни. Наконец, Ян Байшунь возненавидел и извозчика Лао Ма из деревни Мацзячжуан. Ведь сам Ян Байшунь никогда с ним не враждовал, почему же тот сговорился с Лао Яном против него? Но ненавистнее всего была мысль о том, что все уже было «обстряпано» и ничего нельзя повернуть вспять. Полдня злой Ян Байшунь просидел на улице в деревне Мацзячжуан, а когда стемнело, взял пустую тележку и пошел обратно в свою деревню Янцзячжуан. Едва он зашел во двор дома, как тут же наткнулся на Лао Яна. Тот только что вернулся из поселка от ветеринара и теперь выколачивал из одежды пыль. Увидав сына с пустой тележкой, он радостно воскликнул:

– Научился выдавать ритмы? Продал все подчистую?

Когда они продавали доуфу с Лао Яном, сбыть товар целиком им не удавалось даже под непрерывные барабанные ритмы. Иногда удавалось продать половину, иногда больше половины, но все равно у них хоть понемногу, но оставалось каждого вида доуфу. И дело тут было даже не в продавцах, а в покупателях, так что объем продаж за день всегда оставался загадкой. В это время со своей тележкой прикатил и старший из братьев, Ян Байе. Целый день он продавал доуфу, уходя к востоку от деревни, но в его тележке осталось еще целых пять узелков с товаром. Не обращая внимания на слова Лао Яна, Ян Байшунь со всей дури двинул свою тележку в глинобитную ограду, так что с той посыпалась земля, после чего направился в свою комнату и с грохотом захлопнул за собой дверь. Когда его звали на ужин, он не пришел, и когда ранним утром его стали звать молоть соевые бобы, он тоже не откликнулся. Лао Ян понял, что что-то стряслось. Позавтракав, Лао Ян в одиночестве отправился со своей поклажей на запад и по пути выспрашивал, как вчера продавал доуфу его сын. И только дойдя до деревни Мацзячжуан, он понял, что история с жеребьевкой вылезла наружу. Но ведь все это он разболтал сам, так что вины извозчика Лао Ма тут не было. Вина лишь кожевник Лао Люй, который из-за личной неприязни к Лао Ма сдал Лао Яна с потрохами. Целый день прохаживая по деревням со своим товаром, Лао Ян наконец вернулся в деревню Янцзячжуан. Зайдя во двор, он отставил тележку и направился в комнату к Ян Байшуню. Тот все еще лежал на своей кровати, рядом с ним наготове стояла длинная скалка. Увидав Лао Яна, Ян Байшунь резко сел, схватил скалку и волком уставился на Лао Яна. Тогда-то Лао Ян и сообразил, что на сей раз дело приняло серьезный оборот. Обычно, когда разгоралась ссора, без разницы по чьей вине,

все заканчивалось тем, что Лао Ян привязывал Ян Байшуня к финиковому дереву, отделял его по полной программе, после чего инцидент считался исчерпанным. Сначала Лао Ян решил действовать по уже отработанной схеме и снова как следует отделать сына, тем самым все уладив. Но заметив настрой Ян Байшуна, он понял, что тот в долгу не останется, поэтому Лао Ян струсил. Но струсил он вовсе не потому, что боялся не справиться с Ян Байшуном, а потому, что все это грозило вылезти наружу, выставив его посмешищем в глазах людей. Досадуя на свой неумный язык, который разболтал историю о жеребьевке, Лао Ян не стал наказывать Ян Байшуна. Вместо этого, расплывшись в улыбке, он завел с ним разговор о младшем сыне Ян Байли.

– Ведь зачем я его отдал в «новую школу»? Чтобы, отучившись там, он вернулся домой делать доуфу. – Помолчав, он добавил: – А ты не переживай. Не поехал учиться, зато эти два года, пока ты будешь делать доуфу, не пройдут для тебя даром. С завтрашнего дня начнешь получать по десять процентов от своей выручки. Поднакопишь денег, а там года через два женишься. – Лао Ян понизил голос: – Младший об этом ничего не узнает. – Тут его голос опустился до шепота: – Я даже старшему ничего не скажу, потому как он трудится за просто так.

Продавец доуфу Лао Ян был уверен, что план его сработает, однако Ян Байшунь, зарывшись с головой под одеяло, отвернулся от отца и не обращал на него никакого внимания. Так он провалялся в кровати еще один день, лишь вечером встал поужинать, после чего снова завалялся спать. На следующее утро, когда настала пора идти молотить бобы, он встал, но вовсе не для того, чтобы молотить бобы. Сделав вид, что пошел в туалет, он перелез через заднюю стену двора и сбежал из дома. Наконец-то у Ян Байшуна появились и возможность, и причина покинуть Лао Яна вместе с его доуфу. Поэтому едва ему представился случай, Ян Байшунь готов был бежать хоть куда, причем без всякого сожаления. Покинув родную деревню, он неизбежно столкнулся с трудностями. Ведь двое суток напролет он только и делал, что злился, у него была одна мысль – уйти, но вот куда именно, он придумать не успел. Поэтому сейчас, когда он в сердцах ушел из дома, никак не мог определиться, куда же в этой огромной Поднебесной ему направить свои стопы. Раньше он мечтал вместе с Ло Чанли распорядиться на похоронах, но этому никто не учил. Потом он решил наняться к богачу Лао Фаню работать в поле, ведь все-таки он ходил в его частную школу, да и к тому же этот Лао Фань хорошо относился к своим работникам. Но Ян Байшуня страшила работа в поле, где день-деньской ему бы пришлось под палящим солнцем заниматься бесконечной жатвой. Поэтому он стал мечтать о каком-нибудь ремесле. Ведь собственное ремесло спасало от любых невзгод. Однако кроме производства доуфу Ян Байшунь ничего другого не умел, как и других ремесел не знал. Миновав пять ли пути, он так и не определился, в какую же сторону ему следует податься. И тут он неожиданно вспомнил про своего младшего дядю по материнской линии, Лао Иня, который торговал солью. Лао Инь обзавелся участком с солончаковой почвой и взял к себе в помощь нескольких учеников. Ежедневно собирая и обрабатывая сырье со своего участка, Лао Инь развозил его на тележке по окрестным деревням. В отличие от продавца доуфу Лао Яна, Лао Инь зазывал своих покупателей звонким голосом. Появляясь в какой-нибудь деревне, Лао Инь начинал кричать: «Соль и сода – что надо, Лао Инь из Иньцзячжуана!» И хотя производство соли и соды также требовало находиться под солнцем, но по сравнению с той же жатвой все-таки считалось ремеслом. А главное, у продавцов этого товара имелся свой зазывной крик, и пусть этому крику было далеко до похоронных выкриков Ло Чанли, однако и у него имелась своя изюминка. Лао Ян всегда призывал своих покупателей с помощью барабана, он тарабанил уже более двадцати лет, поэтому что-то менять здесь было уже сложно. А Лао Инь с самого начала зазывал покупателей выкриками. Занимаясь этим уже больше двадцати лет, он под стать своим выкрикам сделался солидным и обстоятельным. И хотя его выкрики не шли ни в какое сравнение с похоронными, определенный шарм в них был. Во время родственных визитов Ян Байшуню уже приходилось

видеть младшего дядю Лао Иня, поэтому он и вознамерился пойти к нему под крышу в деревню Иньцзячжуан. Третий дядя Лао Инь был плешивым, а едва у человека появляется плешь, у него тут же начинает портиться характер. Ян Байшунь собственными глазами видел, как однажды, когда один работник по неосторожности запустил соляную воду в резервуар с содовой, Лао Инь тут же схватил совковую лопату и, недолго думая, набросился с ней на беднягу, оставляя на его голове ссадины, и тот, не смея вытереть кровь, бросился исправлять свой промах. Поэтому в душе Ян Байшунь несколько трусил. Но поскольку ничего другого он придумать не мог, для начала решил отправиться к Лао Иню. От деревни Янцзячжуан до деревни Иньцзячжуан было семьдесят ли, поэтому Ян Байшунь широким шагом пошел в выбранном направлении. От деревни Янцзячжуан он добрался до деревни Лицзячжуан, от деревни Лицзячжуан он добрался до села Фэнбаньцао, от села Фэнбаньцао он добрался до села Чжанбаньцао, пока, наконец, не наступил вечер. Ян Байшунь проделал путь в пятьдесят ли, а потому несколько утомился и проголодался, поэтому в селе Чжанбаньцао он решил передохнуть, а заодно и попросить у кого-нибудь поесть. Дойдя до центра села, он заметил под раскидистой софорой на берегу пруда толпу местных жителей, которые собрались побрить свои головы. Сквозь народ был виден поднимающийся от таза цирюльника пар. И вдруг, увидав самого цирюльника, коим оказался Лао Пай из деревеньки Пайцзячжуан, Ян Байшунь живо придумал отличный план. Ян Байшунь хлопнул себя по башке: он перебрал столько ремесел и при этом начисто забыл про цирюльника Лао Пая. Все те, про кого он вспоминал, его не вдохновляли, зато теперь перед ним нарисовался совершенно неожиданный вариант. Вот уж точно: что искалось с большим трудом, вдруг нашлось само. Тогда Ян Байшунь решил открыто попросить Лао Пая, чтобы тот взял его в ученики. И хотя мастерство цирюльника не приравнивалось к серьезным ремеслам, волосы у людей растут каждый день, а значит, о доходах можно было не беспокоиться. К тому же, по сравнению с добытчиками соли и соды, которые день-деньской трудились на самом пекле, цирюльники вместе со своими клиентами могли укрыться в прохладной тени. Более того, Лао Пай был с ним уже знаком после того, как подобрал его в деревне Янцзячжуан и отвел в поселок в харчевню Лао Суня. Можно сказать, Ян Байшунь уже проверил его в беде. Теперь он уже настолько успокоился, что даже забыл про еду. Однако пока Лао Пай, облепленный клиентами, работал, Ян Байшунь все равно не мог взять и подойти к нему со своей просьбой, поэтому он сбросил обувь и уселся поодаль. Он ждал, пока жители села Чжанбаньцао один за другим отходили от цирюльника с обновленными прическами. Людей становилось все меньше, наконец на скамеечке остался один клиент со шрамами на веках, пожелавший сбрить ресницы²⁹. Окончив процедуру, Лао Пай стал собирать свои принадлежности. И только когда он уже завернул в свое полотенце бритву, ножницы, механическую машинку для стрижки, гребешки, щеточки, оселок и прочий инвентарь, Ян Байшунь приблизился к нему и громко поприветствовал:

– Дядюшка!

Лао Пай, утомившись за долгой работой, убирал свои инструменты, прикрыв глаза, а тут он встрепенулся и спросил:

– Тебя еще не побрил?

– Дядюшка, не узнаете меня? – спросил в ответ Ян Байшунь.

Лао Пай посмотрел на Ян Байшуня, но так и не признал его.

– Вы как-то спасли мне жизнь, – напомнил Ян Байшунь. – Два года назад.

Следом он стал рассказывать про тот самый вечер, про гумно в деревне Янцзячжуан, про харчевню и даже про две большие миски лапши с бараниной. Тогда Лао Пай все вспомнил. И хотя Ян Байшунь говорил, что Лао Пай спас ему жизнь, тот в душе понимал, что на самом деле

²⁹ В старом Китае существовал обычай сбривать ресницы.

это Ян Байшунь его спас, удержав в тот день от убийства. Убей Лао Пай в тот вечер человека, разве мог бы он сейчас заниматься своим ремеслом? Поэтому Лао Пай тут же горячо отозвался:

– Как ты здесь очутился? У тебя здесь родственники?

Ян Байшунь замотал головой. Он стал подробно пересказывать все свои перипетии после их расставания в харчевне Лао Суня: как была распущена частная школа Лао Вана, как в уездном центре открыли «Яньцинскую новую школу» и как его отец Лао Ян, извозчик Лао Ма и младший брат Ян Байли вступили против него в тайный сговор; как он потом все это обнаружил и решил покинуть отчий дом. Когда Ян Байшунь закончил, Лао Пай уже понял, к чему он клонит, и невольно принялся вздыхать. Ян Байшунь, всхлипывая, сказал:

– Дядюшка, мне все равно некуда податься, возьмите меня к себе в ученики.

Лао Пай так и замер:

– Неожиданно все это.

С этими словами он раскурил свою трубку и углубился в размышления. Прошло достаточно много времени, прежде чем он дал свой ответ.

– На сей раз я тебе не помощник.

Ян Байшунь растерялся, а тот продолжал:

– Не то чтобы я не хотел тебе помочь. Мне-то как раз нужен подмастерье, да только я сам себе не хозяин.

Ян Байшунь знал, что Лао Пай боится своей жены, поэтому такое серьезное решение тот не мог принять без ее ведома. Только было Ян Байшунь хотел открыть рот, как Лао Пай, предваряя его вопрос, пояснил:

– Жена тоже заставляла меня взять подмастерье, да только мой подмастерье, проработав полгода, в прошлом месяце сбежал.

– Дядюшка, но раз я сам к вам прошусь, то уж точно не сбегу.

Лао Пай огляделся по сторонам.

– Того ученика я взял не просто с улицы – это был племянник моей жены.

Ян Байшунь понимающе отозвался:

– Сбежал, так это его проблемы, вы здесь ни при чем.

Лао Пай загадочно улыбнулся.

– Как это ни при чем? Очень даже при чем. Я знал, что задумала моя жена. Она боится, что, занимаясь своим ремеслом на стороне, я навещаю свою старшую сестру, а кроме того, она боится, что я откладываю заначку на случай побега. Мало того, что я дома нахожусь под ее давлением, не мог же я допустить, чтобы за мной следили еще и за порогом. Поэтому я решил оплатить ей той же монетой. Ее племянника я не бил и не ругал, я всего лишь не обучал его тонкостям ремесла. Поэтому едва он приступал к работе, то тут же ранил клиента, а кто такое будет терпеть? Как-то раз в деревне Гэцзячжуан он до крови изрезал корзинщика Лао Гао. Тот вскочил со своего места и залепил ему хорошую оплеуху. Такие случаи повторялись каждый день, поэтому естественно, что племянник сбежал.

Ян Байшунь еще больше проникся пониманием, а Лао Пай продолжал:

– Боюсь, что если сейчас, не выдержав паузы, я тут же возьму в ученики другого, то выдам себя с головой.

Выслушав исповедь Лао Пая, Ян Байшунь уже не смел озадачивать его дальше.

– Дядюшка, раз такое дело, я сначала пойду в деревню Иньцзячжуан и попрошусь к своему дяде, который занимается солью. Я лишь побаиваюсь его странного нрава, чуть что – бросается на людей с лопатой.

– Ты уж потерпи немного, как только тут все уляжется, мы с тобой еще потолкуем.

Когда они закончили разговор, солнце уже скрылось за верхушками гор. Лао Пай собрался назад в деревню Пайцзячжуан, а Ян Байшунь решил продолжить свой путь в деревню Иньцзячжуан. Ян Байшунь взял коромысло Лао Пая, и они вместе вышли из села Чжанбаньц-

зао. По дороге они говорили о том о сем, пока не дошли до развилки, у которой им надлежало расстаться. Ян Байшунь водрузил на плечо Лао Паю его коромысло. Тот, пройдя со своей ношей пару шагов, вдруг обернулся:

– Скажи-ка, а ты умеешь управляться с ножом?

Ян Байшунь остановился и испуганно спросил:

– Нужно, чтобы я кого-то убил?

Лао Пай засмеялся:

– Ну, не кого-то, а свинью.

Ян Байшунь так и замер.

– Я этого никогда не делал.

Лао Пай снова подошел к нему и поставил коромысло на землю.

– Было бы здорово, если бы ты смог забивать скотину.

– Почему?

– В деревне Цзэнцзячжуан живет мой хороший друг Лао Цзэн. В прошлый раз он мне жаловался, что уже стар и хочет взять к себе ученика, но не может найти подходящего человека. – Сделав паузу, он продолжил: – Жена у него умерла, так что он сам себе хозяин. – И тут же за метил: – Хотя каждый день он кого-нибудь да забивает, характер у него от этого не испортился.

Ян Байшунь до этого никогда не забивал свиней, но, оказавшись в безвыходной ситуации и к тому же услышав про добрый нрав Лао Цзэна, радостно воскликнул:

– Дядюшка, я согласен!

Лао Пай тоже обрадовался:

– Ну, вот и порешили, тогда пойдем прямо сейчас в деревню Цзэнцзячжуан.

Ян Байшунь снова взял коромысло со скарбом Лао Пая, и они вместе отправились в деревню Цзэнцзячжуан.

А уже на следующий день Ян Байшунь стал учиться забивать свиней у забойщика Лао Цзэна. Но пока он находился у него в учениках, он не оставлял мысли, что в один прекрасный день сменит хозяина и пойдет учиться к Лао Паю мастерству цирюльника. Ведь Лао Цзэн был для него совсем чужим человеком, в то время как Лао Пай – испытанным в беде другом. Потом он несколько раз встречался с Лао Паем, но тот ни разу не поднимал с ним той темы. А спустя полгода, уже сблизившись с Лао Цзэном, Ян Байшунь как-то за откровенной беседой поделился с ним своими планами. Ян Байшунь думал, что Лао Цзэн на него осердится, но тот только улыбнулся:

– Какой же ты еще зеленый! Именно потому, что Лао Пай стал твоим другом, он никогда не возьмет тебя в подмастерья.

– Почему? – спросил Ян Байшунь.

– Ну а как хорошие друзья могут находиться в отношениях мастера и подмастерья?

Тут-то Ян Байшунь и прозрел. Он даже стал подозревать, что история, рассказанная Лао Паем в селе Чжанбаньцзао про племянника жены, была выдумана им как предлог, чтобы не брать его в ученики. Так что мнение о Лао Пае у Ян Байшуна разом поменялось.

6

Брат Ян Байшуня, Ян Байли, проучившись в «Яньцзиньской новой школе» с полгода, учебу прекратил. Но учебу он прекратил не из-за какого-то промаха. Плохое поведение и разгильдяйство, которые он демонстрировал в частной школе Лао Вана, когда изучал «Луньюй», были тут ни при чем. Он действительно не был усидчивым, однако в новой школе Сяо Ханя к неусидчивым относились спокойно. Здесь было достаточно, чтобы ученики внимательно слушали речи Сяо Ханя, за невнимательность же на уроках других учителей никого не ругали. Поэтому учебу Ян Байли прекратил не из-за собственных промахов, а из-за промахов начальника уезда Сяо Ханя. А у того эти самые промахи возникли вовсе не из-за «Яньцзиньской новой школы», а из-за того, что он своей болтовней разозлил губернатора провинции Хэнань, Лао Фэя, который заехал в уезд Яньцзинь во время осенней инспекции районов севернее реки Хуанхэ. Сопровождая Лао Фэя в течение целого дня, Сяо Хань ни на минуту не закрывал свой рот. Лао Фэй был родом из провинции Фуцзянь, отец его был немым. По этой самой причине в семье Лао Фэя говорили очень мало, со временем это настолько вошло в привычку, что Лао Фэй и сам вырос немногословным. Он считал, что для ежедневного общения вполне достаточно десяти самых необходимых фраз. Однако, приехав в уезд Яньцзинь, Лао Фэй за целый день вообще не произнес ни единого слова, зато Сяо Хань за это время наговорил три тыщи с лишним фраз. Ну а поскольку Сяо Хань говорил много, Лао Фэй узнал, сколько всего хорошего тот успел сделать: и открыть «Яньцзиньскую новую школу», которая действовала уже полгода, и прочитать там шестьдесят две лекции, то есть примерно по одной лекции каждые три дня. Сяо Хань был настолько опьянен собственными успехами, что вывалил перед Лао Фэем все свои достижения на новом месте. Уезд Яньцзинь подчинялся округу Синьсян, поэтому Лао Фэя в его инспекционной поездке сопровождал начальник Синьсяна Лао Гэн. Пока они находились в Яньцзине, Лао Фэй молчал, но, приехав на следующий день в Синьсян, за обедом они заговорили о поездке. Из восьми уездов, которые на тот момент подчинялись Синьсяну, Лао Фэй успел объехать пять. Насчет четырех он ничего не сказал, но когда разговор зашел о Яньцзине, Лао Фэй нахмурился:

– Кто назначил начальником этого Сяо Ханя?

Руководить уездом Сяо Ханя назначил как раз начальник Синьсянской управы Лао Гэн. Дело в том, что когда-то отец Сяо Ханя и Лао Гэн вместе учились в Японии в Нагойском техническом колледже управления и коммерции. Но почуввав в интонации Лао Фэя негативные нотки, Лао Гэн ответил:

– Прошел в результате отбора, только обычного отбора...

Тогда Лао Фэй продолжил:

– Лао Гэн, я не возьму в толк, как он со своим бахвальским красноречием смог подойти на роль начальника уезда? Управлять державою не сложнее, чем жарить рыбешку. Похвально, когда человек пятьдесят лет следует какому-нибудь одному слову, а этот за полгода успел прочитать шестьдесят две лекции. О чем он там вещает?

Лао Гэна даже пот от страха прошиб, он поспешил сгладить ситуацию:

– Да ни о чем, ни о чем не вещает.

– Предположим, что так. Но тогда во что превратятся его воспитанники? Если в его словах ничего нет, а говорит он лишь потому, что любит поговорить, то это доконает кого угодно. – Сделав паузу, он добавил: – Любовь к пустословию собьет учеников с должного пути. А если он уподобит их себе, то берегись. Может, он хочет, чтобы все в уезде стали такими же красноречивыми? Но если наши сородичи начнут без конца повторять заученное, то в Поднебесной наступит хаос.

Лао Гэн поспешил его успокоить:

– Я ему все передам, все передам.

Но Лао Фэй строго сказал:

– Легче сдвинуть с места горы и реки, чем изменить характер человека. Ведь ему уже скоро тридцать, не ребенок, послушается ли он? Мне кажется, ничего не получится. Хотя, может, у тебя имеются какие-то свои методы воздействия?

Тогда Лао Гэн вытер со лба испарину и ответил:

– Нет-нет, и мне с ним не справиться.

Так что уже на следующий день после того, как Лао Фэй уехал в Чжэнчжоу, Лао Гэн взял и снял Сяо Ханя с поста. На самом деле Лао Гэн отнюдь не подлаживался под губернатора провинции Лао Фэя. Само собой разумеется, что количество произносимых человеком слов никак не влияет на его умение быть хорошим начальником уезда. Более того, неустанная просветительская работа Сяо Ханя, его призывы ко всеобщему образованию и вовсе выделяли его как совершенномудрого. Пусть он бесконечно молол языком, зато не обнаруживал такой же свободы в действиях. В худшем случае его красноречие можно было расценивать лишь как человеческую слабость сродни той, что была присуща его предшественнику Лао Ху, который любил столярничать. Ведь Сяо Хань только болтал, но ничего не делал, а потому особо навредить не мог. Но, заметив серьезный настрой губернатора Лао Фэя, Лао Гэн испугался, что тот потом доберется до него самого, поэтому решительно и непоколебимо уволил Сяо Ханя. Сяо Хань, который прибыл в уезд Яньцзинь полный великих устремлений, никак не ожидал, что своим языком поставит крест на собственной карьере и спустя полгода ему придется поспешно ретироваться. Получив известие, он молниеносно ринулся в Синьсян, нашел там Лао Гэна и стал упрямо отстаивать перед ним свою правоту:

– Дядя, на каком основании меня сняли с поста начальника уезда? В чем моя ошибка? Вы можете привести какие-нибудь доводы?

Тут же он начал приводить Лао Гэну свои доводы. Начал он с перечисления сильных сторон европейцев, потом перешел на американцев, потом стал приводить в пример реставрацию Мэйдзи³⁰ в Японии, рассказал о пользе западных наук. Пока Сяо Хань не приставал к Лао Гэну со своими доводами, тот ему сочувствовал, но едва тот принялся перед ним выставляться, Лао Гэн утвердился в правильности своего решения уволить Сяо Ханя. Наконец Лао Гэн пресек его бесконечную болтовню:

– Дорогой мой племянник, ты все говоришь верно, и доводы твои верные, ошибка лишь в том, что ты родился не в том месте и не в то время.

Сяо Хань на какой-то момент потерял дар речи.

– Так мне стоило родиться в Европе, Америке или в Японии?

– Может, и не стоило рождаться именно там, но в Китае тебе бы следовало родиться в эпоху совершенномудрых, чтобы твои таланты оценили по достоинству.

– Выступая в школе со своими лекциями, я делал это не просто ради преподавания, а ради спасения нашего государства и нашей нации... – продолжил упорствовать Сяо Хань.

Лао Гэн нахмурился и снова попытался его урезонить:

– Так речь не о том, чтобы забросить тебя в период Сражающихся царств³¹ простым учителем, а о том, чтобы ты как раз спасал государство и нацию. Спросишь, каким образом? Родившись в период Сражающихся царств, ты со своими дарованиями наверняка бы стал странствующим проповедником. И все исключительно благодаря твоему красноречию. Но только тогда тебе бы не пришлось растрачиваться на тупых учеников, тебя бы слушали почтенные правители. Что толку выступать перед детьми? Чтобы была какая-то польза, следует иметь подходя-

³⁰ Эпоха Мэйдзи (1868–1889) – комплекс политических, экономических, социальных и военных реформ, начало политики модернизации Японии.

³¹ Период китайской истории от V в. до н. э. до объединения Китая Цинь Шихуаном в 221 г. до н. э.

щую аудиторию, разве не так? Если бы твои речи понравились правителям, у тебя бы оказалась печать канцлера одного из Шести царств³² и ты бы непременно осчастливил своего дядю. А если бы не понравились, так быстро бы лишился своей башки. Дорогой племянник, я лишь хочу знать, смог бы ты, окажись во дворце да в тех условиях, быть таким же хорошим оратором?

Так Сяо Ханя еще никто не урезонивал, поэтому он окончательно потерял дар речи.

Когда Сяо Хань покинул уездный центр Яньцзиня и возвратился в Таншань, «Яньцзиньская новая школа» закончила свое существование, а ее ученики, как и в случае с частной школой Лао Вана, разбежались кто куда. Мечты Ян Байли и его однокурсников о том, что после окончания этой школы они получают место в уездной управе, потерпели крах, как и мечты Лао Яна о том, что его сын после работы в управе вернется к изготовлению доуфу. Когда школу распустили, Ян Байли сначала собрался было вернуться домой к отцу делать доуфу, но передумал. А передумал он не только потому, что, как и Ян Байшунь, терпеть не мог ни своего отца, ни его доуфу, но еще и потому, что за полгода он крепко сдружился с одним товарищем, которого звали Ню Госин. Ню Госина считали за главаря, поскольку его отец был директором Яньцзиньского чугуноплавильного комбината. Вообще-то Ян Байли и Ню Госин не были одноклассниками, но поскольку они оба мало интересовались западной наукой и учебой, предпочитая убегать с занятий, чтобы половить цикад, пострелять птиц да побродить с шайками, то, оказавшись близкими по духу, постепенно сошлись. Кроме ловли цикад и стрельбы в птиц из рогаток, им, как никаким другим пацанам, удавался тандем «заливальщиков». Выражение «заливать», которое встречается именно в яньцзиньском наречии, означает забаву, когда один человек поднимает любую тему, неважно, правдоподобную или нет, а другой ее подхватывает, после чего они передают друг другу словесную эстафету, пока не исчерпают всю историю. Если язык у рассказчиков подвешен хорошо, то исход истории будет до самого конца оставаться загадкой. Отличие «заливалок» от тех же лекций Сяо Ханя было в том, что последние по своей сути представляли просто бессодержательный словесный понос без надежды на спасение нации и государства. Сочинение небылиц с упоминанием конкретных лиц и событий зачастую превращалось в интереснейшую историю. Кроме лекций Сяо Ханя, никаких других занятий Ян Байли и Ню Госин не посещали. Пока учитель отворачивался к доске, они втихаря выбегали из класса, а там уже или ловили цикад, или подстреливали птиц, или «заливали». Учителя, которых подобрал Сяо Хань, все как один были молчаливы и не обращали внимания на шалопаев. Ян Байли сначала умел лишь ловить цикад да подстреливать птиц, «заливалки» были ему не по зубам. Однако через три месяца общения с Ню Госином он постепенно освоил и эту забаву. К примеру, Ню Госин начинал: «Повар Лао Вэй из харчевни "Обильный стол" раньше был таким весельчаком, а последний месяц все что-то грустит да вздыхает. С чего вдруг?» Ян Байли, который сначала ничего не смыслил в «заливалках», отзывался в обычной манере: «Наверное, Лао Вэй задолжал кому-нибудь или поссорился с женой?» Ню Госин тотчас начинал кипятиться, ведь до такого ответа додумался бы всякий, а это никак не вписывалось в правила «заливалок». Вслед за этим Ню Госин начинал уже сам разыгрывать диалог, показывая на примере, как следовало отвечать: «Помнится, месяц назад к нам в город приезжала театральная труппа из провинции Хэбэй. Там играла одна актриса, в которую Лао Вэй влюбился. Эта труппа пробыла в Яньцзине полмесяца, и Лао Вэй не пропустил ни одной постановки. В общем, околдовала она его. Когда эта труппа направилась на гастроль в уезд Фэнцю, Лао Вэй направился следом. И все ради чего? Ради любовной интрижки. Потом как-то ночью Лао Вэй перелез через заднюю стену театрального дворика и пробрался за кулисы. Увидав, что перед одной из кроватей висит костюм его ненаглядной, он решил, что она спит там же. Тогда он аккуратненько примостился рядом, снял штаны и вытащил свое хозяйство, приготовившись

³² III в. до н. э., противники Циньского царства.

к действию. Но кто бы мог подумать, что вместо актрисы там окажется охранник реквизита, в прошлом игравший военных персонажей! Он пустил в ход отработанный приемчик и одним махом сломал Лао Вэю руку. А Лао Вэй только спрятал руку в рукав, не смея и пикнуть. Вот почему все эти дни Лао Вэй работает исключительно правой рукой». Три месяца назад такие «заливалки» показались бы Ян Байли высшим пилотажем. Однако теперь он и сам поднаторел в этом деле. Пробуя свои силы, он принялся фантазировать: «Если вести речь про чары да колдовство, мне известна другая версия. Я слышал, что у Лао Вэя с детства имелась дурная привычка ночью бродить по кладбищу. Тридцать с лишним лет он совершал такие прогулки, и ничего, а в прошлом месяце он пошел на кладбище, и перед ним появился седовласый старец с бородой. Лао Вэй и раньше ходил на это кладбище, но никогда там никого не встречал, а тут вдруг откуда ни возьмись этот старец, подошел к нему и шепнул на ухо пару фраз. Лао Вэй кивнул в знак согласия. А начиная со следующего дня он загрустил. Бывало, тушит овощи, а сам горько плачет, да так, что слезы капаят прямо в котел. На вопросы о том, что именно сказал ему тот старец, Лао Вэй не отвечает». Когда Ян Байли закончил рассказ, Ню Госин радостно хлопнул его по плечу: «"Заливалка" что надо!» И тут же подхватил: «Так вот оно что. А ведь хозяин харчевни Лао У приходится близким другом моему отцу. Он как-то жаловался, что его повар день-деньской все плачет да плачет. "К добру ли это?" – думал он. Сначала даже хотел прогнать его, но тут дела в харчевне заметно пошли в гору. Народ валил туда не столько покушать, сколько подивиться на слезы Лао Вэя. Так и вышло, что тут уже Лао Вэй околдовал клиентов...» Где в этой истории правда, где вымысел, было уже не разобрать, но главное, что она вышла намного интереснее, чем то, что там произошло на самом деле. Получив свой кайф от «заливалок», Ню Госин мог вдруг сказать: «Пойду-ка я помочусь, что ли». А Ян Байли, даже если ему не хотелось, отвечал: «И я с тобой».

Итак, когда школу распустили, Ян Байли не захотел возвращаться в родную деревню к отцу, чтобы делать там доуфу. И Ню Госин тоже не представлял, как расстанется с Ян Байли, ведь найти хорошего партнера по «заливалкам» непросто. Да и вообще к ним хорошо подходило определение «задушевные друзья». Тогда Ню Госин пристал к своему отцу Лао Ню, чтобы тот принял Ян Байли подмастерьем на свой чугуноплавильный комбинат. Лао Ню, не в силах отвязаться от сына, согласился. Несмотря на громкое название, на чугуноплавильном комбинате Лао Ню было всего немногим больше десяти кузнецов, которые изготавливали косы, кухонные ножи, лопаты, серпы, мотыги, лемеха, сеялки, зубья для бороны, крепления для телег, печки для харчевен, ворота для магазинов, пищали для охоты на зайцев... В общем, производили здесь практически все то же самое, что и в сельской кузнице Лао Ли, но из-за большей площади и большего количества работников мастерская Лао Ню называлась комбинатом. Ян Байли за полгода своего пребывания на чугуноплавильном комбинате не выучился делать даже кухонной лопатки. Его настрой, как и во времена учебы у Лао Вана, а потом у Сяо Ханя, оставался далеким от дел насущных: целыми днями он только и думал о том, как бы половить сверчков, пострелять птиц да «позаливать». Но интерес к сверчкам и птицам у него постепенно угас, и он целиком отдался «заливалкам». В этом его интересы совершенно совпадали с интересами Ню Госина. Заметив, что Ян Байли совершенно не приспособлен для кузнечных дел, мастер назначил его разжигать печь. Но и с этим заданием Ян Байли справлялся абы как. Он не мог довести до ума даже уже изготовленную мастером косу. Мастер-хунанец, глядя на результат, только вздыхал да с хунаньским акцентом приговаривал: «Что такое неверный режим прокаливания? Вот вам и пожалуйте».

За полгода работы на комбинате Ян Байли достал уже всех. Лао Ню, убедившись, что работник из того действительно никудышный, решил от него избавиться. Лао Ню было не жаль расстаться с ним, а Ню Госину – жаль, и в знак протеста он даже разбил дома напольные часы.

– Мне все равно, что он бездарь, я только боюсь, что со временем он и тебя испортит, – убеждал его отец.

– Если уж на то пошло, то я первый его испортил. Хочешь прогнать его – пожалуйста, но куда пойдет он, туда и я.

Лао Ню тяжело вздохнул, но делать было нечего, пришлось ему перевести Ян Байли из цеха и оформить на проходную охранником. Такой расклад более чем устраивал Ян Байли, ведь теперь у него появилось больше времени на «заливалки». Если к нему приходил Ню Госин, он забавлялся вместе с ним, если же тот не приходил, Ян Байли прокручивал свои «заливалки» в уме. Он сидел на главной проходной, но при этом всегда витал в облаках. Если приходил посетитель и прерывал ход его мыслей, Ян Байли начинал нервничать и срывал на человеке свою злость. Преградив бедолаге путь, он устраивал ему тщательнейший допрос, и в результате все равно не пропускал. Все, кому доводилось приходиться на чугуноплавильный комбинат, про себя его костерили. Так начинало сбываться данное Ян Байли предсказание слепого гадателя Лао Цзя.

Спустя месяц работы на проходной Ян Байли поссорился с Ню Госином. И хотя их «заливалки» были тут ни при чем, без них тоже не обошлось. Изначально Ян Байли вообще не разбирался в этой забаве, «заливать» его научил Ню Госин. Однако, потренировавшись полгода, Ян Байли в полной мере овладел этим мастерством. Ян Байли, привыкший отлынивать от любой работы, в этом деле приложил все свое старание. Раньше направление «заливалкам» задавал Ню Госин, а Ян Байли просто был на подхвате. Ведь рассказ – что река, и было достаточно одного желания Ню Госина, чтобы она приняла какое угодно направление. Теперь же ситуация изменилась. Ян Байли пробил собственный канал, который в итоге стал влиять на направление общего потока. Потом у них появились противоречия по поводу выбора тем. Если раньше всем рулил Ню Госин, и темы выбирал тоже он, то теперь Ян Байли порывался предложить собственную тему. Работая охранником, Ян Байли мог фантазировать дни напролет, поэтому к вечеру, когда наступал час «заливалок», он был уже во всеоружии. В этом смысле Ню Госин выдавал лишь экспромты. Поэтому постепенно, будь то выбор темы или направления, Ян Байли стал одерживать верх, в то время как Ню Госин все чаще вставлял лишь отдельные реплики. Завоевав первенство в словесных баталиях, Ян Байли невольно захотел потягаться с Ню Госином и в других областях. Уступить другу в забаве Ню Госин был не прочь, но переносить такие отношения в повседневную жизнь, разделяя поровну все лавры, он не желал, а потому призадумался: «Так вот что значит "власть сменилась – снимай сапоги", вот что значит "черная неблагодарность"». Постепенно ему и вовсе разонравилось «заливать» с Ян Байли. И все-таки поссорились они не из-за этого, а из-за своей бывшей сокурсницы. Настоящее имя у той девицы было Дэн Сючжи, ну а дома ее звали просто Эрню³³. Отец Эрню, Лао Дэн, был хозяином магазина «Лучший среди лучших». По сути это была просто бакалейная лавка с мелочным товаром на улице Дунцзе, в которой продавались рис, мука, соль, соевый соус, масло, уксус, спички, колпаки для керосинок, веревки, корзины и тому подобная дребедень. Эрню казалась совсем коротышкой и носила две похожие на веревочки косички. Зато она удалась личиком: у нее были выразительные глаза, густые брови и ямочки на щечках. Когда Ню Госин и Ян Байли ходили в «Яньцзиньскую новую школу», они только и делали, что ловили цикад, подстреливали птиц да «заливали», им и дела не было до этой Эрню, поэтому и речи про нее никогда не шло. Но как-то раз, уже после роспуска школы, Ню Госин вдруг встретил ее на улице. Эрню случайно посмотрела на Ню Госина, а тому показалось, что она положила на него глаз. Потом, когда они «заливали» с Ян Байли, он приплел туда и этот случай. Начал-то он с последней встречи, а продолжил небылицами про их якобы отношения в «Яньцзиньской новой школе»: рассказал, как сначала они лишь стыдливо строили друг другу глазки, а потом стали парой; как целовались и даже спали друг с другом. В его рассказе порой проскальзывали довольно-таки откровенные моменты. Ян Байли понимал, что это не более чем «заливалки», а потому

³³ Дословно – «вторая дочка».

ни в чем уличать друга не стал. Ню Госин же был настроен вполне серьезно; однако робкий по натуре, он боялся подойти к Эрню лично, а потому написал ей письмо, которое начиналось со строк «Моей младшей сестрице Сючжи посвящается...». Он попросил Ян Байли передать это письмо Эрню. Случись такое полгода назад, Ян Байли бы выполнил любую просьбу Ню Госина, но теперь, когда они стали друг другу ровней, Ян Байли вдруг выразил неохоту:

– Ведь ты с ней уже переспал, к чему теперь какие-то письма? – И добавил: – Ты с ней потом свое удовольствие получишь, а мне какая выгода?

Тогда-то Ню Госин еще больше утвердился в том, что Ян Байли – бесчувственная и неблагодарная тварь. Однако он настолько бредил Эрню, что достал из кармана пять юаней и отдал их Ян Байли. Тот принял деньги и взял письмо. Но прошло три дня, и Ян Байли стало казаться, что Ню Госин просто его обдурил. Поскольку днем Ян Байли вынужден был сидеть на проходной чугуноплавильного комбината, письмо он мог передать только вечером. Три вечера подряд он проторчал на улице Дунцзе, но Эрню так и не встретил. Тогда заволновался уже и Ню Госин; он рассердился, что Ян Байли все это время ждал Эрню только на улице, и потребовал, чтобы тот залез прямо в дом. Ян Байли было жалко расставаться с полученными деньгами, поэтому, оказавшись в безвыходном положении, он в тот же вечер решил наведаться в дом семейства Дэн. Не решаясь бездумно сразу перелезть через стену, он для начала залез на крышу, чтобы изучить обстановку, ведь чтобы найти Эрню, ему требовалось сначала отыскать ее комнату. Семейство Лао Дэна проживало в сыхэюане³⁴, фонаря во дворе не висело, поэтому темень стояла непроглядная. Туда-сюда шныряли какие-то тени, но разглядеть, кто есть кто, было невозможно. И только когда кто-нибудь уже заходил внутрь, включал свет и подходил к окну, примерно можно было догадаться, кто и в какой комнате живет. В главном флигеле показался старик, на нем красовалась маленькая круглая шапочка, а потом появилась и его старуха с мотовилом и пряжей, похоже, это были родители Эрню. В восточном флигеле скандалили мужчина и женщина, там же плакал ребенок, судя по всему, там проживал со своим семейством старший брат Эрню. Стало быть, в западном флигеле, где то и дело мелькала тень девушки, проживала сама Эрню. Ян Байли провел на крыше около шести часов, у него уже успели онеметь все члены, прежде чем в комнатах наконец-то стали гасить свет. Тогда Ян Байли соскользнул с крыши, прокрался на цыпочках к западному флигелю, намереваясь подсунуть письмо Ню Госина прямо в дверную щель. Его большое дело должно было завершиться победой, ведь комнату Эрню он вычислил наверняка. Но Эрню вот уже как три дня уехала в Кайфэн к тетушке, и именно поэтому Ян Байли и не мог застать ее на улице. А в гости к Дэнам приехала свояченица, которую разместили в комнате Эрню. Сваяченица последние два дня мучилась поносом. Вот и сейчас, только было она легла спать, как у нее начались очередные позывы. Она соскочила с постели, чтобы выбежать в туалет, резко открыла дверь и лоб в лоб столкнулась с Ян Байли, напугав и себя, и его до полусмерти. Сваяченица Эрню ходила в старых девах, ей уже перевалило за тридцать, а она все никак не могла выйти замуж. У нее мелькнула мысль, что к ней хотел пробраться муж ее сестры. Тот раньше уже пытался. Однако сейчас ей было не до заигрываний, поэтому она залепила парню пощечину, и тот, вскрикнув, упал на землю. Во всех комнатах тотчас зажегся свет. Брат Эрню подумал, что к ним пробрался вор, решивший поживиться товарами из их магазина. После ссоры с женой он был явно не в духе, а потому подвесил Ян Байли к финиковому дереву и принялся стегать его плетью. Приняв два удара, Ян Байли наконец раскололся и выложил всю правду. В качестве подтверждения своей невиновности он вытащил любовное письмо Ню Госина. Лао Дэн его прочел и отпустил Ян Байли. Отца Ню Госина он знал, к тому же, поняв, что это просто ребячьи шалости, разбираться дальше не стал. Ведь лишний шум мог только навредить его собственной дочери. На

³⁴ Тип традиционной китайской застройки, при котором четыре здания помещаются фасадами внутрь по сторонам прямоугольного двора.

следующий день, когда о случившемся узнал Ню Госин, он очень рассердился на Ян Байли. Но рассердился он не потому, что тот провалил дело и повлиял на их отношения с Эрню, а потому, что, приняв от него пять юаней, сдал его в решающий момент. Как же такой человек может называться другом? С тех самых пор они хоть и разговаривали при встрече, но из-за душевного разобщения их тандем «заливальщиков» распался.

В августе на чугуноплавильный комбинат приехал закупщик из паровозного депо Синьсяна по имени Лао Вань. Синьсянское депо отвечало за профилактический ремонт рельсов на железнодорожном участке Бэйпин – Ханькоу, поэтому ежегодно они нуждались в крепежных костылях. Начальник Синьсянского паровозного депо и директор Яньцзиньского чугуноплавильного комбината Лао Ню приходились друг другу родственниками по материнской линии, поэтому работа по изготовлению крепежных костылей поручалась Лао Ню. Закупщик Лао Вань приезжал в Яньцзинь за товаром один раз в сезон. Владелец белесых бровей Лао Вань был родом из провинции Шаньдун, и ему уже перевалило за сорок. Он любил то и дело разевать рот, но не для того, чтобы зевнуть, а для того, чтобы просто размять челюсть и лицевые мышцы; при этом обязательно раздавался характерный хруст. На этот раз Лао Ню не успел подготовить к приезду Лао Ваня крепежный материал в полном объеме: тому требовалось закупить десять тысяч костылей, а комбинат Лао Ню выплавил лишь шесть с лишним тысяч, то есть не хватало еще больше трех тысяч костылей. Поэтому Лао Вань, ожидая свой заказ, задержался в Яньцзине. Ну а поскольку в его распоряжении оказалось свободное время, то на следующий день с утра пораньше он решил выйти за пределы комбината, чтобы прогуляться по уездному центру. По установленным на комбинате правилам, проходя на территорию, следовало предупредить охранника на проходной. Если же вы покидали территорию, причем без всякого товара, то можно было пройти мимо охранника просто так, ничего не объясняя. Лао Вань, исходя из норм приличия, хоть и был без всякого товара, заметив на проходной охранника Ян Байли, взял и поприветствовал его. Пройди он мимо, все было бы замечательно, но его приветствие вывело Ян Байли из себя. В это время он, как всегда, фантазировал, а Лао Вань вроде как прервал его, поэтому Ян Байли его задержал и начал свой дотошный допрос. Задержи он кого-нибудь другого, этот другой уже давно бы обзвизился, а Лао Вань был очень даже не прочь поговорить. Все равно никого из родных у него в Яньцзине не было, так что, задержавшись по воле случая на комбинате и найдя собеседника, он этому даже обрадовался. Для начала он потрещал своей челюстью, а потом выложил про себя все, начиная с того, как его зовут, откуда он родом, чем зарабатывает на жизнь, зачем приехал в Яньцзинь, и заканчивая крепежами, рельсами, поездами и депо. При этом он не забыл доложить о том, сколько человек трудится в их коллективе, что входит в его ежедневные обязанности закупщика... В результате Ян Байли забыл про свои «заливалки», и у него даже пробудился интерес к рельсам и поездам. Сначала он слушал Лао Ваня молча, а потом стал вставлять свои реплики и задавать вопросы. Так обычный допрос постепенно превратился в задушевную беседу. Когда Лао Вань поинтересовался Яньцзином, Ян Байли сначала посоветовал ему, куда стоит сходить, а потом стал рассказывать о забавных случаях из жизни города. Начал он с повара Лао Вэя из харчевни «Обильный стол», который повстречал на кладбище седовласого бородатого старца. После Ян Байли стал рассказывать про то, как в прошлом месяце залез на крышу магазина «Лучший среди лучших» и как потом его подвесили на дереве и высекли, чем очень насмешил Лао Ваня. Ян Байли, который до этого полгода забавлялся «заливалками», а потом из-за ссоры с Ню Госином потерял партнера, теперь разыгрывал свои небылицы исключительно в уме. Его фантазии – что гром без дождя – не находили выхода. Поэтому, встретив Лао Ваня, он пусть и не «заливал», но все-таки общался с ним взахлеб, так что их разговор растянулся на всю первую половину дня. Ян Байли словно освободился от душевного груза, все в нем плясало и пело. Лао Ваню охранник Ян Байли тоже понравился, с виду вроде пацан, а на язык остер. Сам большой любитель поболтать, Лао Вань за сорок с лишним лет так и не нашел себе достойного собеседника, и он никак

не ожидал, что встретит родственную душу на яньцзиньском чугуноплавильном комбинате. Вместо прогулок по уездному центру Лао Вань все три последующих дня предпочел провести на проходной, где взахлеб общался с Ян Байли. Три свободных дня за разговорами пролетели незаметно, и эти двое стали друзьями, у которых не имелось друг от друга никаких секретов. А через три дня, когда крепежные костыли были готовы, Лао Вань нанял телегу, погрузил на нее товар и собрался уезжать. Когда телега уже выезжала за ворота комбината, друзья были не в силах расстаться. Спрыгнув с телеги, Лао Вань подошел попрощаться:

– Будешь в Синьсяне, обязательно заходи в депо. Спросишь большеротого Лао Ваня, меня там все знают.

Ян Байли в свою очередь ответил:

– Будешь в Яньцине, обязательно заходи на комбинат. А если не найдешь меня на комбинате, значит, я в деревне Янцзячжуан.

На прощанье друзья помахали друг другу, и Лао Вань снова запрыгнул на телегу. Но примерно через один ли Лао Вань вдруг выпрыгнул из телеги и бегом воротился назад.

– Забыл кое-что сказать.

– Что такое? – спросил Ян Байли.

– В депо уволились сразу два кочегара, требуются новые люди, хочешь пойти?

– А что делают кочегары?

– Пока едет паровоз, они просто подбрасывают в печь уголь. Работа не легкая, но и не тяжелая, через три смены – выходной. Я хорошо знаком с Лао Дуном, который занимается подбором кадров, если захочешь, я за тебя словечко замолвлю. Просто я не знаю, насколько ты привязан к яньцзиньскому комбинату.

Если бы такой разговор случился два месяца назад, то Ян Байли было бы жалко уходить с комбината, ведь он пришел сюда вовсе не ради места охранника, а ради того, чтобы «заливать» с Нью Госином. Но после ссоры с другом эта забава оказалась ему недоступной, так зачем было здесь задерживаться? Лучше уж присоединиться к Лао Ваню и поехать с ним в Синьсянское паровозное депо. Кто знает, может, у них возникнет новый тандем «заливальщиков»? Раз уж здесь он никому не нужен, а в Синьсяне подворачивалось новое место, Ян Байли выпалил:

– Да я, черт возьми, нисколечко не привязан к этому месту, я готов. И мне нужна не столько работа кочегара, сколько твое общество.

Лао Вань даже прихлопнул от удовольствия:

– У меня те же мысли! Тогда давай собирайся и дня через три приезжай ко мне в Синьсянское депо.

– Да какие три дня, если подождешь, так я прямо сейчас и соберусь.

– А ты швыдкий парень.

В тот же день, еще до обеда, Ян Байли закинул на спину постельную скатку и, покинув чугуноплавильный комбинат, вместе с Лао Ванем отправился на телеге в уезд Синьсян. Говорят, что на комбинате от такой новости никто не расстроился. А Лао Нью так даже воздал хвалу Будде:

– Какой же умница этот Лао Вань, что помог мне избавиться от этого проклятия.

А вот Нью Госин, услышав, что Ян Байли уезжает, в душе на него осерчал. Думая, что тот обосновался здесь надолго, он никак не ожидал, что можно так просто взять и смыться. Пока Ян Байли находился рядом, они не мирились, но едва тот собрался уехать, на Нью Госина вдруг нахлынули чувства. Он бегом побежал за ворота, чтобы уговорить Ян Байли остаться. Но пока он выбегал, Ян Байли уже уселся на телегу и отъехал на порядочное расстояние. Целиком и полностью отдавшись беседе с Лао Ванем, он даже головы не повернул в сторону Нью Госина. Тот невольно рассердился: «С чего это он потащился за Лао Ванем? Наверняка ради "заливалок". Но ведь это я научил его этой забаве. И вот вам, пожалуйста, он ушел и даже не попрощался. Как говорится, не делай добра – не получишь зла». Нью Госин скрежетал зубами

от злости, но только злился он не на Ян Байли, а на самого себя: «Я буду последним выродком, если еще хоть раз кому-нибудь помогу!»

7

Ян Байшунь уже больше полугода учился у Лао Цзэна забивать свиней. Лао Цзэну было почти пятьдесят; внешне холеный и светлолицый, среднего роста, с небольшими руками и ногами, издавек он никак не походил на забойщика, скорее уж на книжника. Однако, заступая на рабочее место, Лао Цзэн преображался до неузнаваемости: он словно весь увеличивался в размерах, так что какая-нибудь жирная свинья весом в триста с лишним цзиней в его руках зрительно уменьшалась до размеров котенка. Если у других на забой свиньи уходило часов шесть, то Лао Цзэну было достаточно всего двух часов, чтобы не только заколоть свинью, но еще и разделать ее по всем правилам, промыть все разделанные куски и аккуратненько разложить их на лотке. После этого он садился на перекур, а заодно с кем-нибудь болтал, при этом на его одежде не было даже капельки крови. От цирюльника Лао Пая Ян Байли слышал, что Лао Цзэн по молодости имел очень взрывной характер – чуть что зажигался как спичка. Однако, забивая свиней тридцать лет подряд и день-деньской орудуя ножом, он с каждым годом делался все мягче. Кроме забоя свиней, Лао Цзэн также помогал забивать птицу или собак, то есть выполнял, так скажем, мелкую работенку. Когда Ян Байшунь только-только стал осваивать стезю забойщика, Лао Цзэн, прежде чем учить забивать свиней, заставил его набивать руку на курах и собаках. Делалось это не только для того, чтобы набить руку, но и для того, чтобы воспитать храбрость. Сначала Ян Байшуню казалось, что забить мелкую живность – это плевое дело, однако когда эта самая живность оказывалась уже перед ним, в решающий момент он сжимался от страха. Хотя жертва всегда была связана, она издавала жуткие звуки, а выбившись из сил, замолкала и обреченно смотрела на него. Поначалу Ян Байшунь делал свое дело с закрытыми глазами, а потому промазывал, заставляя животных страдать вдвойне. Но со временем можно освоить любое дело, поэтому уже через три месяца ежедневной забойной практики Ян Байшунь стал воспринимать свою работу как процесс совершенно естественный, и сердце его огрубело. Один удар ножом – и еще секунду назад верещавшая животина замолкала, вот и все дела. В такие моменты Ян Байшунь начинал думать, что многие проблемы на этом свете легче всего решать именно так, а иначе иные проблемы и вовек не решить. Расправившись с очередной жертвой, Ян Байшунь даже начинал испытывать удовольствие. Спустя три месяца работы он, если вдруг оставался без дела, даже чувствовал, что у него начинали чесаться руки. И тогда Лао Цзэн сказал: «Пришла пора забивать свиней».

Жена Лао Цзэна вот уже три года как умерла. Когда Ян Байшунь пришел к Лао Цзэну в ученики, тот предоставил ему лишь питание без проживания. У Лао Цзэна не то чтобы не имелось места, в его доме было целых пять комнат. И пусть их состояние оставляло желать лучшего: лишь две комнаты находились под черепичной крышей, а три, будучи глинобитными, постоянно протекали – одна из комнат в глинобитной пристройке все-таки пустовала, в ней просто складировали дрова. Сам Лао Цзэн был не против поселить там человека, но его сыновья пустить в дом чужака не соглашались. Отношения с сыновьями у Лао Цзэна не ладились. Подобно Ян Байшуню и Ян Байли, которые не желали, как их отец, делать доуфу, сыновья Лао Цзэна не хотели учиться забивать свиней. Они отнеслись спокойно к тому, что у их отца появился ученик, однако были против того, чтобы он жил в их доме. Объяснялось это тем, что им обоим уже исполнилось по семнадцать и восемнадцать лет, а значит, пришла пора жениться. Если женятся они одновременно, то им самим станет негде жить. На что же это будет похоже, если им придется выгонять человека? Найдя промысел, но не найдя ночлега, Ян Байшунь снова столкнулся с проблемой. С другой стороны, найти промысел было сложнее, чем найти ночлег, к тому же Ян Байшуню не хотелось уходить от Лао Цзэна. Сначала он думал податься к кому-нибудь из друзей или родственников, но в округе у него не нашлось ни единого родственника или хотя бы знакомого. Ближайшим местом, где таковые имелись, была его родная деревня

Янцзячжуан, которая находилась в пятнадцати ли от деревни Цзэнцзячжуан. Когда Ян Байшунь уходил из дома, он вовсе не намерен был туда возвращаться. Одно дело где-нибудь перекапывать в течение трех-пяти дней, но не мог же он постоянно ночевать на сеновале? Так что пришлось Ян Байшуню ради ночлега, стиснув зубы, снова вернуться к себе в деревню. Забить раз и навсегда на своего отца и доуфу, так же как он забивал кур и собак, он не мог. Между деревнями Цзэнцзячжуан и Янцзячжуан протекала река Цзиньхэ, тем не менее Ян Байшунь каждый день метался между этими деревнями; с утра пораньше прибегал к Лао Цзэну, и они вместе отправлялись на работу, а вечером он сначала провожал Лао Цзэна, а потом уже сам спешил домой. Хорошо еще, что паромщиком на реке работал Лао Пань, которому Лао Цзэн дважды в год забивал свиней, поэтому за переправу Ян Байшунь никаких денег не платил. В тот день, когда Ян Байшунь сбежал из дома, продавец доуфу Лао Ян очень испугался, думая, что тот больше не вернется. Но узнав, что Ян Байшунь бежит за пятнадцать ли в деревню Цзэнцзячжуан к забойщику Лао Цзэну, который предоставил ему лишь еду без проживания, заставив парня бегать на ночевку в родную деревню, даже обрадовался. Он понимал, что обидел сына, когда подтасовал результаты жеребьевки, однако теперь и сам Ян Байшунь обидел его тем, что вместо изготовления доуфу пошел в ученики к забойщику. В общем, теперь они были квиты. Иногда, заметив взмыленного Ян Байшуна, который прибегал из деревни Цзэнцзячжуан, он ехидно замечал: «К чему эта беготня? Разве для освоения ремесла нужно еще куда-то бегать? Вот это тяга!» или: «Без тебя моя лавка все равно не закроется, коли ушел, значит, знал, на что шел», или: «А возьму-ка я как-нибудь гостинец да навещу Лао Цзэна. Посмотрю, чем он там тебя приманивает? Я, значит, не в силах управлять собственным сыном, а он тебя с первой встречи так обаял, что ты каждый день готов по тридцать ли наматывать».

Сам Лао Цзэн, глядя на ежедневные метания Ян Байшуна, чувствовал себя неловко:

– Я не то чтобы не могу распоряжаться в своем доме, просто боюсь, что, оставь я тебя здесь, на тебя станут косо смотреть. – Звонко выбив трубку о ножку стола, он продолжал: – Один раз на свете живем, к чему лишние ссоры?

– Учитель, бегать утром для меня не проблема, я лишь по вечерам из-за волков боюсь возвращаться.

– Тогда мы просто будем пораньше заканчивать работу. Ну а если мы не успеем справиться засветло, так попросимся переночевать, кто же нам посмеет отказать?

Едва у них случался разговор, они слово за слово обоюдно его поддерживали. Поначалу Ян Байшунь осторожничал со своим наставником, но, познакомившись с ним поближе, постепенно разговорился. Путь в какую-нибудь деревню и обратно они коротали, перекидываясь самыми обычными фразами. Сначала просто говорили о всякой домашней рутине, об общих знакомых, а потом стали обсуждать довольно личные темы. Когда Ян Байшунь признался Лао Цзэну, что задержался у него временно, надеясь при удобном случае перейти к цирюльнику Лао Паю, Лао Цзэн не стал его укорять, вместо этого он разъяснил ему суть отношений между наставником и учеником, и Ян Байшунь уходит передумал. Тут же он поделился, что забой свиней ему все-таки не по душе, что всю жизнь он больше мечтал быть похоронным крикуном, как Ло Чанли. Но вот ведь незадача – за счет этого себя не прокормишь. Лао Цзэн, выслушав его, вместо укоров лишь усмехнулся:

– Так тебе просто нравится кричать? А ведь и в нашем ремесле криков хватает.

– В смысле? – удивился Ян Байшунь.

– Сами мы хоть и не кричим, зато свиньи не молчат. – И добавил: – Люди оплакивают людей, а свиньи – свиней. – Наконец он заключил: – В этом мире люди едят свиней, но никак не наоборот. Поэтому своими криками сыт не будешь, а вот за счет свинячьих проживешь.

Ян Байшуню слова Лао Цзэна показались убедительными, поэтому с тех пор он утвердился в решении заниматься забоем. Однако Ян Байшуна все так же мучили проблемы с ночлегом и ежедневные ухмылки продавца доуфу Лао Яна. Лао Цзэн, три года назад потерявший

жену, теперь мечтал обзавестись новой. Пора жениться подошла и двум его сыновьям. Однако мнения по поводу взаимной очередности у отца и детей разделились. Жениться всем разом им не позволяло финансовое состояние, так что этот вариант отпадал. В общем, одной из причин неуживчивости сыновей с отцом был как раз вопрос о женитьбе. В этом же состояла причина негативного отношения сыновей к Ян Байшуню. Внешне настроенные против Ян Байшуна, на самом деле они были настроены против Лао Цзэна. Лао Цзэн втайне от сыновей уже несколько раз пытался через сваху подыскать себе пару. Но едва он встречался с какой-нибудь кандидаткой, выходило, что или он не устраивал ее, или она не устраивала его. Пришлось тогда с этим повременить. Во время душевных бесед с Лао Цзэном Ян Байшуню было неудобно постоянно возвращаться к проблеме ночлега, ведь тем самым он только сыпал соль на рану Лао Цзэна. Ну а Лао Цзэн все никак не мог определиться, стоит ли ему заново жениться или нет. Поначалу любые темы для разговоров кажутся свежими, но когда человек изо дня в день талдычит одно и то же, и так несколько месяцев подряд, это начинает напрягать если не рассказчика, так слушателя. Как-то раз Лао Цзэн и Ян Байшунь возвращались после забоя из деревеньки Цуйцзячжуан. Утомившись от долгой ходьбы и палящего солнца, они решили не торопиться, а присесть и отдохнуть под деревом у реки Цзиньхэ. Лао Цзэн, закурив, завел разговор о том, каким жадным оказался Лао Цуй из деревни Цуйцзячжуан: «Свинью ему забили, а он за обедом ни кусочка мяса не предложил. Кабы раньше знал, так и не приходил бы к нему». Потом, слово за слово, он снова завел речь про свою женитьбу. Тут уже Ян Байшунь не вытерпел и осадил Лао Цзэна:

– Учитель, если хотите жениться, так женитесь уже, чего об этом каждый день говорить? Одними словами делу не поможешь! Так и помешаться недолго.

Лао Цзэн звонко выбил свою трубку об дерево и ответил:

– А кто хочет жениться? Если бы я хотел, так, наверное, давно бы женился. Это так, одни разговоры.

– Но раз вы каждый день про это вспоминаете, то все-таки хотите.

– Пусть даже и хочу, но оно как-то все не складывается.

– Значит, не так выбираете. Чтобы искать хорошие варианты, нужно и самому что-то из себя представлять. Если бы вы не ставили условия, уже давно бы женились. – Выпалив это, Ян Байшунь надул губы и добавил: – Да и не в выборе дело. Мне кажется, что вы просто боитесь этих двоих.

Он явно намекал на сыновей Лао Цзэна. Когда Лао Цзэну наступили на эту болезненную мозоль, он, вытянув шею, запротестовал:

– Кто это их боится? В этой семье пока что я хозяин!

На этом разговор и оборвался. Лао Цзэн еще долго вздыхал и выбивал свою трубку об иву; наконец он сказал:

– Я не их боюсь, а того, что обо мне люди скажут. Сыновьям-то по семнадцать-восемнадцать лет, а мне почти пятьдесят, что же я с собственными детьми буду соревноваться? – Помолчав, он добавил: – И даже не в пересудах дело: если я женюсь, всем вместе нам все равно не ужиться в одном доме.

Ян Байшунь с самого начала не нашел язык с сыновьями Лао Цзэна, поэтому сейчас он взял и выпустил на них весь свой гнев, который копился у него с тех самых пор, как они запретили пускать его в дом.

– А кого тут винить, как не их? Они молодые, могут и повременить. А вот вам уже под пятьдесят, не женитесь сейчас, в шестьдесят будет уже поздно, да и ни к чему.

Лао Цзэн не нашелся что возразить. Тут он словно опомнился:

– А ведь ты дело говоришь.

В ту весну Лао Цзэн решил-таки прежде своих сыновей жениться. И на этот раз он уже не торговался. Свахе четко дал понять, что согласится на любой вариант, лишь бы только

претендентку он устраивал сам. Ну а поскольку никаких условий он не выдвинул, претендентка нашлась сразу. Ею оказалась младшая сестра Лао Куна из деревеньки Кунцзячжуан, того самого, что продавал лепешки с ослиатиной. В ярмарочные дни лоток Лао Куна располагался по левую руку от лотка продавца доуфу Лао Яна. А справа от Лао Яна стоял Лао Доу из деревеньки Доуцзячжуан, который торговал острым овощным супом, а заодно и резаным табаком. Поскольку Лао Ян день-деньской призывал клиентов своим барабаном, продавцы-соседи с ним разругались. Сестра Лао Куна в конце года похоронила своего мужа и теперь была свободна. Ну а свахой оказалась даже не сваха в известном смысле, а, можно сказать, свой человек – цирюльник Лао Пай из деревеньки Пайцзячжуан. Лао Пай приходил в деревню Кунцзячжуан брить головы и там подружился с Лао Куном. Лао Кун доверял Лао Паю, а потому согласился отдать свою сестру замуж за Лао Цзэна. На второе число третьего лунного месяца была назначена церемония выкупа, а на шестнадцатое – переезд новобрачной в дом мужа. Ян Байшунь очень уж радовался этой свадьбе. Но радовался он не тому, что теперь Лао Цзэн отстанет от него со своими докучливыми разговорами, и не тому, что злорадствовал его ненавистным сыновьям. Для радости у Ян Байшуна имелся свой повод; он надеялся, что, придя в дом Лао Цзэна, женщина станет в нем хозяйкой. Ведь пока всем в доме заправляли сыновья Лао Цзэна, Ян Байшунь не мог там ночевать. Но если хозяйкой станет жена Лао Цзэна, она, скорее всего, изменит порядки и, проникнувшись к Ян Байшуню симпатией, все-таки позволит ему проживать в их доме. Кроме всего прочего, Ян Байшунь надеялся, что новая хозяйка окажется женщиной с характером и наконец приструнит сыновей Лао Цзэна. Поэтому Ян Байшунь ждал шестнадцатого числа с еще большим нетерпением, чем сам Лао Цзэн.

Однако новая хозяйка совершенно разочаровала Ян Байшуна. Прежде всего, его разочаровала ее внешность. В свое время в уездном центре Ян Байшунь видел продавца лепешек с ослиатиной Лао Куна. Пусть тот не удался ростом и не мог похвастать выразительной внешностью, в остальном он выглядел вполне по-человечески, правда, лицо у него было чересчур белым и нежным, да и голосок тонкий, точно у бабы. Ян Байшунь, представляя его младшую сестру, в своем воображении рисовал ее такой же миниатюрной. Но когда наступил вечер шестнадцатого дня третьего лунного месяца и из паланкина вышла новая хозяйка, Ян Байшунь был поражен. В свете фонарей он увидел великаншу с квадратным лицом, высокими скулами и тонкой ниточкой губ; кожа ее была словно покрыта сажой, а на носу красовались веснушки. Когда же она раскрыла свой рот, Ян Байшунь и вовсе испугался: голос у нее был настолько грубый и сиплый, словно это говорил мужик. Казалось бы, родились от одной матери, но отличались друг от друга как небо и земля. При этом старший брат оказался похож на бабу, а сестра – на мужика. Помнится, Ян Байшунь сам наставлял Лао Цзэна, чтобы тот не привередничал, но он и подумать не мог, что тот в спешке перегнет палку и проявит такую неразборчивость.

Разумеется, Ян Байшуню было без разницы, как выглядит жена Лао Цзэна. И пусть внешне она напоминала мужика, появившись в доме, она вела себя абсолютно по-женски. Спозаранку расчесывала и укладывала волосы и даже накладывала румяна, а кроме того, готовила и рукодельничала. За три года, что Лао Цзэн провел без женщины, в его доме и во дворе воцарился полный бардак, повсюду воняло плесенью и всякой дрянью. Однако новой хозяйке хватило трех дней, чтобы привести и дом, и двор в полный порядок. Удивительно, что при такой суровой наружности этой женщине достался хороший характер. Любой разговор она предвзяла улыбкой. Подбирая слова, она всегда проявляла деликатность, так что даже неприятные вещи из ее уст звучали сладко. Однако именно поэтому мечты Ян Байшуна лопнули, словно мыльный пузырь. Он надеялся, что появление в доме новой хозяйки вызовет ее противостояние с сыновьями Лао Цзэна. А как известно, когда кошки грызутся – мышам раздолье. Но Ян Байшунь никак не ожидал, что уже в первые пять дней новоявленная матушка сошьет каждому из сыновей по добротной куртке и по паре матерчатых туфель. Те очень обрадовались обновкам. Матушка не унималась и пообещала после сбора урожая подыскать им по невесте.

При этом и о невестах она уже позаботилась: одна была дочерью ее родной сестры, а другая – двоюродной племянницей. В общем, никто не успел и глазом моргнуть, как она успела решить все накопившиеся проблемы; и никакие посредники ей были не нужны, и все у нее спорилось. Сыновья Лао Цзэна поначалу были настроены к мачехе враждебно и только и ждали случая, чтобы развернуть войну. Однако, получив от нее сначала обновки, а потом обещание похлопотать о невестах, они не только, как говорится, свернули знамена, но даже прониклись к ней признательностью. Родной отец не уступил им своего первенства, а мачеха, едва переступив порог, приняла их проблемы как свои. Поэтому сыновья Лао Цзэна наперебой старались ей угодить. Ян Байшунь ничего не мог с этим поделать. Он понял, что эта женщина прибегла к нечестным приемам. С помощью обновок да пустых обещаний она смогла одержать бескровную победу и склонить сыновей Лао Цзэна на свою сторону. Разочаровало Ян Байшуня и то, что жена Лао Цзэна нисколько не выделяла его. Она улыбалась ему, как и остальным, но что толку от этих улыбок? Как и сыновья Лао Цзэна, она оставалась совершенно равнодушной к тому, что каждое утро ему ради нового ремесла приходилось наматывать по тридцать ли, и все из-за проблемы с жильем. Иначе говоря, не стань она хозяйкой, его вопрос с жильем, может быть, и уладился, ведь сыновья Лао Цзэна часто действовали по настроению. А вот новая хозяйка все вопросы решала обстоятельно, поэтому проблема Ян Байшуня напоролась на новые препоны.

Зато Лао Цзэна, напротив, все устраивало. До этого он три года канителился, силясь понять, стоит или не стоит ему снова жениться. С одной стороны, он опасался реакции сыновей, а с другой – боялся, что ему попадетсЯ женщина, похожая на его первую жену. От цирюльника Лао Пая Ян Байшунь слышал, что покойная жена Лао Цзэна при жизни была той еще стервой. Уже в первые три месяца она не только испортила отношения с Лао Цзэном, но и переругалась со всеми соседями. В разговоре она никогда не церемонилась, так что даже приятные вещи из ее уст звучали удручающе. А попробуй кто-нибудь возразить ей, так она заводилась с полуслова. После таких ссор от нее ни есть, ни пить нельзя было допроситься. Она просто заваливалась спать, оставляя Лао Цзэна наедине с его обидами. По молодости характер у Лао Цзэна был словно огонь, но со временем весь его пыл постепенно угас: суровое ремесло и жена выпили из него все соки. Зато младшая сестра Лао Куна, придя в дом, не только не скандалила с Лао Цзэном, но и одаривала его каждый день улыбками и добрыми словами. Приготовив еду, первую порцию она всегда жаловала ему, после чего еще и добавки подкладывала, а перед сном приносила тазик с горячей водой и парила ему ноги. Лао Цзэн о таком даже и не мечтал. Прожив месяц с новой женой, он не только не исхудал, но, напротив, даже округлился лицом. Его прежде глухой голос теперь зазвучал в полную мощь. Однако, воспрянув духом, Лао Цзэн тотчас выбросил из головы все проблемы Ян Байшуня. Раньше он хотя бы иногда о них заговаривал, а теперь даже и не вспоминал. Иначе говоря, как и новая хозяйка, он считал ситуацию Ян Байшуня совершенно нормальной. Раньше, когда Ян Байшунь и Лао Цзэн отправлялись закалывать свиней, они не оговаривали, на какое расстояние будут удаляться от дома, теперь же Лао Цзэн говорил:

– Хорошо бы не дальше, чем за пятьдесят ли.

– Почему? – спрашивал Ян Байшунь.

– Чтобы к вечеру вернуться.

Ян Байшунь в душе еще больше стал роптать на свою судьбу. Ведь раньше, отправляясь с Лао Цзэном на промысел, он надеялся уйти в какую-нибудь деревню подальше, иначе им пришлось бы возвращаться назад, а Ян Байшуню, в отличие от Лао Цзэна, еще предстоял ночной путь в деревню Янцзячжуан. Если же они забирались в деревню подальше, то могли остаться в ней на ночевку. Однако теперь, когда Лао Цзэн что ни день настаивал на возвращении домой, дальше, чем на пятьдесят ли, они никогда не удалялись, и Ян Байшуню приходилось постоянно бегать по ночам в родную деревню. Но ладно бы только это, но Ян Байшуня стало огорчать и

то, что Лао Цзэн стал по-другому с ним разговаривать. Раньше их беседы наставника и ученика были искренними и откровенными, теперь же наставник начал юлить. К примеру, то же ограничение в пятьдесят ли преподносилось им не как забота о себе, а как забота о Ян Байшуне: «Раньше выйдем, раньше вернемся, тебе меньше придется идти по темноте». Ян Байшунь на это только рот открывал, но возражать не возражал. Однако не возражал он не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что он не знал, с чего начать разговор. С тех пор как между ними вклинился еще один человек, все изменилось. Ян Байшунь только вздыхал о том, что после появления в доме новой хозяйки Лао Цзэн стал сам не свой. Как-то за день до Праздника начала лета они с Ян Байшунем отправились забивать свиней в деревню Гэцзячжуан. Деревня эта находилась в пределах пятидесяти ли, однако хозяин Лао Гэ, к которому они приехали, взял и уехал на ярмарку. Во владении Лао Гэ находилось четыре-пять цинов земли, и он считался пусть и мелким, но кулаком, в своем доме он был единоличным хозяином и решал все дела, начиная от земельных сделок и кончая покупкой керосинок. У Лао Гэ было три свиньи: черная, белая и пятнистая. Все они уже созрели для забоя, но какую именно следовало забить, Лао Гэ не сказал, а домашние не осмеливались принять решение без него. В итоге Ян Байшуню и Лао Цзэну пришлось ждать хозяина, а тот вернулся с ярмарки лишь после обеда. Лао Гэ распорядился заколоть пятнистую свинью. Пока Лао Цзэн с Ян Байшунем закололи свинью и разделали тушу, на дворе уже стемнело; закапал мелкий дождик, который вскоре усилился и заколошматил по лужам во всю силу. Лао Цзэн, глядя на такое дело, прищелкнул языком:

– Похоже, сегодня нам уже не вернуться.

Ян Байшунь назло ему заметил:

– Если хочется, можно и вернуться.

Лао Цзэн подставил руку под капли дождя:

– Если вернемся, заболеем.

Однако, покосившись на Ян Байшуня, он все-таки спросил:

– Как по-твоему?

– Вы – наставник, вам и распоряжаться, – ответил тот.

Тут со своими уговорами к ним подошел хозяин Лао Гэ:

– Оставайтесь, оставайтесь, это я виноват, так что с меня ужин.

В итоге они остались. Отужинав, Лао Цзэн с Ян Байшунем отправились на ночлег в коровник Лао Гэ. Вдруг среди ночи Ян Байшунь услышал тяжелые вздохи Лао Цзэна. Он спросил его, что случилось.

– Какой же я все-таки гад, – ответил Лао Цзэн.

Сердце Ян Байшуня екнуло:

– Почему?

– И все из-за тебя.

– Что?

– Ты же склонил меня снова жениться. Только что мне приснилась моя бывшая жена, слезы рукавом утирала, говорила, что совсем забыл ее. Я тут подумал, что и правда ее забыл, за целый месяц ни разу о ней не вспомнил. – Помолчав, он заговорил сам с собой: – Все равно померла, так зачем лезть в мою жизнь? Пока жива была, все равно собачилась со мной целыми днями.

Он присел и, решив закурить, стал тщательно выбивать свою трубку:

– Куда это годится?

Ян Байшунь слушал, как по навесу стучат капли дождя, на душе у него стало совсем муторно. Хоть Лао Цзэн сейчас и вспоминал бывшую жену, но подтекстом нахваливал новую. Ян Байшунь старался на это никак не реагировать. Но чем больше Лао Цзэн нахваливал свою новую жену, тем больше презирал ее Ян Байшунь. Виной тому была даже не его проблема с жильем, а то, что, изменив в доме порядки, она стала совать свой нос куда ни попадя. К

примеру, по заведенным правилам, деньги, которые наставник и его подмастерье выручали за работу, целиком доставались наставнику, подмастерье за свой труд ничего не получал. Однако у забойщиков так повелось, что мясо забирал хозяин, а потроха (сердце, печенка, легкие, кишки, желудок и прочее) доставались самим забойщикам. И тогда Лао Цзэн какую-то часть потрохов предлагал Ян Байшуню. Так вот раньше после забоя свиньи Лао Цзэн, получив деньги, сразу прятал их в карман, а Ян Байшунь складывал потроха в кадку и нес все это добро до дома наставника. Ну а там уже Лао Цзэн обычно предлагал: «Байшунь, выбирай что хочешь». Если потрохов было штук десять, то Ян Байшунь обычно брал себе штуки три, оставляя Лао Цзэну оставшиеся семь. Эти потроха он доставлял в харчевню Лао Суня, которая находилась на восточной окраине села, через которое проходил Ян Байшунь, возвращаясь домой. Именно в эту харчевню Ян Байшуня как-то среди ночи привел цирюльник Лао Пай. Раз в месяц Лао Сунь рассчитывался с Ян Байшунем, который таким образом старался поднакопить денег. Но когда в доме появилась новая хозяйка, она успевала поделить все потроха еще прежде, чем Лао Цзэн – выкурить трубку, а Ян Байшунь – выбить пыль с одежды. Когда же Ян Байшунь оборачивался, она, улыбаясь во весь рот, объявляла: «Байшунь, твои потроха». И хотя количество потрохов по-прежнему составляло три штуки, раньше он отбирал их сам, а теперь это делали за него другие. Вроде бы и потроха были те же, но вот ощущения изменились. В общем, не в потрохах было дело, а в том, как они предлагались. Так, с появлением какой-то бабы изменился не только Лао Цзэн, но, твою мать, и весь мир! А душа Ян Байшуня словно поросла сорняком.

Как-то к концу года, когда наступил последний месяц по лунному календарю, у Лао Цзэна обострился ревматизм. Этим недугом Лао Цзэн мучился уже не год и даже не два. Заработал он его еще в самом расцвете сил. Забивая свиней, Лао Цзэн входил в раж и сбрасывал с себя всю лишнюю одежду; в самые сильные морозы мог выйти без рубахи и в легких штанах. Он так ловко орудовал ножом, что жирная свинья в мгновение ока превращалась в кучку мясных котлет. Народ, глядя на это, только дивился да ахал. Но кто же знал, что такая бравада ему еще аукнется, причем спина осталась здоровой, а вот ноги пострадали. После сорока лет Лао Цзэн уже и не оголялся, но ревматизм все равно частенько его мучил, да так, что он и шагу не мог ступить. Однако в последние пять-шесть лет болезнь отступила. Лао Цзэн и не думал даже, что в этом году вдруг снова заболит. Ноги его отказали, поэтому ходить и забивать свиней он не мог. Как нарочно, случилась эта беда под Новый год – в самую убойную для свиней пору. Лао Цзэн, лежа на кане³⁵, пригорюнился. Ян Байшунь стал его успокаивать:

– Ну подумай, упустил мы этот месяц, зато к весне вы наверняка поправитесь.

– Свиньи меня не волнуют, а вот за клиентов я боюсь, как бы не разбежались к другим.

На несколько десятков ли окрест забоем свиней промышляли еще двое – Лао Чэнь и Лао Дэнь, оба они соперничали с Лао Цзэном. Поэтому Ян Байшунь тоже пригорюнился:

– Как же быть? Не заставишь же народ ходить со своими свиньями прямо к нам.

Лао Цзэн похлопал себя по больным ногам и проворчал:

– Вот уж подвели так подвели. – Следом он выбил свою трубку и сказал: – Вот что я думаю, Байшунь: иди-ка ты без меня.

Ян Байшунь даже испугался:

– Наставник, уж если начистоту, то, не считая кур да собак, я зарезал всего-то десять с лишним свиней, да и то под вашим присмотром. Не поспешно ли вы меня в бой отправляете?

– Вообще-то, поспешно. Этому ремеслу нужно учиться три года, а ты еще и года не проучился. Но обстоятельства таковы, что тут уже не до мастерства. Если потеряем деньги – это ерунда, но если новость о моей немощи дойдет до Лао Чэня и Лао Дэня, я представляю, как они обрадуются. А для меня их радость – словно нож в сердце. – Наконец, изо всех сил уда-

³⁵ Кан – обогреваемая кирпичная и глиняная лежанка.

рив о край лежанки, Лао Цзэн распорядился: – Сделаем так: будешь работать от моего имени, отправишься на забой один.

Ян Байшунь пошел на попятную:

– А если хозяин не позволит?

– Тут только один выход – сохранить мою болезнь в тайне. – Помолчав, он добавил: – Если все узнают, что я слег, ничего у тебя не выйдет, но если ты будешь действовать от моего имени, то хозяева ничего против не скажут. Они понимают, что если можно доверять Лао Цзэну, то можно доверять и его ученику. По крайней мере, за это я пока что ручаюсь. А если спросят, почему я не пришел, скажешь, простудился и остался дома, чтобы отлежаться да пропотеть.

Итак, шестого числа последнего лунного месяца Ян Байшунь поспешно отправился в свое первое сражение и теперь начал забивать свиней самостоятельно. Раньше он был в этом деле на второстепенных ролях и лишь помогал Лао Цзэну, так что, оставшись без поддержки, он малость оробел. Ян Байшунь снова почувствовал, как много наставник значил для него. С тех пор как тот обзавелся женой, он очень много болтал в дороге, чем докучал Ян Байшуню. Но теперь, когда Ян Байшунь всю дорогу шел один и, казалось бы, никто его не раздражал, он, наоборот, пребывал в полной растерянности.

Свою первую свинью Ян Байшунь забил в деревне Чжуцзячжай, что находилась за тридцать ли от деревни Цзэнцзячжуан. Хозяин Лао Чжу был старым клиентом Лао Цзэна. Заметив, что Ян Байшунь пришел один, Лао Чжу удивился:

– А почему ты один, где твой наставник?

Ян Байшунь заученно ответил:

– Наставник еще вчера был как огурчик, а ночью его одолела лихорадка.

Лао Чжу недоверчиво покосился на Ян Байшуня:

– Дружок, а ты справишься?

– Смотря с кем меня сравнивать. Наставнику я не ровня, зато если сравнивать меня со мной же прошлогодним, то сил во мне прибавилось. В прошлом году я свиней еще не закалывал.

Лао Чжу его слова потешили, он пощелкал языком, а потом без лишних комментариев вывел из загона свинью и оставил ее в распоряжении Ян Байшуня. Тот достаточно ловко ее связал, завалил и пристроил на разделочном столе. Однако, когда настала пора всадить нож, Ян Байшунь струхнул и поторопился. Зарезал-то он ее сразу, но когда стал распарывать брюхо, то по неаккуратности проткнул кишки, и теперь их содержимое вывалилось на стол и пестрело всеми цветами радуги. Когда же он стал спускать кровь, ему не удалось попасть в главную вену, и половина крови скопилась у свиньи в брюхе. Отрубая голову, Ян Байшунь случайно полоснул по пятаку, и теперь голова не могла выглядеть как полноценный товар. Тушу он разделал тоже безобразно, много кусков мякоти выбросил просто так. Лао Чжу топал ногами от злости, но при этом Ян Байшуня он не ругал, а вот Лао Цзэна чихвостил по полной программе: «Лао Цзэн, твою мать, да чем же я тебя обидел?» С этой свиньей Ян Байшунь проканителлся часов десять, да и то не управился целиком. Его куртка полностью промокла от пота. Когда же он наконец мало-мальски прибрался, день уже клонился к вечеру, остаться у Лао Чжу на ужин Ян Байшунь не отважился, от потрохов тоже отказался и поспешил обратно в деревню Цзэнцзячжуан. На полпути стемнело, но Ян Байшунь даже забыл бояться волков.

Однако, когда на его счету оказалось уже десять забитых свиней, Ян Байшунь в это дело постепенно втянулся. Работал он, конечно, медленно, не в пример Лао Цзэну, который управлялся с одной свиньей за два часа. Ян Байшуню же на это требовалось часов восемь. Но кишки он теперь вынимал целыми, кровь спускал как надо, голову отрубал аккуратно, мясо счищал по всем правилам. Поэтому, когда вся туша была уже разделана, никто на него не жаловался. Через двадцать дней такой практики Ян Байшунь даже почувствовал плюсы от своей самостоятельности. Раньше все рабочие моменты, например куда и как далеко идти, решал Лао

Цзэн, а сейчас Ян Байшунь был сам себе хозяин. После женитьбы наставник требовал каждый день возвращаться на ночевку домой, места для работы выбирал в пределах пятидесяти ли, но теперь все эти ограничения сами собой отпадали. Ян Байшуня не устраивала работа на близком расстоянии, ведь при таком раскладе ему приходилось каждый день мотаться в родную деревню. Отправляясь в деревню за пятьдесят ли, он совершенно оправданно мог остаться на ночевку в доме, где закалывал свинью. Сначала Ян Байшунь работал в пределах пятидесяти ли, но через десять дней он стал преодолевать большие расстояния и через раз ночевал у своих клиентов. Пока Ян Байшунь единолично спасал положение, его снова стало напрягать поведение жены Лао Цзэна. Раньше, когда они с Лао Цзэном работали в паре, все деньги доставались наставнику, Ян Байшунь забирал лишь три из десяти частей потрохов. Сейчас, когда Лао Цзэн был прикован к постели, Ян Байшунь, несмотря на то что забивал свиней один, все равно всегда после работы заходил к наставнику, где хозяйка забирала у него всю выручку. При этом количество потрохов, которое жаловали Ян Байшуню, оставалось прежним. Разумеется, Ян Байшуню такое поведение хозяйки казалось несколько нелогичным. О деньгах Ян Байшунь даже не помышлял, однако вопрос с потрохами при сложившихся обстоятельствах следовало уж точно решать иначе. Но хозяйка была с ним щедра лишь на словах. Едва Ян Байшунь появлялся в дверях с кадкой потрохов, она начинала его нахваливать: «Надо же, твой наставник в тебе не ошибся, ты парень способный» или: «Что означает "оказывать достойное сопротивление"³⁶? Ей-ей, это ведь твой случай!» Однако улыбки улыбками, а потрохов Ян Байшуню давать больше не стали. Поэтому, возвращаясь домой с тремя несчастными потрохами, он просто кипел от злости. Двадцать третьего числа последнего лунного месяца Ян Байшунь забивал свинью у Лао Хэ в деревне Хэцзячжуан. Лао Хэ укладывал волосы на пробор и любил почесать языком. Встретившись с Лао Хэ, Ян Байшунь обменялся с ним приветствиями и приступил к делу. Лао Хэ никуда уходить не стал, а пристроился рядом на корточках, чтобы поболтать. Сначала они беседовали на отвлеченные темы. Лао Хэ, который недавно открыл маслодавильню, пожаловался, что из-за выросших цен на кунжут стало совсем невыгодно гнать кунжутное масло. Потом разговор переключился на Лао Цзэна, а с него и на его новую жену. Зайди речь о ком-нибудь другом, Ян Байшунь бы не заводился, но когда речь зашла о жене Лао Цзэна, парня стала распирает злость. И тогда он, не прекращая разделку мяса, поддался импульсу и стал резать правду-матку о том, сколько коварства скрывалось в душе этой на вид всегда радушной женщины и как она его притесняла. Наставника своего он не трогал, говорил только про его жену. Лао Хэ стал сочувственно вздыхать: «С виду покладистая, как можно под такой личиной разглядеть тигра?.. Быстрее станешь святым, чем у иных допросишься». Ян Байшунь к этому разговору больше не возвращался. Однако двадцать шестого числа последнего лунного месяца Лао Хэ отправился в уездный центр на ярмарку и в обед заглянул перекусить к Лао Куну, что продавал лепешки с ослиатиной. Речь зашла о новогодних хлопотах. Лао Кун взглянул на то, что прикупил к Новому году Лао Хэ, а заодно спросил, не забил ли он свинью. Рядом с лавкой Лао Куна располагалась лавка продавца доуфу Лао Яна. Однажды, когда Лао Ян приходил в деревню Хэцзячжуан, Лао Хэ собрался купить у него один цзинь доуфу, но тот его обвесил, они разругались, и с тех пор между ними завязалась вражда. Поэтому сейчас, когда Лао Кун спросил про свинью, Лао Хэ, словно опомнившись, вдруг потащил его в укромное местечко и поведал о том, как к нему приходил забивать свинью Ян Байшунь. Когда Ян Байшунь приходил к Лао Хэ, тот знал лишь, что Ян Байшунь ученик Лао Цзэна, а про то, что он еще и сын продавца доуфу Лао Яна, Лао Хэ не знал. Когда же узнал, то пожалел, что позвал именно его. Зато сейчас, увидав продавца доуфу Лао Яна, он вспомнил разговор с его сыном и решил устроить своему врагу возмездие. Пока Ян Байшунь забивал у Лао Хэ свинью,

³⁶ Цит. по роману Ши Найяня «Речные заводы», эпизод, когда загнанный в горы Ляншань Линь Чун был вынужден оказать сопротивление.

они все время о чем-то говорили, каких только тем не перемусолили, однако сейчас из того разговора Лао Хэ выудил лишь недовольные отзывы Ян Байшуня о жене своего наставника, при этом Лао Хэ многое приукрасил и обмусолил во всех подробностях. Дело в том, что женой Лао Цзэна была младшая сестра Лао Куна. Разумеется, Лао Кун вознегодовал. Едва Лао Хэ с ним распрошлся, Лао Кун хотел тотчас разнести лавку Лао Яна, как когда-то это сделал Лао Доу, что торговал острым овощным супом и резаным табаком. Однако понимая, что силенок в стычке с Лао Яном ему может и не хватить, Лао Кун решил действовать иначе. Прикрыв свою лавку, он побежал к Лао Цзэну в деревню Цзэнцзячжуан. Свою сестрицу он застал на кухне за стряпней. Тут-то он и пересказал ей в мельчайших подробностях весь разговор с Лао Хэ. Едва Лао Кун ушел, его сестра тут же отложила свой черпак и побежала пересказывать этот разговор Лао Цзэну. Передаваясь из уст в уста, многие слова из этого рассказа успели преобразиться. Изначально Ян Байшунь жаловался на жену своего наставника, в то время как самого наставника он даже не упоминал. Однако теперь до ушей Лао Цзэна дошла совершенно другая информация – оказалось, что Ян Байшунь во всем винил именно его. Он якобы рассказывал, как хитро и несправедливо обходится с ним Лао Цзэн: мало того что жалеет для него комнаты, так еще и обделяет потрохами. Вечером двадцать шестого числа последнего лунного месяца Ян Байшунь, как обычно, вернулся в дом Лао Цзэна с кадкой потрохов. Поставив ношу на пол, он стал ждать хозяйку, чтобы передать ей выручку и получить свою долю потрохов. К его удивлению, хозяйка к нему не вышла, вместо этого из своей комнаты его позвал Лао Цзэн:

– Байшунь, поди-ка сюда.

Ян Байшунь прошел к наставнику. Тот по-прежнему лежал, а подле него стояла хозяйка. Тут Лао Цзэн начал свой допрос:

– Байшунь, хочу задать тебе один вопрос. Скоро будет год, как ты работаешь у меня, скажи, как я к тебе отношусь?

Почуввав неладное, Ян Байшунь поторопился ответить:

– Вы, наставник, меня не обижаете.

Лао Цзэн звонко выбил трубку о край лежанки и продолжил:

– А что ты сказал Лао Хэ из деревни Хэцзячжуан? Сказал, что я тебя притесняю. Вот и расскажи мне сегодня, в чем именно я тебя притесняю? Я тогда исправлюсь.

Ян Байшунь разом смутился, он понял, что грядет скандал, и поспешно ответил:

– Наставник, я такого не говорил, не слушайте эти сплетни.

Лао Цзэн хлопнул рукой о край лежанки:

– Как же так? Все уж про это судачат, а ты заверяешь, что не говорил. Хочешь вырасти в моих глазах, лучше говори все как было, а начнешь юлить – пощады не жди! Ты вспомни, в каком ты был положении, когда пришел ко мне. Кем был и кем стал. Я, пожалуй, pošлю завтра за цирюльником Лао Паем, чтобы он помог вспомнить!

Ян Байшунь хотел было что-то объяснить, но Лао Цзэн распалялся все сильнее. Позеленев от злости, он вопрошал:

– Ты что же, полагаешь, что уже всему обучился? Думаешь, что я уже больше на ноги не встану? Я тридцать лет забивал свиней, и до сих пор ни один человек меня не хаял, а тут собственный ученик отплатил черной неблагодарностью, взял и засадил нож в спину! – С этими словами он зарядил себе две звонкие пощечины: – Не разбираюсь я в людях, сужу о них лишь по лицам. Так поделом же мне, твою мать!

Тут к нему подоспела хозяйка и схватила за руки:

– Ну что ты так разошелся, каким бы он подлецом ни был, но это все же твой собственный ученик. – Она повернулась к Ян Байшуню: – Байшунь, ведь ты сам виноват. Если тебя что-то не устраивает, так не бойся в лицо сказать, нечего за спиной ругать наставника.

Лао Цзэн бросил в сторону Ян Байшуня:

– Да ладно бы кто другой обругал, а то этот. Какой же я идиот, что согласился его взять!

Ян Байшунь смекнул, что дело приняло серьезный оборот, а потому сразу же повалился на колени:

– Наставник, я виноват, было дело, говорил, но не в том смысле.

– А в каком же?

Сперва Ян Байшунь хотел признаться, что говорил лишь про его жену, а про него даже не упоминал. Но как он мог такое сказать, если хозяйка все это время стояла рядом? Лао Цзэн, заметив его нерешительность, разозлился пуще прежнего:

– Можешь ничего больше не говорить. С завтрашнего дня ты пойдешь по своей светлой дороге, а я – по своему узенькому мосточку, отныне ты мне не ученик и я тебе не наставник. Разойдемся, и каждый будет заниматься своим делом. А коли встретимся, буду к тебе на «Вы» обращаться.

– Наставник, да куда же я без вас!

– Это не я тебя вынудил, а ты меня вынудил. – С этими словами он разбил об пол керосинку и напоследок отрезал: – С завтрашнего дня к свиньям, твою мать, даже не прикасайся!

8

Двадцать девятого числа последнего лунного месяца женился брат Ян Байшуня, Ян Байе. Ян Байе тогда исполнилось девятнадцать. В те времена, когда Ян Байшунь был молод, жениться в девятнадцать лет считалось нормой, тем не менее продавец доуфу Лао Ян на тот момент еще не мыслил о женитьбе Ян Байе. Для их семьи свадьба была делом нешуточным. Серьезный характер этому событию придавали не только внушительные траты, которые, разумеется, предполагались. Но кроме финансовых проблем, имелись проблемы личного толка, ведь за женихом из бедного семейства в очередь никто не выстраивался. В отношениях с людьми семейство Лао Яна тоже выглядело не самым лучшим образом. Однако сам Лао Ян считал иначе и даже думал, что у него много друзей. Но как бы то ни было, женить своего сына он пока не собирался. Ведь появишься у того своя семья, и он сразу отделится. Так что для Лао Яна было лучше подождать еще годика два, а пока сын помогал бы ему делать доуфу. Но дело было даже не в помощи. Лао Ян имел троих сыновей и двое из них совсем отбились от рук, поэтому Лао Ян стал выстраивать свои отношения с сыновьями более жестко. Ян Байшунь и Ян Байли уже убежали из дома, с Лао Яном в помощниках остался один Ян Байе. А поскольку, в отличие от своих братьев, он все время находился у отца на глазах, между ними постоянно происходили какие-то стычки. Любую брошенную наперекор фразу Лао Ян помнил дней десять, а где это видано, чтобы за десять дней человек не сказал бы чего-то лишнего? Поэтому со временем Лао Ян накопил к старшему сыну гораздо больше невысказанного недовольства, чем к Ян Байшуню и Ян Байли. Ян Байе стал мечтать о женитьбе с семнадцати лет. Ему не столько хотелось жениться, сколько просто уйти от отца; Ян Байе надоело как безропотной скотине день-деньской подчиняться отцу и вместе с ним делать доуфу. Впрочем, доуфу был тут на втором месте, главное, о чем мечтал Ян Байе, – больше не видеть недовольную рожу своего отца. Однако Лао Ян быстро почуял настрой сына. Такая затаенная вражда задевала Лао Яна гораздо сильнее, чем открытая брань. Поэтому он стал проявлять двойное упорство, чтобы как можно дольше отсрочить женитьбу сына. Каждый день они вроде как вместе занимались своим ремеслом, но на деле каждый из них вынашивал собственные планы. Пока хозяином в доме был Лао Ян, соображения Ян Байе все равно не имели никакого веса, все исполнялось только по воле отца. Однако этот год стал исключением. Хоть семейству Янов никакая свадьба и не была нужна, тем не менее в самый канун Нового года это событие их настигло само. Согласно яньцзиньским обычаям, если брак начинается с нуля, то со дня помолвки до самой свадьбы должен пройти минимум один год. Но в семействе Янов со дня первого разговора об этом деле, двадцать пятого числа, и до самой свадьбы, двадцать девятого числа, прошло лишь четыре дня. Поскольку сам Лао Ян был обычным продавцом доуфу, подходящую пару для сына следовало искать в семье какого-нибудь цирюльника или перекупщика ослов. Однако будущим родственником Лао Яна оказался ни больше ни меньше помещик Лао Цинь из деревни Циньцзячжуан, которая находилась в двадцати ли от дома Лао Яна. Лао Цинь владел тридцатью цинами земли, на него работало десять с лишним человек, и день-деньской он вращался среди представителей богатых семейств. Круглоголовый здоровяк Лао Цинь имел малюсенькие глазки, которыми он любил часто-часто моргать; если другие, к примеру, моргают в день по две тысячи раз, то Лао Цинь моргал по двадцать тысяч раз. Вообще-то, люди, которые часто моргают, любят поразмышлять, однако Лао Цинь размышлять не любил. Голос у него был сиплый и тихий, и он очень любил аргументы. При этом его аргументы были отличны от тех, которые приводил Цай Баолинь, что держал в поселке лавку с лекарственными травами. Цай Баолинь придумывал свои аргументы сам, никого другого он не слушал, при этом мог кого угодно задавить своей правотой. А вот Лао Цинь, тот, наоборот, своих аргументов никогда не приводил, предпочитая выслушивать их от других: «Почему я никак не могу этого понять? Может, объяснишь?»

Человек пускался в объяснения, а Лао Цинь его внимательно слушал, требуя пересказать ситуацию от начала до конца, не упуская ни единой детали. Но ведь не бывает такого, чтобы все в этом мире складывалось гладко. В любом деле есть оборотная сторона, и не одна. Поэтому в доводах собеседника непременно проскальзывало какое-нибудь несоответствие, и вот тогда Лао Цинь мигом ловил человека на слове. Пока тот пытался залатать одну нестыковку, тут же вылезала другая. До разговора с Лао Цинем вопросов было куда меньше, но чем больше доводов приводил собеседник, тем больше у него появлялось проколов. В общем, разговор продолжался до тех пор, пока Лао Цинь не подводил собственных выводов, а его собеседник не заходил в тупик. Лао Цинь добивался своего, даже не утруждая себя разговорами, и всегда выходил правым. Моргая глазками, он только дивился: «Ты ведь сам так сказал». Таким образом, Лао Цинь сам никогда никого не убеждал, зато другие после своих же рассуждений убеждались в его правоте.

Лао Циню было под шестьдесят, вместе с ним жили четверо сыновей и одна дочь. К сыновьям он относился абы как, а вот единственную дочь, которая появилась у него в сорок лет, просто обожал. Когда Лао Цинь был не в духе, то и к родным сыновьям мог пристать, требуя аргументы, чтобы вывести их на чистую воду, а вот с дочерью он себе такого не позволял. Отучившись сначала в частной школе, а потом в «Яньцзиньской новой школе», Цинь Маньцин умела и читать, и писать. Вполне естественно, что Лао Цинь лучше бы помер, чем отдал свою крошку в семью продавца доуфу.

Год назад Цинь Маньцин просватала в семью Лао Ли – хозяина зернового склада, что располагался в уездном центре на улице Бэйцзе. Зерновой склад Лао Ли назывался «Источник изобилия». Рядом с «Источником изобилия» Лао Ли держал традиционную аптеку под названием «Спасение мира», и вместе эти два заведения занимали пол-улицы. Когда подходило время трапезы, для хозяина и его приказчиков накрывалось аж четыре стола. Горластый Лао Ли частенько садился на улице по-турецки и сам начинал зазывать покупателей: «Кто здоров – подходи за зерном, кто болен – подходи за снадобьем». Со стороны он мог показаться несколько развязным, однако на самом деле он был человеком порядочным. Едва у него возникала какая-нибудь проблема, он тотчас терялся. Но благодаря тому, что противоположности сходятся, у него в друзьях оказался Лао Цинь – человек, который, напротив, никогда не терялся. В прошлом году Лао Цинь с помощью Лао Цуя просватал свою дочь за сына Лао Ли, которого звали Ли Цзиньлун. Тот тоже ходил в «Яньцзиньскую новую школу», поэтому можно сказать, что они с Цинь Маньцин были однокашниками. Их помолвка состоялась еще осенью прошлого года, а сама свадьба планировалась на двадцать девятое число последнего лунного месяца этого года. Таким образом, задумывалось отметить сразу два радостных события – свадьбу и Новый год. С момента помолвки две семьи стали общаться намного чаще. На прошлый Новый год и другие праздники сын Лао Ли, Ли Цзиньлун, наносил будущему тестю почтительные визиты. Ли Цзиньлун и его отец Лао Ли по характеру отличались друг от друга: Лао Ли любил поговорить, а Ли Цзиньлун – нет. Когда они проводили время вместе, говорил всегда отец, а сын просто слушал. Если случалось, что Лао Ли вдруг замолчал, то Ли Цзиньлун молчанием не тяготился, он даже свое согласие или несогласие выражал обычным кивком или мотанием головы. Когда Лао Цинь общался с другими людьми, он всегда заставлял говорить их, а сам слушал, но, начав общаться с Ли Цзиньлуном, Лао Цинь теперь оказался на месте «других людей», а тот занял его роль. Поэтому он невольно вздыхал: «Этот сучий сын еще и меня перемолчит». Во многом из-за этого Лао Цинь относился к Ли Цзиньлуну более-менее терпимо. Однако случилось так, что, когда до свадьбы оставалось всего двадцать с лишним дней, Ли Цзиньлун вдруг передумал жениться. Передумал он не потому, что имел какие-то претензии к семье Циней или Лао Циню лично, а потому, что связался с дурной компанией и во время одной из пьяных посиделок поссорился с бывшим однокашником Вэй Цзюньжэнем. Ли Цзиньлун обозвал Вэй Цзюньжэня мудаком, а тот вышел из себя и начал наезжать в ответ: «Это

кто из нас мудаки? Сам не знает, что ему невеста попалась безухая, а еще чего-то там вякает». Все посчитали, что Вэй Цзюньжэнь пошутил, чтобы специально уколоть Ли Цзиньлуна. Но когда на него набросились с кулаками, Вэй Цзюньжэнь распалился еще сильнее и, преисполненный чувством собственной правоты, рассказал, что эту историю он слышал от их одноклассницы Дэн Сючжи. Во время учебы в «Яньцзиньской новой школе» Цинь Маньцин жила в доме у Дэн Сючжи. Та рассказала, что, когда Цинь Маньцин было два годика, она заснула во дворе, и свинья отгрызла ей ухо. Вот почему Цинь Маньцин всегда прикрывает волосами левую часть лица. Дэн Сючжи была тайной возлюбленной Ню Госина, который в прежние времена являлся лучшим другом брата Ян Байшуна, Ян Байли. Когда закадычные друзья вместе работали на чугуноплавильном комбинате, Ян Байли согласился доставить любовное письмо Ню Госина Дэн Сючжи, за что потом его подвесили к финиковому дереву и отстегали плетью. Разумеется, Вэй Цзюньжэнь все это выпалил просто со злости, у него и в мыслях не было устраивать свадьбу Ли Цзиньлуна. Но у того в голове словно что-то щелкнуло; более того, его опозорили при всем честном народе. Одним рывком Ли Цзиньлун перевернул стол, а вернувшись домой, попросил своего отца отменить свадьбу. Хозяин «Источника изобилия» и «Спасения мира», услышав про то, что у дочери Лао Циня не хватает уха, тоже удивился:

– Это должно быть на совести Лао Циня. Даже продавцы свиней не скрывают от покупателей каких-то изъянов, а тут человек дочь замуж выдает. – Помолчав, он добавил: – Ладно бы у нее на ухе бородавка росла, так можно и промолчать. Но коли не хватает целого уха, почему не рассказать сразу? – Он печально вздохнул: – Я с Лао Цинем уже несколько десятков лет дружу, даже заикнуться боюсь про отмену свадьбы. – И добавил: – Пусть он даже в чем-то неправ, вряд ли у меня выйдет его переубедить. – Следом он попробовал уговорить Ли Цзиньлуна: – Подумаешь, какое-то ухо, зато все другое при ней, все равно под волосами не видно.

Но Ли Цзиньлун даже глаза вытаращил от негодования:

– Ухо тут ни при чем, это все ерунда. С ухом все ясно, но вдруг у нее чего-то еще не хватает?

Сделав паузу, он продолжил:

– Если ты боишься Лао Циня, то я – нет, давай схожу я.

Подумав, он добавил:

– Можно ничего и не отменять. Если так его боишься, то сам и женись на его дочери.

Лао Ли знал, что Ли Цзиньлун хоть и молчун, но парень с характером – если принял решение, то его и девять волов не удержат. Впрочем, он и сам был раздосадован, что сыну в жены прочил безухую. Так что единственным вариантом было все-таки отменить свадьбу. Но как он мог доверить такое дело Ли Цзиньлуну? Сын не терпел долгих разговоров и в подобных ситуациях после пары фраз тут же начинал распускать руки. Лао Ли боялся, что они с Лао Цинем передерутся, поэтому решил удержать сына. Сходить к Лао Циню и растолковать тому причины размолвки он попросил свата Лао Цуя. Когда Лао Цуй все это доложил Лао Циню, тот пришел в ярость. Он объяснил, что у его дочурки Цинь Маньцин отсутствует не целое ухо, а лишь мочка. Тут же оказалось, что его ей отгрызла вовсе не свинья, а крыса, и случилось это не тогда, когда девочка нечаянно заснула во дворе, а когда она спала в своей постельке. А поскольку мочка не может влиять на качество товара, то не стоит это и обсуждать. Вслед за этим Лао Цинь привел в комнату свою дочь и, убрав прикрывавшие ухо волосы, показал его Лао Цую. У Цинь Маньцин и вправду два уха были на месте, и лишь на правом недоставало мочки. Между тем Лао Цинь усадил Лао Цуя и пристал к нему, требуя объяснений:

– Лао Цуй, я что-то совсем запутался. Прости, конечно, что я тебя затрудняю, но ты все-таки объясни, может ли расстроиться свадьба из-за какой-то мочки? – Тут же он добавил: – И проблема здесь даже не в свадьбе. Зачем мочку превращать в целое ухо? Вот в чем вопрос. Пока ты мне этого не разъяснишь, даже не думай уходить.

Лао Цуй, который был простым перекупщиком скота, сватовством промышлял лишь от случая к случаю. Поняв, что тут одна ошибка выросла из другой, в результате чего родилась третья, он несколько растерялся. Раньше он никогда не объяснялся с Лао Цинем, зная, что любые доводы в разговоре с ним оборачивались против говорящего. Вот и сейчас он предпочел откланяться, тем более что Лао Цинь заведомо занял однобокую позицию, выставив на обсуждение лишь ухо и мочку.

– Хозяин, я тут ни при чем, не я ведь прошу отменить свадьбу. – И добавил: – Пусть это останется на совести Лао Ли. Это он слышал звон, да не знает, где он. – С этими словами он быстро поднялся с места: – Я сейчас вернусь в город и расскажу Лао Ли правду, все уладится и ваши семьи породнятся, как и планировалось.

Но когда Лао Цуй вернулся в город, было уже поздно. Не потому, что целое ухо теперь было трудно превратить в мочку, и не потому, что на откушенную мочку семейство Ли также не соглашалось, а потому, что сын Лао Ли, Ли Цзиньлун, взял и ушел из дома. Впрочем, он не то чтобы ушел из дома, Ли Цзиньлун снюхался с сыном директора чугуноплавильного комбината Лао Ню, Ню Госином, и отправился с ним на юг в Ханчжоу за лекарственным сырьем. Но это было только предлогом, очевидно, что он просто хотел сбежать, оставив Лао Ли одного расхлебывать всю эту кашу. Уходя из дома, он даже не попрощался. Лао Ли, потирая от досады руки, сказал Лао Цую:

– И все из-за дурацких сплетен, вот уж и правда – из мочки сделали ухо. – Помолчав, он добавил: – Взял и сбежал, даже ни о чем не предупредил. Двадцать девятое число уже на носу, и что мне со всем этим делать?

Лао Цуй, нахмурившись, передал эту новость обратно Лао Циню из деревни Циньцзячжуан. Только тогда Лао Цинь понял, какой же подлец этот Ли Цзиньлун. Впервые в жизни он получил такую оплеуху, и от кого? От какого-то молокососа! Лао Цинь пришел в ярость:

– Передай Лао Ли, что если раньше это дело еще можно было уладить по-хорошему, то после такой насмешки тут и обсуждать нечего. Да если сейчас расползется слух о том, что из-за какой-то мочки отменили свадьбу, то проблема точно раздуется до размеров уха. Побег Ли Цзиньлуна – это его дело, но за его возвращение должен отвечать Лао Ли. Если двадцать девятого числа он не приедет за невестой, то вместо нее приеду я. И тогда мы уже поговорим не об отмене свадьбы, а кое о чем другом. И пока мы не разложим все по полочкам, я не отстану.

Последняя фраза была прямо в уязвимое место Лао Ли. Ведь у него никогда не получалось улаживать дела. Сталкиваясь с трудностями, он тотчас бежал за советом к Лао Циню. Кстати, идею открыть рядом с зерновым складом традиционную аптеку ему предложил именно Лао Цинь. При этом дохода она приносила гораздо больше, чем «Источник изобилия». Таким образом, получив помощь со стороны Лао Циня, Лао Ли теперь чувствовал себя обязанным. Но Ли Цзиньлун-то все равно уже удрал, где Лао Ли было его искать? Это он на словах сказал, что отправляется в Ханчжоу, а кто его знает, куда он сбежал на самом деле. Неразбериха в отношениях жениха и невесты тянулась вплоть до двадцатого числа, но Ли Цзиньлуна и след простыл, похоже, возвращаться к Новому году он не собирался. Хозяин «Источника изобилия» и «Спасения мира» Лао Ли был как на иголках. Он так боялся правдоискательства со стороны Лао Циня, что уже и сам мыслил о побеге. Между тем вечером двадцатого числа Лао Циня из деревни Циньцзячжуан отговорила от свадьбы его дочь Цинь Маньцин. В тот вечер, когда Лао Цинь, залив тоску вином, снова пустился костерить семейку Ли, к нему подошла Цинь Маньцин.

– Папенька, я знаю, что вы опечалены, но можно задать вам вопрос?

– Что еще?

– Что для вас важнее: доказать правоту или устроить счастье своей дочери?

– Чего? – переспросил Лао Цинь.

– Если вы, папенька, просто хотите доказать свою правоту, то эта ссора с семейством Ли через годик-два уладится – куда им с вами тягаться? Потом вы наверняка снова просватаете меня в семейство Ли. Вы сможете выместить на них свою злобу, но во что превратится моя жизнь? Боюсь, мне этой мочки вовек не забудут, и эта проблема раздуется до гигантских размеров.

Лао Цинь тяжело вздохнул:

– Я всю жизнь учу других уму-разуму, так что и для себя готов постараться. Но каким потом будет наше положение, если сейчас мы позволим семейству Ли расторгнуть свадьбу? Я не могу позволить, чтобы мою дочь отбросили в сторону, словно какой-то ненужный черепок, ведь тогда твое будущее превратится в тяжелое испытание. Я злюсь не потому, что семейство Ли отменило свадьбу, а потому, что они загнали мою дочь в тупик.

Цинь Маньцин, покинув стены «Яньцзиньской новой школы», все свободное время проводила дома, а потому прочла много романов династий Мин и Цин. Из них она узнала, что многие знатные дамы попадали в схожие ситуации, и тогда они в срочном порядке устраивали брак с нижестоящими. Кто-то выходил замуж за продавца масла, кто-то за дровосека, а кто-то и вовсе за нищего, и в конце концов у всех все складывалось хорошо. Поэтому Цинь Маньцин предложила:

– Пока я не прошла через это испытание, то судила о людях лишь по внешнему виду, но теперь я поняла, что заглядывать следует в сердце. Однако от сердца все беды. Не потому, что оно жестокое, а потому, что в трудную минуту заставляет вместо хорошего думать о плохом. В глазах других я осталась с изъяном. Сначала речь шла только об ушной мочке, но теперь я целиком превратилась в изъян. Папенька, если ты по-настоящему любишь меня, не допусти, чтобы твоя дочь повесилась на дереве. Отныне пусть моим мужем станет любой, богатый или бедный, лишь бы принял меня без мочки и был искренне рад провести со мною всю жизнь. Если о моем изъяне узнают сразу, то потом никогда уже не будут за это меня попрекать. Если же папенька все-таки со мной не согласится, заставляя семейство Ли передумать, я вообще откажусь выходить замуж.

С этими словами она залилась слезами. Глядя на страдания дочери, Лао Цинь не сдержался и громко выругался:

– Чертов продавец зерна, да имел я всех твоих предков до восьмого колена. Отныне я, Лао Цинь, твой враг навеки! – А своей дочери он сказал: – Всю жизнь я учил уму-разуму других, но самую важную истину мне преподала моя собственная дочь. И богатые, и бедные – все это понятия относительные. Богачи не обязательно счастливы, а бедняки – не обязательно плохие супруги. Как говорится, с милым сердцу и пампушка в радость. Если бы моя дочь не понимала этой истины, то с любым была бы несчастлива, но коли она это понимает, то в ее жизни будет намного меньше обид. Отцу твоему уже шестьдесят. Зная, что моя дочь поняла такую важную истину, я могу жить совершенно спокойно.

Когда Лао Циню пытались что-либо доказать другие, они могли потратить на это три дня и три ночи, и все без толку. А вот его дочь переубедила его сразу. На следующий день с утра пораньше Лао Цинь послал своего приказчика в село, чтобы вызвать к себе Лао Фаня, которому он собирался изложить новые соображения относительно свадьбы своей дочери Цинь Маньцин. Дело в том, что этот Лао Фань также состоял в родстве с хозяином «Источника избытия» и «Спасения мира»: вторая дочь Лао Ли была замужем за старшим сыном Лао Фаня. Лао Цинь обратился к Лао Фаню именно потому, что тот имел гораздо больший вес, чем сват Лао Цуй. Все свои соображения Лао Цинь представил четко по пунктам. Первое: он немедленно разрывает родственные узы с семейством Ли, с которым отныне не намерен обсуждать свадьбу. Второе: он не возвратит ни единого подарка из выкупа, а вместо этого все добро раздаст нищим. Третье: начиная с сегодняшнего дня он начнет выбирать для своей дочери Цинь Маньцин нового зятя. Им может стать даже бедняк, при условии, что не побоится взять в жены

его дочь без мочки. Выслушав такую речь, Лао Фань стоял ошарашенный. Потом, когда Лао Фань во время перекура узнал, что третий пункт выдвинула сама Цинь Маньцин, он еще долго вздыхал. Всю эту речь слово в слово Лао Фань передал хозяину «Источника изобилия» и «Спасения мира». Тот, выслушав его, словно прозрел:

– Доводы более чем основательные, вот уж не думал, что какая-то девчонка вдруг окажется мудрее меня. – Продолжая сокрушаться, он покачал головой: – Теперь моему сыну не видать счастья. Вроде бы и с глазами, а такую драгоценность не разглядел. Взять и упустить такую невестку! – Всплеснув руками, он протянул: – Эх-хе-хе, в глазах Лао Циня я теперь до конца жизни буду последним подонком. Как же я теперь буду жить без его советов?

Поначалу все это никак не касалось продавца доуфу Лао Яна из деревни Янцзячжуан, однако, прослышав о том, что семейство Циней выбирает нового зятя, притом даже из бедняков, он почувал к этому делу интерес. Интересовало его даже не то, что он даром может получить сноху. Как стало известно, семейство Лао Ли отказалось от безухой невесты, хотя потом выяснилось, что у той не хватало лишь мочки. Что же до продавца доуфу Лао Яна, того вообще не смущали никакие изъяны. Для него гораздо важнее было породниться с богатым семейством. Как говорится, попытка – не пытка; не получится – не беда, а получится – так одним выстрелом убьет сразу двух зайцев. Он просто не мог упустить такую халяву! Однако продавец доуфу Лао Ян всегда отличался безыдейностью. Два дня он протолок воду в ступе и наконец отправился за советом к извозчику Лао Ма из деревни Мацзячжуан. Ведь именно тот подсказал ему в прошлый раз, как определить Ян Байли в «Яньциньскую школу». И пусть Лао Ян в конечном счете остался у разбитого корыта, все-таки он был благодарен Лао Ма, поэтому, почував очередную выгоду, снова решил обратиться к нему. До извозчика Лао Ма уже тоже дошли слухи про выбор семейством Циней нового зятя, однако он понимал, что это не более чем сведение счетов между двумя богатыми семействами. Попав в дурацкое положение, Лао Цинь просто хотел таким образом вывести семейство Ли на чистую воду и доказать, что у его дочери нет другого изъяна кроме отсутствия одной-единственной мочки. Ему хотелось лишь продемонстрировать решительную позицию своей семьи и дочери. Так что какому-то продавцу доуфу не следовало принимать такое заявление всерьез и встревать в это дело. Другими словами, это была своего рода игра, которую никто не собирался переносить с подмостков в настоящую жизнь. Поэтому Лао Ма позабавил серьезный настрой Лао Яна, что вызвало у него очередную волну презрения. Но именно чувство презрения, а также негодование из-за того, что Лао Ян в свое время растрепал обстоятельства жеребьевки между сыновьями, подтолкнули Лао Ма сейчас ему подыграть. Поэтому он решил в очередной раз придумать для Лао Яна лазейку, чтобы тот на выходе натолкнулся на глухую стену в лице Лао Циня. Пусть он разобьет свою башку в кровь, авось надолго запомнится. Поэтому Лао Ма не только не стал разубеждать Лао Яна, но напротив, даже побудил его к активным действиям:

– Вот это дельце! Задаром получить такую невестку! Да это даже лучше, чем весь проданный за зиму доуфу. – И добавил: – Речь здесь не только о дармовой невестке. Если ты породнишься с семейством Лао Циня, то и твой доуфу вырастет в цене. – Чуть подумав, он продолжил: – Хотя твой сын и зря ходил в «новую школу», но если сейчас тебе удастся породниться с Лао Цинем, то прежняя неудача окупится сполна. – Наконец, он дал последнее наставление: – Я тебя не тороплю, но если хочешь, чтобы дельце твое выгорело, не дай другим тебя опередить.

Получив такие указания к действию, продавец доуфу Лао Ян возвратился в родную деревню в приподнятом настроении. На следующий день, двадцать пятого числа, Лао Ян встал пораньше, хорошенько вымыл голову, переделался во все чистое и скорой поступью направился в деревню Циньцзячжуан к Лао Циню. Хотя Лао Цинь и озвучил свое решение, все понимали, что сделал он это исключительно для показухи, поэтому всерьез его слова никто не воспринял, а потому и в родственники к нему не набивался. Спустя несколько дней сам Лао Цинь уже и думать забыл о своем заявлении. Поэтому когда перед ним нарисовался некто продавец

доуфу Лао Ян, который принял его слова за чистую монету и теперь пришел к нему свататься, Лао Цинь уж и не знал, плакать ему или смеяться. Но коль скоро он сделал такое заявление, он не мог отправить этого человека восвояси. Удивительно то, что, вопреки ожиданиям, его игра воплотилась в жизнь, и семьи Яна и Циня действительно породнились. Таким образом, продавец доуфу Лао Ян, уж и сам не ведая как, взял и отведать манны небесной. Итак, преисполненный радости Лао Ян направился к Лао Циню. Но едва он приблизился к его владениям и увидел помпезные строения, стойла, заполненные мулами и лошадьми, а также шныряющих туда-сюда по-деловому одетых работников, Лао Ян вдруг сдрейфил. Ему уже приходилось раньше бывать в доме у Лао Циня, но только в качестве продавца доуфу. Обычно он оставался у ворот и общался с поваром, за порог его нога никогда не ступала. Сейчас Лао Ян миновал уже несколько дворов и наконец зашел в главный флигель, где в кресле в величавой позе восседал Лао Цинь. Он молча уставился на Лао Яна своими маленькими глазками, а тот стоял перед ним ни жив ни мертв. Неловкое молчание затянулось, но Лао Цинь только часто моргал, продолжая выдерживать паузу. Тогда Лао Ян не стерпел и решил пойти на попятную:

– Хозяин, забудем об этом.

С этими словами он развернулся к выходу. Не скажи Лао Ян фразы «Забудем об этом», Лао Цинь бы так и сделал. Но поскольку Лао Ян все-таки ее произнес, Лао Цинь его остановил:

– Постой. Раз так, скажи хоть, зачем приходил?

Лао Ян понуро ответил:

– Хозяин, я виноват, моя, так сказать, жаба мечтает отведать лебяжьего мяса.

– Ну, тогда расскажи, с чего это ты своего сына считаешь жабой?

– У него нет никаких талантов, он только доуфу умеет делать.

– Так это же здорово. Даже самое ничтожное ремесло – богатство по сравнению с наделом в тысячу цингов тучных земель.

– Он у меня настолько честный и искренний, что не может даже слова поперек сказать.

– А какая от слов польза? Лично я предпочитаю слушать умных людей, вот и сейчас решил свою дочь послушаться.

– Но он безграмотный.

– Зато этот сукин сын из семейства Ли грамотный. Это еще полбеды, когда встречаются просто отморозки, гораздо хуже, если эти отморозки грамотные.

– Хозяин, помилуйте, но ведь я совсем беден.

Лао Ян настроился на такой лад, что казалось, будто он пришел не породниться, а напротив, отречься. Пока Лао Цинь беседовал с Лао Яном, Цинь Маньцин подслушивала их разговор в соседней комнате. Лао Цинь, разумеется, блефовал, когда озвучил решение найти себе нового зятя. А этого чудака Лао Яна он задержал для разговора, просто чтобы развеять скуку. Однако Цинь Маньцин все это время была настроена серьезно. Видя, что заявление отца не нашло скорого отклика и наплыва желающих, она посчитала, что виной тому или ее мочка, или запятнанная репутация. Она уверилась, что в этом мире ей уже не удастся обрести свою половинку. Поэтому сейчас, когда один желающий все-таки пришел, она, ничего не ведая о его малодушии, посчитала его речь весьма достойной. Поэтому, отдернув занавеску, она обратилась к отцу:

– Папенька, пусть это будет семейство Янов.

Лао Цинь и Лао Ян оба перепугались. Заметив серьезность намерений дочери, Лао Цинь поспешил ее урезонить:

– Не спеши, мы только приступили к разговору.

Но Цинь Маньцин настаивала на своем:

– Здесь нечего обсуждать. Любой другой на его месте наверняка принялся бы нахваливаться свое семейство, а господин Ян все это время перечисляет одни лишь минусы. Таких, как он, отыскать непросто. Я видела его сына, он приходил к нам продавать доуфу, отвешенные им

три цзиня на поверку оказались больше на три лян³⁷. Раз он таков в торговле, то что говорить о других делах? Иные претенденты могут оказаться недостойнее его, но никак не наоборот.

Выводы Цинь Маньцин выглядели весьма однобоко. Продавая людям доуфу больше положенного веса, Ян Байе делал это вовсе не потому, что не разбирался в правилах торговли, а потому, что таким образом он просто хотел насолить отцу. Однако с подачи Цинь Маньцин он выглядел как человек высочайших моральных качеств. Лао Цинь понял, что перемудрил со своим решением о выборе зятя. Растерявшись, он поспешил остановить дочь:

– Мы ведь едва начали разговор, разве так решаются дела? Тут требуется все обстоятельно взвесить.

Тогда Цинь Маньцин, решив уподобиться несчастным девицам из минских и цинских романов, вынула из-за пазухи ножницы, лязгнула ими в воздухе и, скрутив прядь волос, с готовностью провозгласила:

– Папенька, лучше не обманывай свою дочь, я понимаю, что для тебя это все игра. Но для меня – нет. Даже больше скажу: никто другой мне не нужен. А если будешь склонять меня к другому, я уйду из дома и завтра же подамся в горы Юньмэншань, где приму монашество.

Лао Цинь, заметив, что дочь всерьез собирается обрезать себе волосы, понял, что спасти положение ему уже не удастся. Любой протест с его стороны грозил обернуться чем-то совершенно невыносимым. В тот вечер, поддавшись сгоряча уговорам дочери, он зашел уже слишком далеко, чтобы идти на попятную. До этого Лао Цинь не знал о Лао Яне ничего, кроме того, что тот продавал доуфу. Состоявшийся разговор показал, что Лао Ян человек вполне честный. Собственно, Лао Циня не особенно бы волновало, если бы тот оказался нечестным. Ну какого подвоха можно было ожидать от обычного продавца доуфу? Однако он недооценил Лао Яна. Изощрения Лао Яна не вписывались ни в какие разумные рамки. С другой стороны, руководствуясь он здравым смыслом, никогда бы не посмел набиваться в сваты. Итак, Лао Цинь недооценил Лао Яна и, приняв его за порядочного человека, посчитал, что ничего страшного его дочери, кроме каких-то бытовых трудностей, не угрожает. Впрочем, он попытался ее предостеречь:

– Характер у тебя еще круче, чем у меня. Взять и такое серьезное событие решить на раз-два. Как бы тебе не пришлось потом раскаяться. – Сказав это, он вздохнул: – Сколько живу на белом свете, меня, Лао Циня, так еще никогда не понукали.

Итак, все решилось. Продавец доуфу Лао Ян все никак не мог взять в толк, как же это произошло. Цинь Маньцин, продолжая держать в руке прядь волос, обратилась к нему со следующей просьбой:

– Господин, если ваша семья собирается принять меня в свой дом, вы должны мне кое-что пообещать.

Лао Ян, смахнув выступившую испарину, спросил:

– Что же?

– Давайте считать, что сегодня у нас состоялась помолвка. Но ровно через четыре дня мы должны сыграть свадьбу, чтобы успеть к двадцать девятому числу.

Лао Цинь понял, что его дочь назначила эту дату специально, поскольку именно на двадцать девятое число планировалась ее свадьба с Ли Цзиньлуном. Однако Лао Ян несколько озадачился:

– Хозяин, все решилось так скоро, а у меня ничегошеньки не готово.

Лао Цинь презрительно плюнул в его сторону:

– Как будто тебе есть что готовить! Что же ты думаешь, раз твоя семья сватается к моей дочери, так я не могу взять на себя твои расходы?

³⁷ Лян – китайская мера веса, равная 50 г.

На седьмом небе от счастья продавец доуфу Лао Ян вернулся из деревни Циньцзячжуан в свою деревню Янцзячжуан. Обычно те, кто сватался, козыряли или своим богатством, или полезными связями. У Лао Яна козырных карт не нашлось, зато обнаружился фарт. Такого исхода не ожидал не только Лао Ян, но и извозчик Лао Ма. При этом продавец доуфу Лао Ян был безгранично благодарен Лао Ма. И хотя в свое время у него вышла неудача с «Яньцзиньской новой школой», в которую он определил Ян Байли, зато сейчас на славу удалось сватовство с семейством Циней, на которое Лао Яна снова подвиг Лао Ма. Когда Лао Ян рассказал эту новость жене и Ян Байе, жена возликовала, а сын, напротив, был раздосадован. Раньше он дулся на отца из-за того, что тот не давал ему жениться, а теперь, когда отец лично раздобыл ему невесту, Ян Байе вдруг стал придирается:

– У меня ведь никаких изъянов нет, почему тогда мне подыскали невесту без мочки?

Лао Ян подскочил к нему и зарядил пинка:

– Мочки-то у тебя на месте, зато ума не хватает!

Ян Байе был совершенно никудышным, обидчивым ребенком. Со своим характером он только осложнял любые дела. И выбить из него эту дурь никак не получалось. Именно из-за своей никудышности он до сих пор оставался при отце и готовил доуфу, в то время как двое его братьев уже ушли из дома, пытаясь проторить собственную дорожку. Подумав еще раз, Ян Байе все-таки решил, что если сейчас не воспользуется этим шансом, то еще не понятно, когда он вообще женится. Ну и пусть жена у него будет без мочки, зато под одеялом у него теперь будет не пусто. К тому же, женившись, он сможет уйти от Лао Яна. Так что как ни крути, а согласиться стоило.

Двадцать девятого числа в семье Янов праздновали свадьбу. Весь день двадцать восьмого числа простоял ясным, а к вечеру посыпал снежок. Снег, не прекращаясь, шел всю ночь до следующего утра. Поскольку свадьба обещала быть необычной, на нее, невзирая ни на какой снег, решил поглазеть народ из всех окрестных деревень. Похоже, что интерес вызывала даже не сама свадьба, а невеста без мочки, и даже не в мочке дело, а в целой цепочке событий, которую та спровоцировала. В тот миг, когда невеста стала спускаться из своего паланкина, толпа зашевелилась и разом подалась вперед, повалив окружавшую дом глинобитную стену. С заснеженной земли поднялся клуб пыли; в создавшейся сумятице одной старухе сломали ногу, поэтому невеста Цинь Маньцин вышла под крики и вопли. Если Лао Ян и Ян Байе раньше бывали в доме Цинь Маньцин, предлагая свой доуфу, то Цинь Маньцин в деревне Янцзячжуан никогда не появлялась. В минских и цинских романах она читалась историй о том, как девушки из богатых семей, выходя замуж за бедняков, переезжали пусть в ветхий, но чистый дом; как их супругами оказывались бедные, но умные молодые люди. И пусть последние торговали маслом или заготавливали хворост, все как один были заядлыми книголюбителями, а потому могли и стих сочинить, и картину нарисовать. Но едва Цинь Маньцин ступила на подставленную к паланкину скамеечку и подняла глаза, чтобы оглядеться, сердце ее зануло. Дом Янов и впрямь выглядел ветхо, покосившиеся пристройки заваливались в разные стороны, двор был весь в рытвинах и из-за растоптанного снега представлял из себя сплошное месиво. Цинь Маньцин, конечно же, догадывалась, куда едет, но такой грязищи все-таки не ожидала. Разочаровал ее и несуразный жених Ян Байе, который выбежал встречать ее с красной шелковой лентой. Раньше, когда Ян Байе приходил в их дом продавать доуфу, он всегда одевался без выкрутасов, а потому выглядел как простой нормальный парень. Сейчас же, в наряде жениха, в этом взятом напрокат парадном головном уборе и традиционном халате с красным шелковым бантом на груди, он выглядел как пугало. Подбегая к невесте, словно неуклюжая обезьяна, он раскрыл рот в идиотской улыбке. Почему в идиотской? Потому что улыбался просто по глупости. Собственно, нельзя сказать, что Ян Байе всегда выглядел идиотом, это выражение застыло у него на лице, едва он увидел, какое количество людей привалило на его свадьбу. Будь обстановка иной, он бы предстал в своем обычном облике. Потом он произнес какую-то приветственную фразу, чем

окончательно разочаровал Цинь Маньцин. Заметив, что невеста становится все более печальной, Ян Байе, приняв это на свой счет, шепотом ей сказал:

– Не бойся, продавая доуфу, я втихоря от отца откладываю для себя заначку.

Цинь Маньцин только вздохнула; она поняла, что жизнь и романы – это две разные вещи. Но ничего не напишешь, задумка принадлежала ей, менять что-либо было уже поздно, поэтому она не выдержала и под шумные звуки оркестра залилась слезами. Она горевала не потому, что ошиблась в женихе, а потому, что доверяла книгам.

Лао Ян продал осла и на вырученные деньги устроил свадебный пир на шестнадцать столов. Но где в своем доме он мог бы накрыть эти самые шестнадцать столов? Пришлось ему под это дело выпросить две комнаты у соседа Ян Юаньцина. Тот сперва не соглашался, но когда Лао Ян принес ему два брикета доуфу, смиловился. В целом свадьба удалась на славу. Породнившись с богачами, продавец доуфу Лао Ян переживал, что во время свадьбы возникнет какая-нибудь накладка и семейство Циней тотчас начнет выискивать недостатки. Однако во время свадьбы никаких накладок не произошло, и семейство Циней никаких недостатков не выискивало. Зато после торжества семейство Янов все-таки оплошало. Но оплошность допустил не жених Ян Байе, а его брат Ян Байшунь.

С тех пор как Ян Байшунь поссорился с забойщиком Лао Цзэном и остался без работы, ему ничего не оставалось, как вернуться в родную деревню. Ян Байшунь уже овладел навыками забойщика, поэтому работать мог и в одиночку. Но из-за того, что о нем поползла дурная слава как о человеке, оплатившем своему наставнику черной неблагодарностью, заниматься этим ремеслом он больше не мог. Сначала он думал податься в деревню Пайцзячжуан и еще раз попроситься в ученики к цирюльнику Лао Паю. Но поскольку именно он в свое время построил его к Лао Цзэну, теперь Ян Байшуню было сложно объяснить ему все тонкости своего провала, тем более что все выглядело не так, как это описывал его наставник. Его попытки себя оправдать сыграли с ним злую шутку, и в результате он остался без вины виноватым. Так что искать защиты у Лао Пая он не мог. Кроме того, Ян Байшунь снова обдумывал вариант с Лао Инем из деревни Иньцзячжуан, который торговал солью и содой. Однако работа у того носила сезонный характер и велась лишь весной, летом и осенью, а зимой, когда земля замерзала, все работы по добыче соли и соды приостанавливались, поэтому разговор о работе следовало отложить до весны следующего года. Была у него также мысль наняться в батраки для обработки помещичьего поля, но батраков тоже набирали весной, так как зима считалась мертвым сезоном. Никакого другого занятия для себя Ян Байшуню придумать больше не удалось, и никто из тех, кто бы мог помочь, ему в голову тоже не приходил. Самым отвратительным на свете человеком для Ян Байшуна был продавец доуфу Лао Ян, а самым противным делом – изготовление доуфу. Но, оставшись у разбитого корыта, Ян Байшунь вынужден был вернуться к Лао Яну и его доуфу. Лао Ян, оценив его положение, в душе испытал еще большее удовлетворение. Однако в этот раз он уже с ним не цацкался, а с самым серьезным видом объявил: «Мне помощники не требуются».

Однако на свадьбе брата Ян Байшунь выкинул номер отнюдь не в отместку Лао Яну. Неудачи в ремесле также были ни при чем, как и недовольство женитьбой Ян Байе. Виной всему стало возвращение домой его младшего брата Ян Байли. Отработав больше полугода кочегаром в паровозном депо города Синьсяна, тот возвратился совсем другим человеком. Взять хотя бы его одежду. Раньше Ян Байли был обычным деревенским парнем, а теперь стал кочегаром, работавшим в паровозном депо. Разумеется, когда ему приходилось то и дело заправлять топку, он день-деньской проводил в угольной пыли, так что ни лица его, ни волос от сажи было не видать. Однако на свадьбу брата он приехал не абы как, а в ладно сшитом пиджачке, при галстукке и в шляпе, всем своим видом демонстрируя триумфальное возвращение. Сказать по правде, работа кочегаром на паровозе Ян Байли совершенно не устраивала. Не устраивала она его даже не потому, что была грязной и изнурительной, шутка ли, когда локо-

мотив тянет за собой десять с лишним вагонов и все только за счет усилий одного человека – Ян Байли, который заправляет топку углем. Заступая на рабочее место и вплоть до конечной станции, кочегары работали без передышки, так что к концу смены их куртки со штанами можно было выжимать. Это не шло ни в какое сравнение с работой охранника на Яньцзиньском чугуноплавильном комбинате, когда Ян Байли дни напролет тупо млел на солнышке. Ему даже стало казаться, что он просто попался на удочку Лао Ваня из паровозного депо. Но грязь и тяжесть работы были еще не главным минусом. Проблема заключалась в том, что в локомотиве их всегда было трое; при этом машинист и его помощник являлись шефами Ян Байли. Главного шефа звали Лао У, а его заместителя – Лао Су. Когда эти двое заводили разговор, Ян Байли просто изнывал от скуки. Но от скуки он изнывал вовсе не потому, что те двое по сравнению с ним, любителем «позаливать», говорить не умели. Оба его шефа тоже любили потрепаться, да только всё не о том, о чем предпочитал Ян Байли. Те обсуждали исключительно дела семейные: как шурина из семейства Чжанов переломали ноги за то, что тот обокрал мужа старшей сестры; как свекор из семейства Ли переспал со своей снохой и как его поймала и тут же в одеяле чуть не задушила собственная жена; или как семьи Вана и Чжао из-за маленькой собачки чуть не перегрызли друг другу глотки. Все эти истории не имели ничего общего с историями, которые «заливал» Ян Байли. Их истории были слишком реальными, в то время как истории Ян Байли не могли существовать без фантазии и воображения, благодаря чему круто меняли любой сюжет. К примеру: «идет себе ночью какой-то человек, идет-идет и вдруг, откуда ни возьмись, появляется перед ним седобородый старец». Однако Лао У и Лао Су не нравились такие «заливалки» с седобородыми старцами, они воспринимали их как «вздорную чушь», для них существовали лишь истории с конкретными людьми, которых можно увидеть и пощупать. Ян Байли как подмастерье находился в подчинении у Лао У и Лао Су, локомотив был их территорией, поэтому интересы подмастерья их не волновали, так что если Ян Байли лез к ним со своими «заливалками», они могли и рассердиться. Поэтому все то время, что паровоз находился в пути, ехал ли он из Синьсяна в Бэйпин³⁸ или из Синьсяна в Ханькоу, или, наоборот, возвращался из Бэйпина или Ханькоу в Синьсян, языками чесали лишь Лао У и Лао Су, а Ян Байли, подбрасывая в пылающую топку уголь, держал рот на замке. Оставь человека без работы, ничего с ним не случится, а вот заставь отдохнуть его язык – пытка еще та. Ян Байли еле-еле дожидался окончания своей смены, чтобы затем отправиться в отдел закупок к Лао Ваню, на которого он жаждал выплеснуть все, что в нем накопилось за несколько дней молчания. Однако Лао Вань, будучи закупщиком, постоянно находился в разъездах, восемь из десяти дней его не было на месте, так что в восьми случаях из десяти Ян Байли его не заставал. Мало того, что он приходил переполненный «заливалками», так теперь ему приходилось их все нести назад. А это уже была пытка совсем другого рода. Казалось, что с каждым часом его распирало все больше и больше и грозило вот-вот разорвать на части. В такие моменты он еще острее чувствовал, что его решение стать кочегаром при локомотивном депо было ошибкой и что он попросту попался на удочку Лао Ваня. Как тут было не вспомнить предсказание слепого музыканта Лао Цзя, который обрек его покрывать каждый день по несколько сотен ли, и все из-за одного говоруна? Похоже, настал тот час, когда следовало признать его правоту. Однако уходить из паровозного депо Ян Байли не собирался. И не потому, что привязался к работе кочегара, а потому, что лелеял мечту когда-нибудь перевестись из кочегаров в проводники. Проводник заведует раздачей чая, ходит себе по вагону и предлагает пассажирам кипяточку, подметет пол разок-другой – вот и вся работа. В одном составе находится десять с лишним вагонов, в этих десяти с лишним вагонах едет больше тысячи пассажиров. Свой путь до Бэйпина, как и до Ханькоу, паровоз проделывает за сутки. Так что за такой промежуток времени среди тысячи с лишним пассажиров уж наверняка отыщется хотя бы один, кто будет

³⁸ Название Пекина с 1928 по 1949 г.

горазд «позаливать». Однако переход из кочегаров в проводники требовал смены специальности. Если локомотивами и рельсами ведало локомотивное депо, то за пассажирские вагоны отвечала железнодорожная служба. Лао Вань устроил Ян Байли в локомотивное депо, но пристроить его проводником он не мог. Посредников Ян Байли найти еще не успел, поэтому и торчал в своем локомотивном депо. Сам Ян Байли считал работу кочегара зазорной, однако на свадьбе старшего брата слово «кочегар» пришлось очень кстати. Если бы семейство Лао Яна устраивало свадьбу с семейством равного статуса, то среди его гостей оказались бы извозчик Лао Ма из деревни Мацзячжуан, кузнец Лао Ли из соседнего поселка, перекупщик ослов Лао Лю из деревни Люцзячжуан и так далее. Но поскольку теперь в родственниках у Лао Яна оказался Лао Цинь, состав гостей получился совсем другим. На свадьбу съехались сельский помещик Лао Фань, помещик Лао Фэн из деревни Фэнбаньцзао, помещик Лао Го из деревни Голива, пожаловал даже хозяин шелковой лавки «Благость чудесного леса» Лао Цзинь... Вообще-то, каждый из них мог бы отказаться от приглашения, однако, понимая, что этой свадьбой Лао Цинь хотел поднять репутацию своей оскорбленной дочери, они отложили свои дела и явились все как один. Поэтому их прибывшие друг за другом запряженные мулами кортежи протоптали в снегу основательную колею. Семейство Янов отродясь такого не видывало, то же самое можно было сказать и о приятелях Лао Яна. Извозчики и перекупщики ослов, всегда такие громкоголосые, сейчас прижухли, не решаясь присоединиться к гостям со стороны невесты. Когда начался свадебный пир, кузнец Лао Ли и перекупщик ослов Лао Лю спрятались на кухне, не смея выйти из своего укрытия. Всегда такой уверенный в своих манерах извозчик Лао Ма вообще предпочел солгать: «У меня дома жеребенок занемог. Что я, свадеб, что ли, не видел? Поеду-ка я лучше домой». С этими словами он задворками взял и ускользнул. И вот тут-то на подмогу Лао Яну явился Ян Байли. Это в локомотивном депо слово «кочегар» не имело никакого веса, зато в родной семье его теперь уважали. Восемь из шестнадцати столов, которые занимали гости семейства Циней, ломились от мясных и рыбных блюд. На остальных восьми столах, за которыми пристроились гости Лао Яна, у каждого была своя чашка со сборным блюдом. Не вдаваясь в подробности, перечислим лишь самых важных гостей семейства Циней, что сидели за главным столом. Итак, там разместились два старших брата Цинь Маньцин, сельский помещик Лао Фань, помещик Лао Фэн из деревни Фэнбаньцзао, помещик Лао Го из деревни Голива и хозяин шелковой лавки «Благость чудесного леса» Лао Цзинь. И вот когда остальные гости Лао Яна смалодушничали, за этот стол сквозь толпу проследовал Ян Байли. Хотя сама по себе его работа кочегара внимания не заслуживала, он успел помотаться по разным городам и, так сказать, повидать мир. К тому же он умел «позаливать», аудитория его ничуть не смущала, поэтому, присев за главный стол, он смотрелся там вполне органично. Возможно, виной тому были накопившиеся на работе обиды, но только свадьба Ян Байе стала для него настоящей отдушиной. Пока гости ели и пили, никакого неловкого молчания за столом не наблюдалось, тем более что говорил лишь Ян Байли, остальные его слушали. «Заливать», сидя в шляпе и при пиджачке, это, знаете ли, не то же самое, что «заливать» на проходной «Яньцзиньского чугуноплавильного комбината» в робе обычного рабочего. Да и «заливал» он не просто по следам яньцзиньских событий. В его арсенале были всевозможные забавные байки, услышанные им по дороге из Синьсяна в Бэйпин, из Синьсяна в Ханькоу или на обратном пути из Бэйпина или Ханькоу. Вообще-то, на своем рабочем месте Ян Байли, кроме растопки, ничем интересным не занимался, однако любая самая заурядная история в его изложении превращалась в шедевр. Ну, например, как-то раз ехали они, ехали, и вдруг их паровоз сбил насмерть молодую девушку. Паровоз резко затормозил и остановился, и тут прямо на их глазах из тела девушки выскочила рыжая лисица и в одну секунду исчезла без следа. Что бы это могло значить? Изумленные слушатели молчали, а Ян Байли продолжал заливать про то, что эта девушка не была ни человеком, ни лисицей. А дело вот в чем. Как-то в один год, когда для ремонта железной дороги понадобились шпалы, с северо-востока доставили партию срубленных деревьев, среди

них попало чудо-дерево, в которое ранее переродилась одна дьяволица. И теперь каждый год, в тот самый день, когда было срублено чудо-дерево, она появляется и пугает людей. К примеру, едет среди ночи паровоз, его огни освещают расстояние до пяти ли. Вот он едет-едет, и вдруг прямо верхом на луче от фары возникает мужик и неистово кричит: «Печенку и легкие оставь себе, а вот сердце верни!» Причем мужик-то не то чтобы какой-то дух, а вполне себе реальный человек, безвинно осужденный на смертную казнь скобарь из Ханьдана. Не докричавшись в свое время в зале суда, он теперь решил это делать верхом на луче от паровозной фары. Богатые гости со стороны семейства Цинь ничего другого и не ждали от кочегара. Слушая, как «заливает» Ян Байли, они лишь посмеивались про себя. «Заливалки» Ян Байли, рассчитанные на уровень Ню Госина и закупщика Лао Ваня, конкретно для этой аудитории не подходили. Поэтому, когда он заголосил от имени скобаря, оседлавшего луч от паровозной фары, гости сочли это уже за некоторое позерство. Слово «позерство» употребляется только в яньцзиньском наречии и означает выход чего-либо за рамки дозволенного или чрезмерное преувеличение. Мало того, что эта история Ян Байли никого не насмешила, так еще и до слез напугала пятилетнего внука Лао Циня, что держал в городе шелковую лавку. Вообще-то, Ян Байли собирался еще раскрыть подробности того, как скобаря приговорили к смертной казни, собственно, это был самый эффектный эпизод, потому как такой несправедливости с приговоренными еще не случалось, но из-за мальчика ему пришлось прерваться. Пир шел своим чередом, но Ян Байли так и не удавалось отвести душу, чтобы «назализаться» вдоволь, да и окружающим его истории казались сплошным позерством. Однако никто с Ян Байли не спорил. Стараясь сделать приятное пригласившей стороне, гости его слушали, ради приличия иногда даже смеялись. Пока он «заливал», народ пировал – так, собственно, посиделки и прошли. И хотя ни знатные гости, ни Ян Байли особого удовольствия от такого общения не получили, Ян Байшуню показалось, что Ян Байли теперь уже не тот младший брат, которого он знал прежде. В его глазах он стал ровней богачам, с которыми теперь панибратствует. Сам он, в отличие от Ян Байли, за год лишь научился забивать свиней и целыми днями возился с требухой. Но после ссоры с наставником он и этого делать не мог, поэтому ему пришлось вернуться домой, где что ни день его третировал Лао Ян. Итак, старшему брату справляли свадьбу, младший пировал за столом с высокими гостями, а Ян Байшуню, между тем, не позволили сесть даже за самый обычный стол. Более того, продавец доуфу Лао Ян нагрузил его поручением и послал следить за чистотой в туалете Ян Юаньцина. После посещения гостями отхожего места Ян Байшунь по горячим следам должен был присыпать выгребную яму землей. Это было одним из условий, которые выдвинул Ян Юаньцин, когда предоставлял Лао Яну свой дом: «Моешь устраивать в моем доме пир, но только при условии, что на кухне и в туалете будет абсолютная чистота». Два года назад, когда Ян Байшунь и Ян Байли вместе ходили в частную школу Лао Вана, они были ровней друг другу, но теперь вдруг все перевернулось. Как такое возможно? Ян Байшунь стал докапываться до причин, и снова ему вспомнилось, что именно брату удалось поступить в «Яньцзиньскую новую школу». А ведь если бы на его месте оказался он сам, то сейчас именно он восседал бы тут при шляпе и в пиджачке. Именно из-за той нечестной жеребьевки, которую провернули Ян Байли и Лао Ян, Ян Байли сначала покинул родную деревню, а потом добрался аж до Синьсяна, Бэйпина и Ханькоу, в то время как Ян Байшунь до сих пор безвылазно варился в собственном соку. Ян Байшунь совершенно заиклился на том, что его брат в свое время поступил в «Яньцзиньскую школу», и упустил из виду, что после ее роспуска Ян Байли сначала прицепился к Ню Госину, с которым отправился на Яньцзиньский чугуноплавильный комбинат, а потом к Лао Ваню, который переманил его в локомотивное депо города Синьсяна. Если бы в «Яньцзиньскую новую школу» поступил бы не Ян Байли, а Ян Байшунь, то вряд ли бы он, не умея «заливать», подружился с Ню Госином, и вряд ли бы он потом встретился с Лао Ванем, чтобы в точности как Ян Байли вернуться в родную деревню. Но злоба застила Ян Байшуню глаза на все эти тонкости, которых он и знать не знал, его интересовал лишь результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.